

ISSN 2073-6401

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Философия. Социология. Искусствоведение»

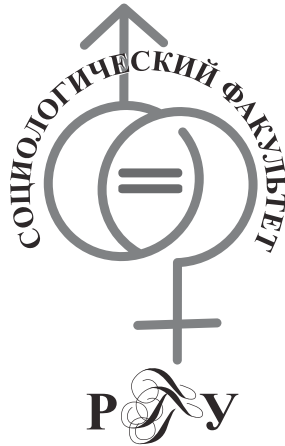
Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Philosophy. Sociology. Art Studies”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

1
часть 3
2022

VESTNIK RGGU. Seriya "Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series Academic Journal

There are 4 issues of printed version of the journal a year

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series is included: in the system of the Russian Science Citation Index (RISC); in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degree in the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them should be published:

09.00.00 Philosophy:

09.00.03 History of philosophy

09.00.11 Social philosophy

17.00.00 Art Studies:

17.00.03 Film, television and other screen arts

17.00.04 Fine and decorative-applied arts and architecture

17.00.09 Theory and history of art

22.00.00 Sociology:

22.00.01 Theory, methodology and history of sociology

22.00.04 Social structure, social institutions and processes

22.00.06 Sociology of Culture

Goals of the journal: representation of the newest research findings in the fields of philosophy, sociology, and art studies which have undoubted theoretical and practical significance and which are promising for the research development in that field and for its state as a whole.

Objectives of the journal: realization and development of examination of scientific articles, using the advanced modern interdisciplinary and complex approaches; representation of the most paradigmatic achievements in the fields that are significant for the progress of science and suitable for implementation into the educational process as the examples of proper scientific work; attracting new authors, researchers showing a high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of the academic and university science; translation of scientific experience between the generations and institutions.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61882 of 25.05.2015. Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73403 of 03.08.2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

Philosophy – Anna I. Reznichenko, annarezn@yandex.ru

Sociology – Olga V. Kitaitseva, olga_kitaitseva@mail.ru

Art Studies – Aleksandr V. Markov, vestnik-art@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

09.00.00 Философия:

09.00.03 История философии

09.00.11 Социальная философия

17.00.00 Искусствоведение:

17.00.03 Кино-, теле- и другие экранные искусства

17.00.04 Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

17.00.09 Теория и история искусства

22.00.00 Социология:

22.00.01 Теория, методология и история социологии

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.06 Социология культуры

Цель журнала: представление новейших результатов исследований в области философии, социологии и искусствоведения, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этой области и для состояния отрасли.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее парадигматичных достижений отраслей, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и вузовской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-61882 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: Россия, 125047, Москва, Миусская пл., 6

Философия – Анна Игоревна Резниченко, annarezn@yandex.ru

Социология – Ольга Вячеславовна Китайцева, olga_kitaitseva@mail.ru

Искусствоведение – Александр Викторович Марков, vestnik-art@rggu.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

Toschenko Zhan T., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RAS corresponding member,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Editorial Board

De Bardeleben Joan, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of European,
Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Vargas Julio César, Cand. of Sci. (Philosophy), professor, University of Valle, Cali,
Columbia

Velikaya Natalia M., Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia

Vinogradov Vladimir V., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Gerasimov
Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Vdovichenko Larisa N., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Wiatr Jerzy Jozef, Dr. of Sci. (Sociology), professor, University of Warsaw, Warsaw,
Poland

Gubin Valery D., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for
the Humanities, Moscow, Russia

Zvegintseva Irina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Gerasimov Russian State
Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Kalugina Olga V., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for
the Humanities, Moscow, Russia

Kitaitseva Olga V., Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Kolotaev Vladimir A., Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for
the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Konacheva Svetlana A., Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Limanskaya Lyudmila Yu., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State Uni-
versity for the Humanities, Moscow, Russia

Dieter Lohmar, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Köln, Köln, Ger-
many

Malinina Tatyana G., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Theory and
History of Arts, Russian Academy of Arts, Moscow, Russia

Markov Aleksandr V., Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Molchanov Victor I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia

Nowak Piotr, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Białystok, Poland

Rapic Smail, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Wuppertal University, Wuppertal,
Germany

Reznichenko Anna I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Masamichi Sasaki, Dr. of Sci. (Sociology), professor of sociology, Chuo University, Tokyo, Japan

Sipovskaya Natalia V., Cand. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

Fomin Valery I., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Tsyrkun Nina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Shevchenko Irina O., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Shtein Sergey Yu., Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Executive editors

M.B. Bulanova, Dr. of Sci. (Sociology), professor, RSUH

M.Yu. Milovanova, Cand. of Sci. (History), associate professor, RSUH

I.O. Shevchenko, Dr. of Sci. (Sociology), professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Ж.Т. Тощенко, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Дж. Де Барделебен, доктор политических наук, профессор, Карлтонский университет, Канада

Х.Ц. Варгас, кандидат философских наук, Университет Валле, Колумбия

Н.М. Великая, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Виноградов, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

Л.Н. Вдовиченко, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Е. Вятр, доктор политических наук, профессор, Варшавский университет, Республика Польша

В.Д. Губин, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И.А. Звезницева, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

О.В. Калугина, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.А. Колотаев, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.А. Коначева, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.Ю. Лиманская, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д. Ломар, доктор философских наук, профессор, Кёльнский университет, Кёльн, ФРГ

Т.Г. Малинина, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва, Российская Федерация

- А.В. Марков*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Молчанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- П. Новак*, доктор философских наук, профессор, Белостокский университет, Республика Польша
- С. Рапич*, доктор философских наук, профессор, Университет Вупперталя, Вупперталь, ФРГ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- М. Сасаки*, доктор социологических наук, профессор, Университет Чуо, Токио, Япония
- Н.В. Ситовская*, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация
- В.И. Фомин*, доктор искусствоведения, профессор, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- Н.А. Цыркун*, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шевченко*, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Штейн*, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск

М.Б. Буланова, доктор социологических наук, профессор, РГГУ

М.Ю. Милованова, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

И.О. Шевченко, доктор социологических наук, профессор, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНДЕРНЫЕ РЕСУРСЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Политика устойчивого развития: методология и опыт гендерных исследований

<i>Галина Г. Силласте</i> Методология и смена парадигм в исследовании социогендерного пространства и гендерного равноправия	318
<i>Наталья М. Великая</i> Женщины в политическом поле современной России: особенности политического участия и политического выбора	332
<i>Марина В. Баканова</i> Женское лицо российской политики: между Востоком и Западом	345
<i>Валентина Г. Ушакова</i> Пол и гендер: социополитические аспекты терминологических дебатов	352
<i>Галина М. Михалева</i> Гендерное равенство как цель устойчивого развития и ее реализация в России	363
<i>Екатерина А. Зиброва</i> Учет приоритетов гендерной политики и целей в области ESG в нефинансовых отчетах публичных российских компаний	372
<i>Людмила А. Брушкова</i> Гендерная нейтральность как норма нового гендерного порядка: отношение россиян	383
<i>Наталья С. Григорьева, Анастасия А. Жохова</i> Женщины в Британском политическом процессе в Новейшее время: ролевой анализ	393
<i>Юлия В. Манкевич</i> Гендерное равенство в контексте устойчивого развития: половозрастной аспект	404

**Гендер и новые социальные практики:
интеракция феминных и маскулиных категорий**

<i>Тамара К. Ростовская, Оксана В. Кучмаева, Наталья А. Безвербная</i> Особенности отношения к вспомогательным репродуктивным технологиям в Москве: анализ всероссийского социологического исследования	412
<i>Басак О.</i> Теоретический подход к курсу гендерных исследований с точки зрения феминистской педагогики	424
<i>Ольга В. Китайцева</i> Проблема насилия в отношении женщин в российском медиапространстве	435
<i>Эльвира М. Загирова</i> Гендерная оценка института полигамии (на примере Дагестана)	448
<i>Мадина М. Шахбанова</i> Гендерная специфика религиозного поведения (на примере дагестанского населения)	457

CONTENTS

GENDER RESOURCES FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT: INTERNATIONAL AND RUSSIAN EXPERIENCE

Sustainable development policy. Methodology and experience of gender studies

<i>Galina G. Sillaste</i> Methodology and paradigm shift in the study of sociogender space and gender equality	318
<i>Nataliya M. Velikaya</i> Women in the political field of modern Russia. Features of political participation and political choice	332
<i>Marina V. Bakanova</i> The female face of Russian politics. Between East and West	345
<i>Valentina G. Ushakova</i> Sex and gender. Socio-political aspects of terminological debates	352
<i>Galina M. Mikhaleva</i> Gender equality as a goal of sustainable development and its implementation in Russia	363
<i>Ekaterina A. Zibrova</i> Priorities of gender policies and ESG targets in Russian public companies' non-financial reports	372
<i>Lyudmila A. Brushkova</i> Gender neutrality as a norm of the new gender order. The Russians' attitude	383
<i>Nataliya S. Grigorieva, Anastasiya A. Zhokhova</i> Women in the British political process in contemporary times. A role analysis	393
<i>Yuliya V. Mankevich</i> Gender equality in the context of sustainable development. Gender and age aspect	404

**Gender and new social practices.
Interaction of feminine and masculine categories**

<i>Tamara K. Rostovskaya, Oksana V. Kuchmaeva, Nataliya A. Bezverbnaya</i> Features of the attitude to assisted reproductive technologies in Moscow. Analysis of the All-Russian sociological research	412
<i>Başak Ovacık</i> A theoretical approach to gender studies course in terms of feminist pedagogy	424
<i>Ol'ga V. Kitaytseva</i> The issue of violence against women in the Russian media space	435
<i>El'vira M. Zagirova</i> Gender assessment of the institute of polygamy (on the example of Dagestan)	448
<i>Madina M. Shakhbanova</i> Gender specificity of religious behavior (on the example of the Dagestan population)	457

ГЕНДЕРНЫЕ РЕСУРСЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Sustainable development policy. Methodology and experience of gender studies

УДК 316.346.2

DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-318-331

Методология и смена парадигм в исследовании социогендерного пространства и гендерного равноправия

Галина Г. Силласте

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия, galinasillaste@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается эволюция социальных изменений и особенности развития социогендерных процессов в российском обществе в условиях транзитивного перехода России к рыночной экономике, изменений в социальной структуре и в направлениях деятельности женских общественных организаций. Анализируются трансформации в социальном пространстве деятельности женских НКО, их востребованность, изменения социальной базы и политического внимания женских организаций к происходящим в мире изменениям. Раскрывается особенность социального пространства как поля интеграции новых гендерных норм социального взаимодействия в условиях формирования нового гендерного порядка.

На результатах повторного по характеру проектного социологического исследования «Женщины, демократизация и гендерное равноправие в российском обществе 30 лет спустя» раскрываются социальные смещения в процессе формирования нового гендерного порядка, степень понимания его сущности, восприятия некоторых норм и направленности массовым сознанием женщин и студентов, реакция населения на произошедшие в обществе за тридцать лет изменения. Ставятся вопросы переформатирования ряда направлений деятельности женских организаций с учетом изменившейся социальной и политической ситуации, действия Национальных проектов и целей устойчивого развития. Особый акцент делается на социальные изменения в структуре и в лидерстве женских НКО, на потенциальных возможностях расширения социально активной деятель-

© Силласте Г.Г., 2022

ности женских организаций в условиях формирования национального гендерного порядка.

Ключевые слова: гендерная социология, социальные изменения, транзитивные изменения, женские общественные организации, новый гендерный порядок, гендерное равноправие, социогендерные ресурсы, социогендерное пространство

Для цитирования: Силласте Г.Г. Методология и смена парадигм в исследовании социогендерного пространства и гендерного равноправия // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 318–331. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-318-331

Methodology and paradigm shift in the study of sociogender space and gender equality

Galina G. Sillaste

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia, galinasillaste@yandex.ru*

Abstract. The article considers the evolution of social changes and the peculiarities of the development of socio-gender processes in Russian society in the conditions of Russia's transition to a market economy, changes in the social structure and in the activities of women's public organizations. It analyzes transformations in the social space of the activities of women's non-commercial organizations, their relevance, changes in the social base and political attention of women's organizations to the changes taking place in the world. The article also reveals the peculiarity of social space as a field for integration of new gender norms in social interaction amid the formation of a new gender order.

Based on the results of the repetitive by its nature project sociological study "Women, democratization and gender equality in Russian society 30 years later", the author discloses the social shifts in the process of forming a new gender order; the degree of understanding of its essence, the perception of certain norms and orientation by the mass consciousness of women and students, the reaction of the population to the changes that have occurred in society over thirty years. The issues of reformatting a number of activities of women's organizations, taking into account the changed social and political situation, the actions of National projects and Sustainable Development Goals, are raised. Special emphasis is placed on social changes in the structure and leadership of women's non-commercial organizations, on the potential for expanding the socially active practices of women's organizations when forming a national gender order.

Keywords: gender sociology, social changes, transitive changes, women's public organizations, new gender order, gender equality, socio-gender resources, socio-gender space

For citation: Sillaste, G.G. (2022), "Methodology and paradigm shift in the study of sociogender space and gender equality", RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series, no. 1, part 3, pp. 318–331, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-318-331

*Сюжет 1. 30 лет спустя:
социогендерные процессы
и социогендерное пространство
как предмет социологического
изучения*

Прошло 30 лет как ушли в историю советское прошлое и Советское государство. Событие, перевернувшее не только нашу огромную по тем временам страну, но и весь мир, который сегодня стоит у красной черты реальной геополитической опасности. За 30 лет сформировался новый политический режим, новая модель политико-экономического и социального устройства, перестроена деятельность всего сообщества женских организаций – бывших активных участников исторического перестроечного процесса, которые в 90-е гг. образовали 35 тысяч самых разных женских и иных социальных организаций, активных участников исторического процесса. К настоящему времени их насчитывается 3447.

Почему акцентирую внимание на женских организациях того времени? Потому что их роль как субъектов действия в становлении и развитии социогендерного направления как процесса социальной практики и нового направления социологической науки, определенного мною как «гендерная социология» (получившая институциональное признание в отечественной науке в 2003 г.), ключевая.

Социогендерное направление научного познания явлений и процессов в российском обществе и в мире – как и вся гендерная социология – формировалось на двух фундаментах. С одной стороны, резкого усиления запроса социально-политической практики второй половины 80-х – начала 90-х гг. на познание сложных и противоречивых процессов перестройки и демократизации российского общества, активного участия в них женщин как преобладающей части и советского, и российского общества, последствий этого процесса для всех социальных групп населения, его социогендерных общностей. С другой – научное чутье и реакция ученого-социолога, поддержанная ректором АОН на динамичное и непредсказуемое тогда развитие процесса демократизации и перестройки советского общества как нового факта социальной

истории. Благодаря такому слиянию обстоятельств и было проведено в апреле–мае 1990 г. научным коллективом ГалСи Академии общественных наук первое в советской социологии масштабное социологическое исследование общественного мнения женщин как субъекта политики и субъекта общественного мнения: «Женщины и демократизация: общественное мнение женщин по актуальным социально-политическим вопросам» (исполнитель – научный коллектив ГалСИ под руководством профессора Г. Силласте, кафедра социологии, Академия общественных наук. Выборка – 2667 респондентов, из которых 400 составила группа экспертного опроса) [Женщины 1991]. Волей истории это исследование стало первым и последним масштабным исследованием общественного мнения женщин, имевшим исключительный резонанс в нашем обществе.

Так исторически был сделан первый шаг в становлении гендерной социологии в СССР/РФ. Шаг, который положил начало формированию в постперестроечной России научной школы «Гендерной и экономической социологии», отметившей в 2020 г. свое 30-летие. Не скрою: горжусь тем, что самим ходом исторического процесса стала родоначальником нового направления в отечественной социологии: гендерной социологии как частной социологической теории [Силласте 2003, с. 518], развитию которой в изучении социогендерных процессов российского общества посвящены сотни авторских статей.

Спустя 30 лет мы вернулись к этому проекту, и в рамках гранта РФФИ новый состав научного коллектива ГалСи провел повторное по своему характеру сравнительное социологическое исследование «Женщины, демократизация и равноправие в российском обществе 30 лет спустя и новый гендерный порядок». Его цель – ответить на ряд важных вопросов: как оценивается женским общественным мнением произошедшие в обществе изменения; к чему пришло социальное женское сообщество, создавшее в 90-х гг. масштабную сеть женских организаций, союзов, ассоциаций? Сохранило ли оно конструктивный характер и социальную энергетику или сгорело в энергии распада советской системы? Какова сила российской женской общественности и ее лидеров?

Для ответов на эти вопросы буду опираться на четыре концептуальные основания: теорию модусов социального времени и теорию социальных изменений, социологию организаций и теорию становления. Социальные процессы в каждый исторический период меняют свои приоритеты, которые всегда полезно выделять, чтобы не жить в новое социальное время с повернутой назад голо-

вой по старым уже реализованным ориентирам. К каким выводам подводит измерение российской социальной реальности 30 лет спустя? Выделю лишь некоторые.

Вывод первый. Россия в целом адаптировалась к сложным социальным условиям возврата к капиталистической системе хозяйствования. Россиянки определяют результаты этого перехода по-разному. Преобладающее большинство – 70% – считает, «что мы строим капитализм заново». Какой капитализм? По мнению 44% женщин, «строим капитализм с человеческим лицом»; по оценкам 28% – «криминальный капитализм»; 26% считают, что строим «развитое капиталистическое общество»; а по мнению 11%, это просто «возврат к капитализму»¹. Похоже, россиянки так и не понимают, что же за общество все эти 30 лет строит Россия. Но строит.

Вывод второй. Период реадаптации женских организаций к новым историческим, политическим и экономическим условиям развития страны в целом пройден. Женские общественные организации приспособились к новым социальным нормам жизни, к социальной нестабильности, к потерям и кризисам; научились предлагать новые формы сотрудничества и кооперации, не ждать милости «сверху», от государства. Тем не менее надеются на него, убеждаясь на протяжении последнего десятилетия, что оно способно действовать и находить управленческие решения.

Вывод третий. Отказ органов власти от определения «неправительственная организация» (НПО) и замена его на категорию «некоммерческая организация» (НКО) навел определенный идеологический порядок в деятельности общественных объединений, так как они стали рассматриваться не в качестве «контргосударственных», а как общественные союзники и социальный ресурс конструктивных действий.

Вывод четвертый. Женские организации, активно осваивая тактику «малых дел», научились самоорганизовываться, и это принципиально новая характеристика женских организаций. Они сами ищут союзниц-исполнителей своих социальных инициатив, волонтеров и заинтересованных участниц акций социальной поддержки нуждающихся россиян, детей – близких и чужих, адаптируясь к вынужденной автономности, которой, однако, научились эффективно пользоваться.

¹ Результаты социологического исследования «Женщины, демократизация и равноправие в российском обществе 30 лет спустя» проекта РФФИ «Вызовы и риски формирования нового гендерного порядка и социальный механизм управления им в России».

*Сюжет второй.
От хаоса и разрушения
до социально-правовой
регуляции*

Вместе с процессом правового контурирования социального пространства деятельности НКО, создания упорядоченности, контроля и регуляции деятельности новых социальных организаций произошло их политическое размежевание на «своих» и «чужих» согласно введенной в 2012 г. классификации, выделенной в отдельную группу НКО, идентифицированных как «иностранный агент». Новое социально-правовое пространство стало пространством активной общественной самоорганизации и реализации разновекторной активности женщин, их объединений и союзов.

В то же время произошла деполитизация женских НКО. Самостоятельных, автономных женских партий в России сегодня нет. Женский экстремизм не поддерживается. Некогда популярными идеями «женской политической партии» общество переболело как «детской болезнью левизны». Сформировался устойчивый электоральный запрос на реализацию женской гражданской активности в ходе избирательных кампаний. Это вполне закономерный запрос, если учитывать гендерную структуру российского электората, в котором женщины традиционно преобладают и оказывают стабильную солидарную электоральную поддержку президента на всех выборах.

*Сюжет третий.
Переформатирование
тематической структуры
женских НКО и их
новая классификация*

Как переструктурировалось социальное женское сообщество, что осталось от 35 тыс. общественных организаций 90-х гг.? Точную количественную картину дать сложно, так как отсутствует точная гендерная статистика женских организаций и движений в российских регионах. Согласно последней версии Закона РФ «Об общественных объединениях»,

Граждане имеют право создавать по своему выбору общественные объединения без предварительного разрешения органов государствен-

ной власти и органов местного самоуправления, а также право вступать в такие общественные объединения².

Иначе говоря, проведена либерализация закона об НКО, позволяющая официально не регистрировать общественное объединение, но разрешающее его развивать. Такую тактику можно интерпретировать как знак повышения доверия государства к деятельности НКО.

Этот вывод подтверждает и конкретный эмпирический факт: каждый пятый россиянин (по данным общероссийского социологического опроса) не только знает о существовании НКО, но и считает их деятельность «полезной для таких людей, как он сам».

Каков ареал женских НКО 30 лет спустя? Проведенный исследователем А.А. Букиной [Букина 2017] контент-анализ зарегистрированных женских НКО позволил составить перечень из 3447 социальных женских организаций (сокращение по сравнению с серединой 90-х гг. в 10 раз) и их классификацию по социально-тематической направленности их деятельности (табл. 1). Выделю приоритетную десятку.

Таблица 1

Классификация социально-тематической направленности деятельности женских НКО (в абсолютных единицах)

1. Сообщества родителей, в том числе многодетных	779
2. Женские благотворительные организации	592
3. Женские религиозные организации	372
4. Женские советы и союзы разных регионов	348
5. Организации по социальной поддержке материнства	219
6. Сообщества матерей и родственников лиц, жизнь и здоровье которых подвергаются опасности	184
7. Организации социальной поддержки женщин, их инициатив и борьбы за равноправие	177
8. Спортивные женские организации	160
9. Центры развития женского предпринимательства	101
10. Женские политические организации	94
11. Женские клубы	91

²Федеральный закон РФ от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (с изм. на 30 декабря 2020 г.).

Сформировалась принципиально новая социально-тематическая структура женских НКО, существенно отличающаяся от структуры 90-х гг. Новую структуру можно характеризовать как гуманизирующую и социально ориентированную на помощь и поддержку нуждающихся групп населения. Пятеркой самых востребованных женских организаций стали: *сообщества родителей – благотворительные – религиозные – женсоветы* (сохранившиеся из далекого прошлого, но востребованные и сегодня) и *социальная поддержка материнства*.

Следует учитывать и влияние *ситуативного фактора* на динамику социально-тематической направленности женских НКО. Так, учитывая современную напряженную политическую ситуацию, женские НКО активно пополняют миротворческие и волонтерские организации помощи беженцам из Луганской и Донецкой Республик. *Ситуативный фактор* развития НКО ярко проявился и на примере *ковидной эпидемии*, породившей всплеск гуманитарных форм волонтерского движения по оказанию помощи и больным, и вынужденным находиться на самоизоляции.

Как показали результаты нашего исследования, среди респондентов-женщин и студентов 40% сами переболели ковидом. У 53% переболели родственники, в том числе в 38% случаев – родители. 20% респондентов потеряли родных и друзей. 27% отметили, что «переболев, научились ценить жизнь». И это тоже социальный урок пандемии.

Сюжет четвертый. Поколенческие смещения в социальной базе женских НКО

Поколенческая константа женских НКО заключается в социально-гуманном характере их деятельности, направленной на оказание помощи и поддержки нуждающимся, с одной стороны, и в абсолютной гендерной доминанте женщин в структуре НКО – с другой. Абсолютное большинство российских НКО – это по своему составу женские социальные организации. Без преувеличения можно утверждать, что разносторонняя и неугасающая деятельность российских НКО – это высший знак неугасающей созидательной социальной активности россиянок. Внутри же этого деятельного сообщества произошло много изменений. Выделю некоторые из них.

1. *Социально-демографические*, касающиеся гендерной структуры (о ней сказано выше), возраста и образования членов женских НКО и их лидеров.

Образовательный уровень участниц НКО существенно вырос за прошедшие десятилетия. И это неудивительно, если учесть, что в России женщины с высшим образованием стабильно преобладают над количеством мужчин, в том числе и в гендерной структуре российской интеллигенции. К настоящему времени **до 80% женских научными званиями и степенями, развивающих свою самореализацию в общественной сфере деятельности.** Это ценный показатель, так как он говорит о росте компетентности самих лидеров, их способности к синтез-деятельности, сочетающей научную, преподавательскую, предпринимательскую профессиональную работу с общественной активностью, коммуникабельностью и социальной чувствительностью в оказании поддержки нуждающимся женщинам – семейным – одиноким – городским или сельским...

Причем среди них увеличился удельный вес *женщин-ученых*, которые сегодня возглавляют очень многие женские организации, особенно в мегаполисах и крупных городах. Это интересный факт: усиления социализации женщин-ученых в процессе руководства женскими организациями, их стремление к реализации в социально-практической деятельности своих научных навыков и знаний, общественной (социальной) коммуникологии и управления человеческими ресурсами.

В российское женское движение пришли активные самовыдвиженки, способные выдвинуть инициативу, собрать вокруг нее заинтересованных и умеющих женщин для проведения любой социальной акции: от литературного салона до избирательной электоральной кампании.

Увеличилось количество молодых женщин в российских НКО, и значительно расширились сферы их деятельности. Активно интегрированы в женские НКО женщины-предпринимательницы разных масштабов бизнеса.

2. *Урбанизированный характер женских НКО*, преобладающая часть которых создается и функционирует в городских полисах и отличается высокой социальной динамикой. Это в значительной мере связано с феминизацией интеллектуального труда в России – с одной стороны. А с другой – высоким процентом одиноких женщин среди городского населения, женщин, готовых активно заниматься общественной работой как альтернативой одиночеству. Особенно в этом контексте следует выделить заинтересованную общественную активность женщин пред- и пенсионного возраста.

3. Применение гибких форм *самостоятельного объединения женских организаций* по их собственному выбору и решению вокруг сильных авторитетных женских союзов. Это конструктивный процесс, отражающий приобретение социального опыта женскими

организациями, развитие инициативности действий и способности находить союзников в общем деле. По сути, это модель делового мира и новой корпоративной культуры, сохраняющих в женских организациях их главную тактику: тактику малых и нужных обществу дел в оказании социальной помощи нуждающимся. В России мало крупных женских организаций с советской историей и опытом развития. В настоящее время самыми крупными организованными женскими сообществами являются общественно-государственное объединение «Женщины России», эластичная модель развития «Союз женских сил» (СЖС), а также – в несколько иных корпоративных моделях – союзы женщин-предпринимателей...

4. Все эти новые формы, действующие организации и их лидеры непосредственно интегрируются в общий ландшафт формируемого нового гендерного порядка. Более того, они сами его развивают, являясь элементами сложного социального механизма формирования нового гендерного порядка, строящегося на укреплении принципов гендерного равноправия, разносторонней самореализации, национальной культуры, ценностных ориентациях, конституционных нормах права и этической морали.

5. В эпоху глобализации и глоколизации, цифровизации и конфликтов важное место в развитии женских НКО занимает влияние странового и формирующегося в мире нового гендерного порядка. Гендерный порядок представляет собой *систему взаимодействия принятых в обществе социальных норм, политической культуры и действующих социальных институтов, деятельность которых направлена на формирование в обществе социально-конструктивного и гуманного отношения к гендерным проблемам и к их решению* (курсив мой. – Авт.).

И в этом вопросе надо уметь отличать социальный конструктивизм гендерного порядка от его социальной деструкции. Преобладающий вектор гендерного порядка вправе выбирать для себя каждая страна в соответствии со своими национальными, моральными, поколенческими традициями и принципами. Примеры, демонстрируемые странами ЕС, считающими базовой теоретической основой европейского гендерного порядка теорию гендерной нейтральности, которая, **с одной стороны**, «снимает с учета» влияние признака пола на поведение, выбор ориентации, формирование личности, начиная с ребенка; ставит знак равенства между подходами к мужчине и женщине, **доводит до абсурда и аморальности гендерное равенство**, подменяя им равноправие, приводит к крайне негативным последствиям в обществе на уровне взаимодействия полов; **доводит гендерное равенство до абсурда и аморальности**, ставя на первый план абсолютизацию не социогендерных и поло-

вых отношений. Такой подход к гендерному порядку и такая его модель неприемлемы в большинстве стран мира, так как заключает в себе серьезные социальные риски и угрозы самому развитию традиционных институтов брака, семьи, родительства.

Каждая страна, государство, общество формируют свой национальный гендерный порядок, не подавляя своими нормами права, этики и культуры гендерный порядок другой страны. Попытки давления и навязывания России законов по либерализации половых отношений, признака пола не могут быть приняты, так как противоречат национальному законодательству и нормам культуры. Россия исходит из приоритета своих национальных, исторических и социокультурных ценностей, которые не «конвертируются» в ценности западноевропейские. В этом контексте работа в рамках реализуемого научным коллективом ГалСи при поддержке РФФИ исследовательского проекта «Вызовы и риски формирования нового гендерного порядка и социальный механизм управления им в России» позволила сконструировать страновой гендерный политической ландшафт и дать характеристики страновых гендерных порядков целого ряда стран.

Сюжет заключительный. Взгляд на перспективу

Какие тенденции развития женского социального сообщества просматриваются в настоящее время, учитывая выделенные ранее особенности? Обозначу их в лапидарной форме:

- возрастет привлекательность сообществ деловых женщин, женщин-предпринимателей разного уровня и разного профиля;
- укрепится развитие гендерно нейтрального предпринимательства, каковым является семейное предпринимательство, вовлекающее в экономическую деятельность детей и молодежь;
- возрастет запрос женщин на расширение знаний и квалификации, что будет стимулировать рост женских образовательных организаций на рынке образовательных услуг, а также заинтересованность женских НКО в обучении, расширении социальной информированности и профессиональных навыков. Этот процесс будет сопровождаться стремлением к проведению различных, все более специализированных малогрупповых семинаров в сочетании с клубными формами отдыха и релакса для их участников;

- расширится заинтересованное участие *женщин-ученых* в создании *женских исследовательских организаций*. Причем, чем глубже эти исследователи осознают сложный для России страновой переход от исторически отработанной концепции «женского вопроса» к новому гендерному порядку и его ценностям, крайностям, привносимым в жизнь и сознание женщин изменениям, тем современнее будут исследования и практичнее их выводы;
- возникнет стремление конструктивных мужских организаций кооперироваться с женскими сообществами в достижении общих целей гендерного равноправия. Состав женских НКО будет медленно, но обновляться.

Есть ли более масштабные резервы развития и укрепления женских НКО? Есть. Важную роль в стратегии формирования мировой гендерной политики и ее странового развития, координации *социальных* и политических целей борьбы женщин за гендерное равноправие играет Европейский союз и образованная в 2010 г. в ООН структура «ООН-женщины». Хотя документы структуры «ООН-женщины» носят рекомендательный характер, ее авторитет, престиж ООН, компетентность ее специалистов оказывают серьезное влияние на коррекцию гендерной политики и гендерных подходов к ней во всех странах. Деятельность организации направлена на претворение в жизнь глобальной программы Целей в области устойчивого развития и на содействие равноправному и эффективному участию женщин во всех сферах жизни общества и государства. Ориентируется на эту Программу и Российская Федерация.

Представляется, что задача российских женских НКО и не только женских – гибко развивать связи с НКО разных стран, соответствующих нашим идеалам, ценностям и целям, искать союзников и объединяться там, где наши интересы совпадают, развивать женскую так называемую мягкую дипломатию в международных отношениях страновых НКО, дипломатию через контакты женщин-ученых, женщин предпринимательских кругов и т. д.

Учитывая сложность политической ситуации в мире, необходимость всемерной консолидации российского общества перед лицом глобального противоборства и конфронтационной позиции стран Западной Европы и США, задача женских российских НКО – укреплять связи с женскими НКО дружественных в отношении России стран и одновременно выстраивать мостики народной дипломатии с женскими организациями недружественных стран, опираясь на общепринятые между странами принципы взаимоуважения, честного отношения к информации и стремления оказания помощи нуждающимся беженцам. Верю в женский гуманный прагматизм

и стремление к мирным решениям, к соучастию в наведении мостов дружбы и сотрудничества. Поэтому вижу в страновых, международных женских НКО потенциальных союзников, общая политика которых способна развивать женское дипломатическое влияние, так называемую мягкую дипломатию в международном сотрудничестве.

*Один пример из практики
Ассоциации исследователей «Женщины.
Развитие. Глобальный мир»*

25 марта сего года в рамках 66-й сессии ООН по положению женщин Научная школа «Гендерная и экономическая социология» совместно с Ассоциацией провела встречу женщин-ученых разных стран на тему: «Женщины в науке и образовании: самореализация и гендерное равенство». Цель встречи – обсуждение актуальных проблем женской самореализации в сфере науки и образования как пути их совершенствования и обеспечения гендерного равноправия. К нашей дискуссии присоединились участницы восьми стран с разных континентов. Они излагали свои позиции, воззрения, предложения по укреплению продвижения женщин в сфере науки своих стран, в сферах научной и образовательной деятельности, роли семьи и материнства в формировании интересов и познавательных запросов детей, в их взрослой самореализации, в тяге к научному познанию. В целом, несмотря на большую территориально-страновую, социокультурную и языковую разность представленных участниц, конструктивный диалог и взаимопонимание были достигнуты. Это один из примеров влияния на становление новых гуманно-созидательных норм странового и межстранового гендерного порядка.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–00519 А «Вызовы и риски формирования нового гендерного порядка и социальный механизм управления им в России».

Acknowledgements

The article was prepared with the support of the RFBR in the framework of the scientific project No. 20-011-00519 A “Challenges and risks of the formation of a new gender order and the social mechanism of its management in Russia”.

Литература

- Букина 2017 – Букина А.А. Женские некоммерческие организации современной России: Опыт классификации // Право и современные организации. 2017. № 4. С. 25–38.
- Женщины 1991 – Женщины и демократизация: общественное мнение женщин по актуальным социально-политическим вопросам / Под ред. Г.Г. Силласте. М.: Луч, 1991. 106 с.
- Силласте 2003 – Силласте Г. Социология гендерная // Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 2003. 831 с.
- Силласте 2021 – Силласте Г.Г. Российские женские организации как форма социального сообщества и его социальная динамика в модусах глобализации и становления нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 28–46. DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.3.

References

- Bukina, A.A. (2017), “Women’s Non-Profit Organizations in Contemporary Russia. A Classification Experience”, *Pravo i sovremennye organizatsii*, no. 4, pp. 25–38.
- Sillaste, G.G. (ed.) (1991), *Zhenshchiny i demokratizatsiya: obshchestvennoe mnenie zhenshchin po aktual’nym sotsial’no-politicheskim voprosam* [Women and democratization. Women’s public opinion on topical socio-political issues], Luch, Moscow, Russia.
- Sillaste, G.G. (2003), “Gender sociology”, *Sotsiologicheskaya entsiklopediya* [The Sociological Encyclopedia], in 2 vols, vol. 2, Mysl’, Moscow, Russia.
- Sillaste, G.G. (2021), “Russian women’s organizations as a form of social community and its social dynamics in the modes of globalization and the formation of a new gender order”, *Woman in Russian Society*, no. 2, pp. 28–46.

Информация об авторе

Галина Г. Силласте, доктор философских наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия; 125167, Россия, Москва, Ленинградский пр., д. 49/2; galinasillaste@yandex.ru

Information about the author

Galina G. Sillaste, Dr. of Sci. (Philosophy), Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 49/2, Leningradskii Avenue, Moscow, Russia, 125167; galinasillaste@yandex.ru

Женщины в политическом поле современной России: особенности политического участия и политического выбора

Наталия М. Великая

*Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия, natalivelikaya@gmail.com*

Аннотация. Проблемы политического участия женщин, которые рассматриваются в рамках данной статьи, позволяют не только прогнозировать общий ход политического процесса в России, но и выявить степень влияния женщин на электоральные результаты выборов. Статья написана на основе данных последней волны мониторинга «Как живешь, Россия?» (июнь 2021), который проводится Центром стратегических социальных и политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Автор рассматривает особенности легитимации российского политического режима женской частью общества, которые определяются уровнем доверия к различным общественным и политическим институтам и уровнем удовлетворенности политической системой. Анализируя партийно-политические симпатии и особенности декларируемого политического поведения женщин, автор делает вывод о минимальных различиях в оценках содержания и специфики политической системы в мнениях мужчин и женщин. Обнаружены расхождения в оценке деятельности некоторых политических лидеров, в партийно-политических симпатиях. Учитывая отсутствие раскола между представителями полов в оценке политических вопросов, можно прогнозировать сохранение сложившегося гендерного порядка, который характеризуется традиционными представлениями о роли женщин в обществе.

Ключевые слова: политическая легитимация, политическое поведение, партийные симпатии, доверие, женщины

Для цитирования: Великая Н.М. Женщины в политическом поле современной России: особенности политического участия и политического выбора // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 332–344. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-332-344

Women in the political field of modern Russia. Features of political participation and political choice

Nataliya M. Velikaya

*Institute of Socio-Political Research of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
natalivelikaya@gmail.com*

Abstract. The issues of women's political participation, which are considered in the article, allow not only to predict the general course of the political process in Russia, but also to identify the degree of women's influence on the electoral results. The article is written on the data of last wave of Monitoring "How do you live, Russia?" (June 2021), launched by the Centre of strategic social and political studies of the Institute of social and political research of Russian Academy of Sciences.

The author analyses the features of the legitimization of the Russian political regime by the female part of society, which are determined by the level of trust in various public and political institutions and the level of satisfaction with the political system. Analyzing the political parties sympathies and features of the declared political behavior of women, the author concludes that there are minimal differences in the assessments of the content and specifics of the political system in the opinions of men and women, discrepancies were found in the assessment of the activities of some political leaders, as well as in political parties sympathies. Given the absence of a split between the sexes in the assessment of political issues, it is possible to predict the preservation of the existing gender order, which is characterized by traditional ideas about the role of women in society.

Keywords: political legitimization, political behavior, party sympathies, trust, women

For citation: Velikaya, N.M. (2022), "Women in the political field of modern Russia. Features of political participation and political choice", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, part 3, pp. 332–344, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-332-344

Введение

Тенденция к феминизации политики в последние десятилетия вызывает интерес исследователей к проблемам политического участия женщин и в нашей стране, которая по индексу гендерного

равенства в последние годы спустилась до 81-го места среди 153 стран¹. Глобализационные процессы оказывают разностороннее влияние на гендерные отношения, меняя рынки труда, трансформируя семейные отношения и формы родительства, формируя новые социальные практики, что расширяет набор методологических и методических исследовательских стратегий [Fonow et al. 2005]. Проблемы гендера в политике чаще всего рассматриваются в контексте политизации повестки обеспечения гендерного равенства и соблюдения гендерных прав [Warasin et al. 2019; Durbin et al. 2017], что сопровождается гражданским активизмом и участием самих женщин в борьбе за свои права [Ирсетская, Китайцева 2021], либо в связи с осмыслением тех стереотипов, которые определяют восприятие тех или иных идей и смыслов, связанных с правами [Ishiguro 2006] при использовании социокультурного подхода.

В рамках статьи мы предполагаем рассмотреть особенности политического участия женщин, опираясь на теории социального действия и мобилизации ресурсов [Яницкий 2012; Тилли 2019], которые предполагают анализ структурных возможностей мобилизации, связанных с институциональными рамками политического режима и с социокультурными, идеологическими основаниями социальной интеграции и мобилизации.

Женщины в политическом поле

Не останавливаясь на описании особенностей современного политического режима, заметим, что он определяется зарубежными и отечественными политологами как гибридный или «нео-авторитарный», с ограниченной ролью политических партий, с доминированием президентской ветви власти, со слабым местным самоуправлением [Wiatr 2017]. Очевидно, что процесс легитимации таких режимов подразумевает определенные формы взаимоотношений между властью и разными группами общества.

Эмпирическим путем легитимность выявляется с помощью индикаторов доверие–недоверие, удовлетворенность политической системой и жизнью в стране, отношением к формальным социально значимым политическим практикам (выборы, референдумы, общественные слушания и т. д.), готовностью к тем или иным формам протестного поведения.

¹ Global Gender Gap Report 2021 // Insight Report by the World Economic Forum, March, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2021.pdf (дата обращения 1 марта 2022).

Учитывая, что социальное благополучие во многом определяет отношение к органам власти, подчеркнем, что сложившаяся в России социально-экономическая ситуация характеризуется замедленным ростом ВВП, сокращением рынка труда, увеличением количества граждан, живущих на доходы ниже прожиточного минимума. Если в конце 2012 г. за чертой бедности находилось 15,4 млн чел., то в 2021 г. уровень бедности, по данным Росстата, оценивался уже в 13,1% (19,1 млн). Экономические проблемы больше сказываются на женщинах, которые в России остаются социально уязвимой группой. Женщины значительно чаще, чем мужчины, не могут обеспечить стабильный доход через занятость; у женщин, как правило, более низкие заработные платы и пенсии. Женщины чаще представлены в группах с повышенным риском бедности: безработных, родителей-одиночек, precarious; средний уровень многомерной бедности женщин в России составляет 22,8%, в то время как мужской – 18,8% [Денисова, Карцева 2020, с. 150].

Таблица 1

Отношение к политической системе общества
(в % от числа опрошенных в каждой группе)

Варианты ответов	Женщины	Мужчины
Меня полностью устраивает политическая система	6,6	12,3
В политической системе много недостатков, но их можно устранить реформами	53,1	40,1
Меня не устраивает, надо менять радикально	29,6	39,9
Затрудняюсь ответить	9,6	7,7

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН

По результатам последней волны мониторинга, проведенной в июле–августе 2021 г., российские граждане продолжают весьма критично оценивать состояние современной политической системы. На фоне сокращения тех, кого политическая система устраивает полностью, заметно выросло количество россиян (с 18% в 2020 г. до 34% в 2021 г.), считающих необходимым изменение политической системы радикальным образом [Как живешь, Россия? 2021]. Отмечаемые многими исследователями гендерных различий компромиссность женщин и стремление к мирному решению вопросов проявляется по нашим данным (табл. 1) в том, что при меньшей

степени удовлетворенности политической системой (6,6% против 12,3% у мужчин), женщины в меньшей степени склонны к изменению политической системы радикальным образом, предпочитая эволюционный реформистский путь трансформации (табл. 2). В целом по выборке количество людей, настроенных радикально, за два года выросло с 18% в 2019 г. до 35% в 2021 г.

Таблица 2

Отношение респондентов к общественным структурам
и институтам власти (вариант ответа «доверяю»)
(в % от числа опрошенных в группе)

Варианты ответа	Женщины	Мужчины
<i>Президенту</i>		
Доверяю	53,5	44,7
Не доверяю	29,5	44,3
Затрудняюсь	16,9	11,1
<i>Армии</i>		
Доверяю	67,8	63,4
Не доверяю	22,5	26,7
Затрудняюсь	9,7	9,9
<i>Правительству</i>		
Доверяю	37,8	30,6
Не доверяю	46,3	56,9
Затрудняюсь	15,8	12,5
<i>Государственной Думе</i>		
Доверяю	23,3	21,7
Не доверяю	55,1	65,1
Затрудняюсь	21,6	13,2
<i>Политическим партиям</i>		
Доверяю	18,5	21,6
Не доверяю	57,7	61,3
Затрудняюсь	23,8	17,2

Окончание табл. 2

Варианты ответа	Женщины	Мужчины
<i>Профсоюзам</i>		
Доверяю	35,4	32,3
Не доверяю	42,1	46,1
Затрудняюсь	22,5	21,6
<i>Церкви</i>		
Доверяю	43,9	35,2
Не доверяю	40,9	48,2
Затрудняюсь	15,2	16,6
<i>Общественным организациям</i>		
Доверяю	35,5	39,1
Не доверяю	38,2	41,1
Затрудняюсь	26,5	19,7
<i>СМИ</i>		
Доверяю	22,9	21,1
Не доверяю	60,6	67,1
Затрудняюсь	16,5	11,8

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН

Важнейшими показателями устойчивости и консессуальности в обществе является доверие к политическим институтам, которое, с одной стороны, является социальным капиталом, а с другой – культурным ресурсом, обеспечивающим социальное взаимодействие [Штомпка 2012].

Лидерами списка рейтинга доверия на протяжении последних 20 лет являются Президент, армия и церковь, в разные годы занимающие разные места в первой тройке. Женщины демонстрируют более высокий уровень доверия практически всем политическим институтам, кроме политических партий и общественных организаций, которые на фоне других политических институтов воспринимаются обществом как наименее дееспособные. Возможно, это связано и с тем, что современные партии в стране игнорируют проблемы гендерного поля. В идеологической системе координат преобладают ценности так называемого социального консерватизма,

где женщину необходимо поддерживать прежде всего в реализации ее материнских функций. Из 14 программ политических партий в 10 женщина рассматривается с точки зрения только ее биологических и детородных функций, поэтому поддержка женщин и решение женских проблемы сводятся исключительно к заботам о материнстве и укреплении семьи [Великая, Князькова 2021]. Значимые различия по сравнению с мужчинами имеют место при оценке Президента (ему не доверяют 44,3% мужчин и 29,5% женщин) и Правительства (60 и 40% соответственно).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос:
«Что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов?»
(в % от числа опрошенных в каждой группе)

Варианты ответов	Женщины	Мужчины
Мои интересы достаточно защищены	10,7	15,4
Подпишу обращение властям	17,1	13,2
Выйду на митинг, демонстрацию	11,8	14,4
Буду участвовать в забастовках, акциях протеста	6,1	7,7
Если надо, возьму в руки оружие, пойду на баррикады	3,3	9,4
Ничего из перечисленного не буду делать	43,5	30,5
Другое	0,4	1,5
Затрудняюсь ответить	7,2	7,9

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН

Удовлетворенность политической системой, доверие к политическим институтам коррелируют с мнением респондентов относительно реализации государством норм жизни демократического общества. Ряд показателей с 2018 г. демонстрирует снижающуюся тенденцию: люди все ниже оценивают успехи государства на nive демократического развития: существенные проблемы в области свободы политического выбора, свободы слова, терпимость к чужому мнению проявляются в общественном мнении [Как живешь, Россия? 2021, с. 28]. С 2017 г. сокращалось количество граждан, готовых участвовать в протестных акциях, забастовках, несмотря

на расширяющиеся возможности цифровизации, которая, по мнению ряда ученых [Кольцова, Киржич, 2016; Филатова 2014], может существенно влиять на протестное поведение и формы его реализации, способствуя его мобилизации. Однако существуют основания полагать, что с распространением информационных технологий выражение политических (в том числе протестных) активностей может «уходить» в виртуальное пространство [Игнатовский 2021], что проявилось в условиях самоизоляции.

Институциональное закрепление жесткой регламентации политической активности, которое особенно интенсивно осуществлялось в 2020 и 2021 гг. на фоне пандемии, – во многом способствовало заморозке протестного поведения: 43% опрошенных не склонны что-либо предпринимать для защиты своих интересов.

Следуя логике теории мобилизации ресурсов, напомним, что протест может возникнуть только при формировании экономических, политических и организационных возможностей для мобилизации существующего недовольства [Meuer 2004]. Огромное количество формальных барьеров для различных форм политического активизма ограничивает политическую консолидацию. Легальной формой политического поведения остаются выборы, которые не пользуются большой популярностью у российских граждан. В преддверии парламентских выборов 2021 г. только 51% демонстрировали готовность прийти на избирательные участки при отсутствии расхождений в ответах мужчин и женщин. Многие годы мы не выявляем существенных различий по полу в плане идеологической самоидентификации респондентов. Примерно также выглядит и картина партийных предпочтений, где почти одинаковое количество мужчин и женщин считают себя сторонниками той или иной партии. Вместе с тем женщин несколько больше среди электората «Единой России», а мужчин – среди сторонников ЛДПР.

Таблица 4

Уровень поддержки респондентами
политических партий, движений
(в % от числа опрошенных в каждой группе)

Партия	Женский	Мужской
Единая Россия	17,6	12,8
КПРФ	7,7	9,6
ЛДПР	8,6	12,2
СР	5,5	3,5

Окончание табл. 4

Партия	Женский	Мужской
Яблоко	1,7	1,8
Партия роста	0,2	0,6
Новые люди	0,9	2,0
Родина	0,1	0,6
РППС	2,4	0,3
Другую	0,7	1,7
Никакую	44,6	44,8
Затрудняюсь	5,8	4,8

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН

В условиях предстоящего транзита власти вопрос о будущем президенте является центральным в публичном дискурсе. Несмотря на признание ряда политических деятелей в качестве лидеров, они не всегда рассматриваются респондентами в качестве президента.

30% не видят в пуле современных политиков фигуры, которая могла бы рассматриваться как безусловный лидер, способный преодолеть кризисные явления в экономике и политике. 31% возлагает надежды на действующего президента страны, однако снижение рейтинга последние три года является показателем непопулярности политики, реализуемой властью. Затем с большим отрывом идут Шойгу (16%), Лавров (10%), представляющие исполнительную власть. Меньше получили Мишустин (8%), Собянин (5%), Кадыров (4%). Среди лидеров парламентских партий заметны Жириновский с 9%, представители левого фланга – Грудинин (7%) и Зюганов (4%). По сравнению с предыдущими волнами мониторинга выросла поддержка Навального (3,8% женщин и 7,4% мужчин), что мы связываем с расширением медийной популярности в ходе истории с отравлением, его возвращением в страну после лечения и последующим арестом.

Несмотря на высокий уровень симпатий к действующему Президенту и признание его в качестве эффективного лидера, как потенциального президента его хотят видеть лишь 23,5% избирателей. 6,2% хотели бы видеть на этом посту Шойгу, 5,7% – Навального. Остальные возможные претенденты на пост президента пока могут

рассчитывать на поддержку не более 4%. В список перспективных политиков включены только две женщины – С. Авксентьева и Е. Шульман, у которых на сегодняшний день довольно высокий рейтинг узнаваемости в определенных сегментах общества. По данным ФОМ, в 2014 г. возможность поддержать кандидата-женщину на выборах главы государства допускали 57% (среди женщин – 67%, среди мужчин – 46%). Однако на сегодняшний день общество не рассматривает женщину как возможного кандидата в президенты. Сложившаяся модель рекрутирования политической элиты, будучи малоальтернативной, не способствует эффективно включению в список селектората новых людей, и прежде всего женщин, чьи ресурсы и социальный капитал значительно ниже, чем у мужчин.

Заключение

В целом можно сказать, что в существующей системе политических отношений специфика политического сознания женщин не выявляется. Значимых различий в идеологических или партийных предпочтениях не обнаружено. Однако при достаточно эффективной реализации активного избирательного права, когда женщина выбирает, мы видим малоэффективную реализацию пассивного избирательного права, когда женщин выбирают в органы власти и управления, что создает очевидный гендерный дисбаланс в системе политического представительства. Главной причиной низкой вовлеченности женщин в политическую активность нам видится нехватка ресурсного потенциала, необходимого для участия на выборах разных уровней.

Отношение респондентов, как женщин, так и мужчин, к политической системе, уровень доверия политическим институтам сохраняет устойчивость при незначительной понижающей тенденции. Уровень доверия к президенту выше среди женщин, что на общем фоне низких рейтингов представительной власти демонстрирует наличие серьезных противоречий в сложившихся практиках легитимации политической системы.

Литература

Великая, Князькова 2021 – Великая Н.М., Князькова Е.А. Репродуктивные права женщин в политическом дискурсе современной России // Женщина в российском обществе. 2021. № 5. С. 25–37.

- Денисова, Карцева 2020 – Денисова И.А., Карцева М.А. Гендерные аспекты бедности в России: абсолютный и многокритериальный подход // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 138–154. DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.12.
- Игнатовский 2021 – Игнатовский Я.Р. Роль цифровизации в трансформации российского политического протеста // Власть. 2021. Т. 29. № 1. С. 84–90.
- Ирсетская, Китайцева 2021 – Ирсетская Е.А., Китайцева О.В. Роль российских лидеров некоммерческого сектора в формировании информационной повестки по проблемам домашнего насилия // Интеллигенция в новой реальности: Сб. статей XXII Междунар. теоретико-методол. конф. М.: РГГУ, 2021. С. 241–253.
- Как живешь, Россия? 2021 – Как живешь, Россия?: Экспресс-информация. 51 этап социологического мониторинга, июнь 2021 года: [бюллетень] / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]; Отв. ред. В.К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 68 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9956> DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-368-3.2021 (дата обращения 12 января 2022).
- Кольцова, Киркиж 2016 – Кольцова О.Ю., Киркиж Э.А. Влияние интернета на участие в протестах // Полития. 2016. № 1. С. 90–110.
- Тилли 2019 – Тилли Ч. От мобилизации к революции / Пер. с англ. Д. Карасева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 432 с.
- Филатова 2014 – Филатова О.Г. Интернет-технологии политической мобилизации в современной России // ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10. № 4. С. 57–67.
- Штомпка 2012 – Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос. 2012. 440 с.
- Яницкий 2012 – Яницкий О.Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 3–12.
- Durbin et al. 2017 – Durbin S., Page M., Walby S. Gender Equality and ‘Austerity’: Vulnerabilities, Resistance and Change // Gender, Work and Organization. 2017. Vol. 24. No. 1. P. 22–31.
- Fonow et al. 2005 – Fonow M.M., Cook J.A., Jorge J.A. Feminist Methodology: New Applications in the Academy and Public Policy // Signs Journal of Women in Culture and Society. 2005. № 30 (4). June. P. 36–45.
- Ishiguro 2006 – Ishiguro I. Gender bias in estimating political expertise // Asian Journal of Social Psychology. 2006. № 9. P. 216–223
- Meyer 2004 – Meyer D.S. Protest and Political Opportunities // Annual Review of Sociology. 2004. Vol. 30. P. 125–145.
- Warasin et al. 2019 – Warasin M., Kantola J., Augustin L.R., Caughlan C. Politicisation of EU gender policies: the political dynamics in the European Parliament Committee on Women’s Right and Gender Equality: Fünf Politikfelder und deren Analyse // Gendering the European Parliament: Structures, Policies, and Practices / Ed. by P. Aherens, L. Rolandsen Agustin. London; New York: Rowan@Littlefield international. ECPR press, 2019. P. 186–201.
- Wiatr 2017 – Wiatr Jerzy J. New and Old Authoritarianism in a Comparative Perspective // Studia socjologiczno-polityczne. Seria Nowa. 2017. № 2 (07). P. 123–138. DOI: 10.26343/0585556X20707.

References

- Denisova, I.A. and Kartseva, M.A. (2020), "Gender Aspects of Poverty in Russia. Absolute and Multicriteria Approach", *Women in Russian Society*, no. 2, pp. 138–154. DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.12
- Durbin, S., Page, M. and Walby, S. (2017), "Gender Equality and 'Austerity': Vulnerabilities, Resistance and Change", *Gender, Work and Organization*, vol. 24, no. 1, pp. 22–31.
- Filatova, O.G. (2014), "Internet-technologues of political mobilization in modern Russia", *POLITEKS*, vol. 10, no. 4, pp. 57–67.
- Fonow, M.M., Cook, J.A. and Jorge, J.A. (2005), "Feminist Methodology: New Applications in the Academy and Public Policy Signs", *Signs Journal of Women in Culture and Society*, no. 30 (4), pp. 36–45.
- Ignatovsky, Ya.R. (2021), "Role of digitalization in Russian political protest's transforming", *Vlast'*, vol. 29, no. 1, pp. 84–90.
- Irsetskaya, E.A. and Kitaitseva, O.V. (2021), "Role of Russian NGO leaders in forming informational agenda about domestic violence", *Intelligentsiya v novo-voi real'nosti: sbornik statei XXII Mezhdunarodnoi teoretiko-metodologicheskoi konferentsii* [Intelligencia in the new reality. Collection of articles of XXII International theoretical and methodological conference], RGGU, Moscow, Russia, pp. 241–253.
- Ishiguro, I. (2006), "Gender bias in estimating political expertise", *Asian Journal of Social Psychology*, no. 9, pp. 216–223.
- Levashov, V.K. (ed.) (2021), *Kak zhivesh', Rossiya? Ekspress-informatsiya* [How are you, Russia? Express information. 51st stage of the sociological monitoring, June 2021], Levashov, V.K., Velikaya, N.M., Shushpanova, I.S. [et al.], FNISTS RAN, Moscow, Russia, available at: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9956> (Accessed 12 January 2022), DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-368-3.2021
- Kol'tsova O.Yu. and Kirkizh, E.A. (2016), "Influence of the Internet on protests", *Politiya*, no. 1, pp. 90–110.
- Meyer, D.S. (2004), "Protest and Political Opportunities", *Annual Review of Sociology*, vol. 30, pp. 125–145.
- Sztompka, P. (2012), *Doverie – osnova obshchestva [Trust as the base of society]*, Logos, Moscow, Russia.
- Velikaya, N.M. and Knyazkova, E.A. (2021), "Reproductive Women Rights in Political Discourse of Modern Russia", *Woman in Russian Society*, Special issue, no. S, pp. 25–37.
- Tilly, Ch. (2019), *Ot mobilizatsii k revolyutsii* [From Mobilization to Revolution], Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia.
- Warasin, M., Kantola, J., Augustin, L.R. and Caughlan, C. (2019), Politicisation of EU gender policies: the political dynamics in the European Parliament Committee on Women's Right and Gender Equality: Fünf Politikfelder und deren Analyse, Aherens, P. and Rolandsen Agustin L. (eds.), *Gendering the European Parliament:*

Structures, Policies, and Practices, Rownan@Littlefield international. ECPR press, London, New York, pp. 186–201. DOI:10.5771/9783845297941-186.

Wiatr, J.J. (2017), “New and Old Authoritarianism in a Comparative Perspective”, *Studia socjologiczno-polityczne*, Seria Nowa, no. 2 (07), pp. 123–138. DOI: 10.26343/0585556X20707.

Yanitskii, O.N. (2012), “Mass Mobilization. Issues of Theory”, *Sociological Studies*, no. 6, pp. 3–12.

Информация об авторе

Наталья М. Великая, доктор политических наук, профессор, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1; natalivelikaya@gmail.com

Information about the author

Nataliya M. Velikaya, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 6 (1), Fotievoi Street, Moscow, Russia, 119333; natalivelikaya@gmail.com

Женское лицо российской политики: между Востоком и Западом

Марина В. Баканова

*Международный медицинский центр “Dua Hospital”,
Исламабад, Пакистан, mari-ina@mail.ru*

Аннотация. В статье сравнивается так называемое политическое лицо женщин западных, восточных стран и России. Основными характеристиками женщин-политиков Западных стран стали: обычное происхождение и личные качества для достижения высокого поста, профильное образование и хорошее место работы до прихода в политику, ранний и поздний вариант становления политической карьеры, сильные семейные связи с минимумом детей, высокая эффективность политических решений с низким процентом провалов. Женщины-политики Восточной группы стран характеризуются наследственностью и преемственностью политической власти, профильным или гуманитарным образованием, поздним началом политической карьеры, часто – с опорой на супруга, сильными семейными связями, малодетностью, высоким процентом политических скандалов, коррупционных обвинений и низкой эффективностью управления. Женщины-политики в России отличаются обычным происхождением в сочетании с высокими личными качествами для достижения политического поста, профильным образованием, в том числе на уровне выше бакалавриата; они вынуждены рано вступать на политический путь, жертвуя возможностью иметь альтернативное место работы, возможностью иметь более одного ребенка или прервать карьеру политика при семейной необходимости, при этом эффективность работы россиянок-политиков высока, хотя политические скандалы нередки. Таким образом, при большей ориентации женщин-политиков в России на Запад, они имеют как восточные, так и свои личные особенности, связанные с различными причинами, ликвидация которых будет способствовать улучшению политической сферы для продвижения женщин в данной области.

Ключевые слова: женщины-политики, Запад, Восток, Россия, гендер, гендерная политика

Для цитирования: Баканова М.В. Женское лицо российской политики: между Востоком и Западом // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 345–351. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-345-351

© Баканова М.В., 2022

The female face of Russian politics. Between East and West

Marina V. Bakanova

*International Care Medical Centre “Dua Hospital”,
Islamabad, Pakistan, mari-ina@mail.ru*

Abstract. The article compares the so-called political face of women in Western, Eastern countries and Russia. The main characteristics of women politicians in Western countries are: common descent and personal qualities as means to achieve a high position, specialized education and a good place to work before entering politics, early and late political careers, strong family ties with a minimum of children, and the high effectiveness of political decisions with a low failure rate. Women politicians in the Eastern group of countries are determined by heredity and continuity of political power, specialized or humanitarian education, a rather late start of a political career, often relying on a spouse, strong family ties and small families, a high percentage of political scandals, corruption charges and low management efficiency. Women politicians in Russia are more often characterized by a common descent with high personal qualities as means to achieve a political office and a specialized education, including at the level above the bachelor's degree, they have to enter the political path early, sacrificing the opportunity to have an alternative job, the possibility of having more than one child or interrupting the career of a politician, while the effectiveness of the work of Russian women politicians is high, although political scandals are not rare.

Thus, with a greater orientation of women politicians in Russia towards the West, they have both Eastern and their own personal characteristics associated with various reasons, the elimination of which will improve the political sphere for the advancement of women in this area.

Keywords: women politicians, West, East, Russia, gender, gender politics

For citation: Bakanova, M.V. (2022), “The female face of Russian politics. Between East and West”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, part 3, pp. 345-351, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-345-351

Если вы хотите, чтобы что-то было сказано,
поручите это мужчине, но если вы хотите,
чтобы что-то было сделано, поручите это
женщине.

Маргарет Тэтчер

Введение

Середина XX в. ознаменовалась массовыми феминистскими движениями. В XXI в. интенсивность их увеличилась и привела

женщин даже в такие традиционные мужские вотчины, как политика и геополитика¹. При этом «женское лицо политики» оказывается весьма различным в разных странах. С учетом уникальности положения России (Евразия) и длительное время существовавшего в ней социалистического строя женщины-политики в России обладают особыми качествами [Роцин 2005]. Однако в какую сторону – Востока или Запада – тяготение выражено в большей степени? И есть ли проблемы в женской политике России, которые до сих пор не удается решить?

Женщины в политике

Для проведения исследования случайным образом были выбраны по 10 женщин-политиков из России, стран Запада, стран Востока (без учета Китая, Кореи, Японии) и проведен анализ различных параметров. Для выполнения исследования использовалась информация, размещенная в публичном доступе.

Из стран Запада были выбраны следующие представительницы: 1) Тереза Мэй – премьер-министр Великобритании (2016–2019); 2) Ангела Меркель – канцлер ФРГ (2005–2021); 3) Санна Марин – премьер-министр Финляндии (с 2019 г. по наст. время); 4) Хиллари Клинтон – государственный секретарь США (2009–2013); 5) Урсула фон дер Ляйен – председатель Европейской комиссии (с 2019 г. по наст. время); 6) Магдалена Андерссон – премьер-министр Швеции (с 2021 г. по наст. время); 7) Джасинда Ардерн – премьер-министр Новой Зеландии (с 2017 г. по наст. время); 8) Джулия Гиллард – премьер-министр Австралии (2010–2013); 9) Мишель Бачелет – президент Чили (2014–2018), верховный комиссар ООН по правам человека (с 2018 г. по наст. время); 10) Колинда Грабар-Китарович – президент Хорватии (2015–2020).

Страны Востока представляли: 1) Бидхья Деви Бхандари – президент Непала (с 2015 г. по наст. время); 2) Халима Яacob – президент Сингапура (с 2017 г. по наст. время); 3) Пратибха Девисингх Патил – президент Индии (2007–2012); 4) Дия Пермата Мегавати Сетиавати Сукарнопутри – президент Индонезии (2001–2004); 5) Глория Макапагал-Арройо – президент Филиппин (2001–2010); 6) Хина Раббани Кхар – министр иностранных дел Пакистана

¹ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // Документы ООН о детях, женщинах и образовании. М.: Народное образование, 1995. С. 91–107.

(2011–2013); 7) Йинглак Чиннават – премьер-министр Тайланда (2011–2014); 8) Шейх Хасина Вазед – премьер-министр Бангладеш (с 2009 г. по наст. время); 9) Сахар Наср – министр инвестиций и международного сотрудничества Египта (2015–2019); 10) Наджах аль-Аттар – вице-президент Сирии (с 2006 г. по наст. время).

Представительницы России: 1) Валентина Матвиенко – председатель Совета Федерации (с 2011 г. по наст. время); 2) Эльвира Набиуллина – председатель ЦРБ (с 2013 г. по наст. время); 3) Татьяна Голикова – заместитель председателя правительства РФ (с 2018 г. по наст. время); 4) Виктория Абрамченко – заместитель председателя правительства РФ (с 2020 г. по наст. время); 5) Мария Захарова – директор департамента информации и печати МИД (с 2015 г. по наст. время); 6) Наталья Поклонская – заместитель руководителя Россотрудничества (с 2022 г. по наст. время); 7) Ольга Любимова – министр культуры РФ (с 2020 г. по наст. время); 8) Зарина Догузова – руководитель Федерального агентства по туризму (с 2019 г. по наст. время); 9) Мария Львова-Белова – уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка (с 2021 г. по наст. время); 10) Сардана Авксентьева – глава города Якутска (2018–2021), депутат ГД (наст. время).

На этом этапе выяснилось, что выбор женщин-политиков на Западе намного больше. При этом россиянки (в отличие и от Запада, и от Востока) не занимали высшие посты в государственной службе: президента и премьера.

Основные критерии, по которым оценивались женщины-политики: причастность к правящим кругам (наследственность власти); образование (есть/нет, профильное/нет); карьера в политике (случайна/нет); семья (есть/нет, количество детей); эффективность работы в должности.

Представительницы политической элиты Запада имеют небольшую причастность к правящей элите и в большинстве своем являются талантливыми выходцами из обычных семей. В странах Востока, наоборот, подавляющее большинство женщин-политиков происходит из высоких политических, экономических или аристократических кругов, в нескольких случаях – они были дочерьми президентов или премьер-министров страны. В России в данном контексте ситуация ближе к Западу, большинство современных лидеров-женщин имеет обычное происхождение, что, вполне возможно, обеспечивалось советским строем и личным талантом.

У большинства западных женщин-политиков не только имеется образование (в том числе на уровне Masters/PhD), но оно часто является профильным (хотя нередко случаи образования в области медицины и фармакологии). В странах Востока одна из

женщин на высшем посту не имела высшего образования (дважды неоконченное), остальные также имеют высшее образование – или профильное, или гуманитарное. Это связано с тем, что, принадлежа к элите общества, данные женщины имели доступ или к заграничным вузам, или к местным университетам и программам гуманитарного направления [Баканова 2018]. Что касается российских женщин-политиков, они все имеют профильное образование в качестве первого или второго высшего либо обучались в магистратуре и аспирантуре. Это доказывает, что конкуренция для россиянок в традиционно мужской области – политике – весьма высока, при этом продвижения за счет семьи они не получают.

Женщины-политики из Западных стран почти в половине случаев начинали политическую карьеру довольно поздно, уже добившись успехов по основной профессии. То есть для них политика в определенной мере вторична, и, уйдя из нее или натолкнувшись на стеклянный потолок, они могут вернуться к прежней деятельности. Для женщин-политиков на Востоке поздняя карьера скорее закономерность, политическую деятельность они начинают не столько после обеспечения себе рабочего места, сколько после брака и рождения детей. В этом случае возможна ситуация политического брака с влиятельной семьей, поскольку муж зачастую способствует продвижению своей супруги в большей степени, чем ее отец, брат или сын. Иногда женщина становится наследницей политического веса не только своего отца, но и мужа. Среди россиянок позднее начало политической карьеры скорее аномалия. Таким образом, они не только вынуждены карабкаться по карьерной лестнице вверх (поскольку у них нет дополнительных путей отступления при неуспехе политической карьеры), но и зачастую жертвовать интересами семьи, хотя присутствуют ситуации семейственности и продвижения за счет супругов.

Большинство представительниц Западного пула имеют либо супруга, либо постоянного партнера. При этом в вопросе детей они очень сильно расходятся: примерно половина либо не имеют детей вообще, либо имеют от 1 до 3 детей. Единственное исключение – 7 детей в семье одной из западных женщин-политиков. Что интересно, при том, что в странах Востока даже сейчас поощряется многодетность (правда, она сокращается до 3–4 детей в средней семье), в семьях женщин-политиков дети скорее служат показателем ее состоятельности как женщины, где их число варьирует на вполне западных показателях от 1 до 3, единственное исключение – 5. В России ситуация тотальной малодетности или бездетности, только у одной женщины-политика 2 ребенка и еще у одной 5 (не считая приемных).

Эффективность деятельности на занимаемом посту оценивалась по качеству проведенных программ и количеству политических скандалов. Если со стороны Запада в этом плане все спокойно и эффективность женщин-политиков не только высока, но и не уступает мужской в данной области, а по количеству политических скандалов – даже меньше, чем у мужчин, то в странах Востока эффективность женского управления значительно ниже, при том, что политические скандалы затрагивают почти всех представленных в исследовании женщин-политиков, часть из них стала причиной отставки. В России эффективность женской политики высока, но уровня мужской она пока не достигает, политические кризисы и спорные решения характерны для половины персонажей.

Таким образом, ситуация с женщинами-политиками в России в целом приближена к западной модели, однако сходство со странами Востока и национальные особенности явно прослеживаются. Яркие негативные черты в женской политике в России прослеживаются в связи с низким допуском женщин в традиционно мужскую сферу, при этом требования к женщинам-политикам зачастую предъявляются гораздо более высокие. Соответственно, в России имеется сильный гендерный перекос в данной сфере. Для преодоления гендерного дисбаланса в настоящий момент в России существует программа «Женщина-лидер»², но полностью решить проблему она не может, поскольку женщине предлагается дальнейшее развитие в основном в рамках ее настоящего места работы, и участие в ней могут принять только те женщины, которые уже добились определенных успехов.

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы. XXI век – это век взрывного роста женской политической элиты. В западном мире, восточных странах и России женская политическая элита развивается своими путями и имеет свое собственное «лицо». Число женщин-политиков на Западе значительно опережает как Восток, так и Россию. Позиции женщин-политиков на Западе твердо держатся на высоком уровне образования, большей гендерной лояльности, отличном профессионализме с умением избегать кризисов. Позиции женщин-политиков на Востоке укреплены

²Образовательная программа «Женщина – лидер» [Электронный ресурс]. URL: <https://женщиналидер.рф/> (дата обращения 15 февраля 2022).

политической преемственностью и эффективностью за счет правильно подобранного окружения, но значительно снижены числом скандалов. Позиции женщин-политиков в России высоки за счет отличного образования, высокой эффективности и раннего начала карьеры, однако сильно снижены из-за гендерных стереотипов и политических кризисов. Высокую роль в формировании «российского лица» женской политики играют гендерные стереотипы и эффект стеклянного потолка, что снижает общую эффективность женской политики в стране. Большинство женщин в российской политике находятся на низших позициях и не имеют положительной тенденции к развитию, высшие посты власти в настоящее время для них закрыты. Указанные проблемы поддаются решению, однако сдерживающие моменты пока перевешивают. Созданная в России программа «Женщина-лидер» полностью решить проблему не может.

Литература

- Баканова 2018 – *Баканова М.В.* За пардой. Торонто: Альтаспера Паблишинг, 2018. 372 с.
- Рощин 2005 – *Рощин С.Ю.* Равны ли женщины мужчинам? Ч. II: В политике женщин намного меньше, чем мужчин // *Демоскоп Weekly*. 2005. № 221–222.

References

- Bakanova, M.V. (2018) *Za pardoy* [Behind parda], Altaspera Publishing, Toronto, Canada.
- Roshchin, S.Yu. (2005), “Are women equal to men?”, Part 2, There are far fewer women in politics than men, *Demoskop Weekly*, no. 221–222.

Информация об авторе

Марина В. Баканова, независимый исследователь, Международный медицинский центр “Dua Hospital”, Исламабад, Пакистан; mari-ina@mail.ru

Information about the author

Marina V. Bakanova, independent researcher, International Care medical Centre “Dua Hospital”, Islamabad, Pakistan; mari-ina@mail.ru

УДК 316.346.2

DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-352-362

Пол и гендер: социополитические аспекты терминологических дебатов

Валентина Г. Ушакова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, walespb@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется процесс определения понятийного аппарата терминов «пол», «гендер», «третий пол» в культуре, социальной мысли, феминистских и гендерных исследованиях. Предпринята попытка показать значимость и влияние гендерных дебатов на различные социальные, политические институты и процессы современных обществ.

Ключевые слова: пол, гендер, третий пол, женщина, мужчина, общество, политика, гендерная социология

Для цитирования: Ушакова В.Г. Пол и гендер: социополитические аспекты терминологических дебатов // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 352–362. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-352-362

Sex and gender. Socio-political aspects of terminological debates

Valentina G. Ushakova

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
walespb@mail.ru v.ushakova@spbu.ru*

Abstract. The article analyzes the process of defining the conceptual apparatus of the terms “sex”, “gender”, “third gender” in culture, social thought, feminist and gender studies. An attempt is made to identify the significance and influence of gender debates on various social, political institutions and processes of modern societies.

Keywords: sex, gender, third gender, woman, man, society, politics, gender sociology

For citation: Ushakova, V.G. (2022), “Sex and Gender. Socio-political aspects of terminological debates”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, part 3, pp. 352–362, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-352-362

© Ушакова В.Г., 2022

Введение. Пол и гендер

Проблематика пола и гендера, а также возможных путей их «программирования» волновали философов и социальных мыслителей от Аристотеля и Платона до современных исследователей и теоретиков в области биологии, психологии, социологии и многих других наук. Концепция пола в исторической перспективе претерпевала серьезные изменения. Со времен античности и до XVI–XVII вв. для культуры и социальной мысли, социального устройства в целом была характерна однополая модель [Бутовская 2013, с. 29], в которой единственным полноценным полом считался мужской, женщина же концептуализировалась как «недоразвитый» мужчина, как «наказание», лишалась субъектности и рассматривалась в качестве оппозиции мужскому как совершенному, естественному и первостепенному. Данная точка зрения прослеживается в работах Платона («Тимей»¹), Гесиода («Теогония»²), Аристотеля («О возникновении животных»³), Фомы Аквинского, Августина Блаженного («О Троице»⁴), Жана Бодена («Les six livres de la République»⁵) и др.

Начало формированию представления о мужском и женском как двух разных полах было положено в XVII–XVIII вв. и продолжалось в европейских культурах примерно до середины XX в. [Бутовская 2013, с. 29]. Развивали эти идеи Ж.Ж. Руссо («Эмиль, или О воспитании»⁶), Ж. Кондорсе («Эскиз исторической картины процесса человеческого разума»⁷), Ш. Фурье («Теория четырех движений и всеобщих судеб – проспект и анонс открытия»⁸) и другие.

До 1960-х гг. основой разграничения выступали физические характеристики индивида – его половые органы, (не)способность к оплодотворению или вынашиванию ребенка и т. д. Социальная

¹ *Plato*. *Timaeus*. 42b, 92e.

² *Hesiod*. *The Homeric Hymns and Homeric Hymns*. *Theogony*. The Loeb Classical Library. London, 1914.

³ *Аристотель*. О возникновении животных / Пер. с греч., вступ. ст. и примеч. В.П. Карпова. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1940. 250 с.

⁴ *Августин Авелий*. О Троице / Пер. с лат. А.А. Тащиана. Краснодар: Глагол, 2004.

⁵ *Bodin J.* *Les six livres de la République*. Paris, 1993. 607 p.

⁶ *Руссо Ж.-Ж.* Эмиль, или О воспитании // Руссо Ж.-Ж. Избр. соч.: В 3 т. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1961. 852 с.

⁷ *Кондорсе Ж.А.* Эскиз исторической картины процесса человеческого разума. М., 1936. С. 246.

⁸ *Фурье Ш.* Теория четырех движений и всеобщих судеб – проспект и анонс открытия. М., 1938.

надстройка же рассматривалась как неизменный, детерминированный биологическим полом атрибут. Четко выделенного и операционализованного понятия гендера как «социального пола» не существовало.

Большой вклад в развитие гендерной теории и отделение гендера от биологического пола внесла М. Мид в 1920-х гг., которая при изучении культурных групп Новой Гвинеи утвердила положение о том, что половые роли, различающиеся в разных культурах, представляют собой не что иное, как результат социального обучения [Mead 1963, с. 280]. К 1940 г. среди врачей и психиатров установились практики использования понятия «психологический пол» с целью отделения его от биологического. Необходимость введения и использования данного понятия была продиктована происходящими изменениями в общественном сознании. Эти изменения происходили под влиянием «выхода из тени» транс-персон и людей с интерсекс-вариациями. «Психологический пол» здесь определялся как ощущение собственного «я» – мужское или женское, не следующее автоматически из биологического пола [Meयरowitz 2004, с. 1–20].

В 1963 г. на конгрессе аналитиков в Стокгольме Р. Столлер предлагает ввести понятие «гендер», определяя его как «пол в социальном контексте». Вместо понятия «гендерная роль» Р. Столлер вводит понятие «гендерной идентичности» – ощущения собственного «я» как (не)принадлежащего к определенному биологическому полу [Stoller 1968, с. 251]. Период распространения данного термина совпал с подъемом феминистских движений и «женского» теоретизирования. Работы Ш. Ортнер, первые труды Р. Агнер, А. Рич, Г. Рубин, трактовали *гендер* как *усвоение определенного, конкретного места в сложившейся иерархии социальных ролей* [Пушкарева 2005, с. 9]. Д. Скотт утверждала языковое конструирование мужественности и женственности и определяла гендер как «исторически первую форму фиксации властных отношений». Д. Лорбер рассматривала гендер, с одной стороны, как социальный институт, производящий эксплуатируемую группу, с другой стороны – как достигаемый социальный статус [Lorber 1994, с. 16–17]. Г. Гарфинкель и У. Циммерман определяли гендер в рамках понятий психологии общения, в соответствии с которыми гендер есть система межличностного взаимодействия, посредством которой создается, утверждается и воспроизводится представление о мужском и женском.

Биологическую обусловленность гендера в своих идеях отвергает Т. де Лауретис, утвердившая гендер как технологию. Данные идеи отсылают нас также к И. Гоффману, который рассматривал

гендер как инсценировку социального сценария культурных представлений о мужском и женском [Пушкарева 2005, с. 13]. Д. Баттлер в своей перформативной теории гендера определяет гендер как политически обусловленный конструкт мужского и женского, который создается обществом посредством повторяющихся практик. Гендер является не только фактом биологии, но и определяется культурным контекстом и определенной конкретной ситуацией [Butler 1990, с. 271–275].

О.А. Воронина предложила рассматривать гендер в единстве трех частей – социальный конструкт, стратификационная категория и культурная метафора. Она определяла гендер как «системную характеристику социального и культурного (символического) порядка». Данная характеристика, по ее мнению, постоянно воспроизводится в социальных институтах, сознании людей и процессах коммуникации. Гендерная система включает в себя социальные институты, культурные нормы и идеологии, которые определяют, регулируют поведение, роли, взаимоотношения и совместную деятельность женщин и мужчин [Воронина 2018, с. 9].

Термины «гендер» и «гендерная идентичность» акцентируют внимание на понятиях феминности и маскулинности. Т.В. Бендас определяют феминность как набор личностных и поведенческих черт, соответствующих стереотипу «настоящей женщины»: мягкость, заботливость, нежность, слабость, незащитность и т. д., а маскулинность – как набор личностных и поведенческих черт, соответствующих стереотипу «настоящего мужчины»: мужественность, уверенность в себе, властность и пр. [Бендас 2006, с. 8].

В соответствии с вышеперечисленными концепциями, предложенными социологами, психологами, философами и другими, гендер формирует определенную систему, состоящую из ряда элементов: гендерная идентичность, гендерные убеждения, гендерная самопрезентация, гендерный брачный и репродуктивный статус [Lorber 1994, с. 11–120]. Норма такой соотносимости или несоотносимости с тем или иным гендером индивида того или иного пола была установлена в результате исторического развития отношений между полами.

На основе тезиса С. де Бовуар о том, что «женщиной не рождаются, женщиной становятся» М. Гетенс, Г. Рубин, А. Рич, Н. Чодоров, М. Виттинг говорят о возможности отказа от установившейся бинарной половой системы и становлении «Третьего пола» за счет отказа от брака и гетеросексуальных отношений и перехода к «безгендерному обществу». Декларируется явная возможность добровольного «вращения» в себе той или иной желаемой гендерной идентичности. Отсюда проистекает и возможность отказа

от биологического пола и гендерных норм. В настоящее время в некоторых обществах мы наблюдаем распад жестко установленного различия между мужчиной и женщиной в областях гендерной идентичности. Установленные бинарные цис-нормативные рамки начинают пересматриваться и переосмысляться, появляются такие варианты нормы, как транссексуальность и трансгендерность, становятся социально видимыми люди с интерсекс-вариациями.

Третий пол. Социологические аспекты терминологических дебатов

Группы людей, половые характеристики, гендерная идентичность, экспрессия и поведение которых не соответствуют социокультурным нормам мужского и женского в конкретных обществах на той или иной стадии развития, могут рассматриваться в рамках концептов «третьего пола» или «третьего гендера», которые позволяют выйти за пределы бинарности мужчина/женщина, мужское/женское, фемининное/маскулинное. Так, согласно последним данным ООН, в мире рождается примерно столько же детей, имеющих признаки обоих полов, сколько и людей с рыжими волосами – 0,5–1,7%⁹.

Анализ научно-справочной литературы показал отсутствие четких научных определений и операционализаций понятий «третий пол» и «третий гендер». Социологические, гендерные и психологические словари, помимо конкретных определений понятий пола и гендера, предлагают определения схожих или включаемых в категории третий пол/третий гендер понятия. Среди них такие, как андрогиния, трансвестизм¹⁰, гермафродитизм¹¹, гендер-флюидность, агендерность, бигендерность [Шевченко 2016, с. 6–88] и многое другое.

⁹ Поздравляем, у вас оно: что такое «третий пол»? 2019 [Электронный ресурс] https://sport.rambler.ru/other/41771165/?utm_content=sport_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения 25 февраля 2022).

¹⁰ Большой толковый социологический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/social_dict (дата обращения 8 февраля 2022).

¹¹ Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.

Можно выделить несколько основных современных социальных теорий, в рамках которых делаются попытки разрешения кризиса бинарной гетеронормативной системы: 1) андрогинность: смешивание женских и мужских черт [Бем 2004, с. 262–264]; 2) безгендерное общество [Харауэй 2017, с. 26–31]; 3) трансгендеризм [Изрина 2021, с. 216–219]; 4) межпол, интерсекс или гермафродитизм. Перечисленные концепты и подходы создают обширное поле трактовок понятий третьего пола и третьего гендера. Обсуждение данных вопросов научным сообществом ведет к их широкому распространению на все общество в целом, включая социальные, политические институты и процессы.

В сфере *политики* происходит отказ от ценностей феминизма. По мнению феминистских политологов, тактика «наделения женщин властью» призвана внести женское начало в политику. В результате «наделения властью» женщины получают возможность влиять на политический процесс, реализуя власть не как принуждение, а как полномочие или компетенцию. Власть становится менее конфронтационной, лишается аспекта господства и приобретает характер сотрудничества [Чикалова 2004, с. 5].

Использование специфического женского опыта может изменить сущность современной представительной демократии, в которой общий интерес подменяется интересами отдельных групп. Женский опыт подходит лучше мужского, так как женщины привыкли решать конфликты с помощью убеждения, умеют слушать собеседника и легче строят отношения с людьми. Женщины более склонны проявлять свои эмоции и принимать во внимание чужие. Современные исследования европейского женского движения показывают, что женскому политическому участию в меньшей степени свойственны такие качества классической «мужской» политики, как агрессивность и авторитаризм. В 70–80-е гг. XX в. именно женщины составляли большинство лидеров антивоенного и экологического движений, использующих тактику ненасильственного протеста. В противоположность этому женщины-политики в ЕС нашего времени демонстрируют агрессивность, милитаризм, что не соответствует традиционным ценностям феминизма и подтверждает вывод о маскулинном гендере политики.

Институт семьи также претерпевает глубокие изменения: проблематизируется период первичной социализации, родительство, супружество и т. д. Появилось и развивается суррогатное материнство, коммерческое отцовство и др. Получают признание в обществе однополые союзы, сожительства/партнерства, браки/семьи. Изменяются *правовые и регламентирующие документы*, ко-

торые приведут к глубокой трансформации всего правового поля современных обществ.

Интерсексуалы смогли привлечь к своим проблемам внимание общественности и правительства и добились официального правового признания третьего пола. В 2013 г. в Германии был принят закон, согласно которому графу «пол» в документах новорожденных можно оставлять незаполненной до того времени, пока ребенок не подрастет и сам будет вправе решить, кем себя считать и какой пол вносить в паспорт. В 2017 г. Конституционный суд принял решение о признании третьего пола. С января 2019 г. в свидетельствах о рождении появился третий пол – “divers” [Тичерляйн 2019, с. 1].

Это изменение окажет серьезное влияние на государственную статистику.

Серьезно меняется пенсионная система: в ряде стран пенсионный возраст мужчин и женщин одинаков, игнорируются репродуктивные особенности полов и вклад женщин в семейный сегмент рынка труда.

Нововведения касаются *языкового вопроса*: филологам предстоит разработать новые, гендерно-нейтральные местоимения. Зарождение гендерно-нейтрального языка уже хорошо заметно в Швеции: здесь при обращении к детям принято использовать нейтральное местоимение *hen*, образованное от слов *han* (он) и *hon* (она). Серьезная история – готовность *языка* к подобным переменам. Например, в русском языке множественное число, как правило, подразумевает наличие обоих полов. В немецком, наоборот, нужно особо уточнять, обращаетесь ли вы и к женщинам тоже. В разных языках изобретаются новые местоимения, подчеркивающие гендерную нейтральность.

Такая языковая борьба была начата феминистками достаточно давно. Изначально она велась против преобладания мужского пола в качестве нормативного в письменной и устной речи. Сейчас речь идет уже не об уравнивании мужского и женского, а о том, чтобы вообще убрать эту категорию.

Отдельная тема – *спорт*. В 2016 г. Международный олимпийский комитет рекомендовал допускать к соревнованиям спортсменов-трансгендеров при наличии подтверждения того, что тестостерон у них находится ниже определенного уровня. Транссексуалы получают преимущества по сравнению со спортсменками-женщинами [Поздравляем 2019]. Однако если унисекс-туалеты и совместные сауны – это в некоторых странах уже норма, то смешанные футбольные команды или бегуньи с мужскими хромосомами – пока еще нонсенс.

Заключение

Принятие третьего пола во многом зависит от толерантности общества и его готовности к изменениям. Как будет формироваться общественное мнение? Кто будет устанавливать новые правила «многообразия»? Людям легче и привычнее жить согласно привычным нормам, а государству – упростить восприятие полов, чтобы сделать управление более четким. Эта тенденция, по мнению профессора Торонтского университета Дж. Петерсона, вызывает серьезные опасения. «Я давно изучаю авторитаризм – уже 40 лет, и он всегда начинался с попыток контролировать лингвистическую и идеологическую территорию людей», – прокомментировал профессор принятие в Канаде закона, запрещающего дискриминацию по половому признаку [Петерсон 2018, с. 1]. Сегодня мир, особенно Запад, действительно находится на грани авторитаризма – авторитаризма политической корректности. И удастся ли переступить черту без перекосов – вопрос открытый.

Какое влияние окажет идеологизация и политизация проблематики пола, гендера и третьего пола на социальную структуру и социальную стратификацию? В условиях сохраняющегося гендерного разрыва женщины, как социо-демографическая группа, подвергаются дискриминации, а общества вернутся в архаичные времена, когда женщина в социуме не обладала субъектностью.

Литература

- Бендас 2006 – *Бендас Т.В.* Гендерная психология. СПб.: Питер, 2006. 431 с.
- Бем 2004 – *Бем С.Л.* Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему равенства полов. М.: РОССПЭН, 2004. 331 с.
- Бутовская 2013 – *Бутовская М.Л.* Антропология пола. Фрязино, 2013. 254 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-libra.ru/read/508895-antropologiya-pola.html> (дата обращения 8 февраля 2022).
- Воронина 2018 – *Воронина О.А.* Гендерная культура в России: Традиции и новации. М.: ИФ РАН, 2018. 111 с.
- Изрина 2021 – *Изрина С.О.* Феномен трансгендерности и современная концепция андрогинии: культурфилософский анализ // Вестник Пермского университета. «Философия. Психология. Социология». 2021. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-transgendernosti-i-sovremennaya-kontseptsiya-androginii-kulturfilosofskiy-analiz> (дата обращения 19 февраля 2022).
- Петерсон 2018 – *Петерсон Д.* Третий пол: почему на Западе хотят стереть половые различия людей. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://woman.rambler.ru/>

- other/41273111-tretiy-pol-pochemu-na-zapade-hotyat-steret-polovye-razlichiyayudey/ (дата обращения 25 февраля 2022).
- Поздравляем 2019 – Поздравляем, у вас оно: что такое «третий пол»? 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://sport.rambler.ru/other/41771165/?utm_content=sport_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения 25 февраля 2022).
- Пушкарева 2005 – *Пушкарева Н.Л.* Что такое «гендер»? (Характеристика основных концепций) // Гендерная теория и историческое знание: Материалы Второй Междунар. научно-практич. конф. Сыктывкар: СыктГУ, 2005. С. 8–20.
- Тичерляйн 2019 – *Тичерляйн Н.* Мужской? Женский? Третий пол? // Партнер. 2019. № 2 (257) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.partner-inform.de/partner/detail/2019/2/324/9431/muzhskoj-zhenskij-tretij-pol?lang=ru> (дата обращения 25 февраля 2022).
- Харауэй 2017 – *Харауэй Д.* Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. Т. 27. М.: Ad Marginem, 2017. 131 с.
- Чикалова 2004 – *Чикалова И.Р.* «Бархатная революция» в политической и исторической науке // Женщины в истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. / Под ред. И.Р. Чикаловой. Минск: БГПУ, 2004. Вып. 3. С. 5–22.
- Шевченко 2016 – *Шевченко З.В.* (Уклад.). Словник гендерних термінів. Черкаси: видавець Чабаненко Ю. Відновлено. 2016. 336 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://a-z-gender.net/devichestvo.html> (дата обращения 8 февраля 2022).
- Butler 1990 – *Butler J.* Performative Acts and Gender constitution: an essay in Phenomenology and Feminist theory // *Performing Feminisms: Feminist Critical Theory and Theatre* / Ed. by Sue-Ellen Case. Baltimore; London, 1990. P. 270–282.
- Lorber 1994 – *Lorber J.* Paradoxes of Gender. N.Y., 1994. 429 p.
- Mead 1963 – *Mead M.* Sex and temperament in three primitive societies. N.Y., 1963. P. 279–322.
- Meyerowitz 2004 – *Meyerowitz J.* How sex changed: A history of transsexuality in the United States. Harvard University Press, 2004. 400 p.
- Stoller 1968 – *Stoller R.J.* Sex and gender: On the Development of Masculinity and Femininity. New York: Science House, 1968. 383 p.

References

- Bendas, T.V. (2006), *Gendernaya psikhologiya* [Gender psychology], Piter, Saint Petersburg, Russia.
- Bem, S.L. (2004), *Linzy genera. Transformatsiya vzglyadov na problemu neravenstva polov* [Gender lenses. Transformation of views on the issue of gender inequality], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 262–264.
- Butler, J. (1990), “Performative Acts and Gender constitution: an essay in Phenomenology and Feminist theory”, Case, Sue-Ellen (ed.), *Performing Feminisms: Feminist Critical Theory and Theatre*, London, UK, pp. 270–282.

- Butovskaya, M.L. (2013), *Antropologiya pola* [Anthropology of gender], available at: [https://e-libra.ru/read/508895- antropologiya-pola.html](https://e-libra.ru/read/508895-antropologiya-pola.html) (Accessed 8 February 2022).
- Chikalova, I.R. (2004), “‘The Velvet Revolution’ in political and historical science”, Chikalova, I.R. (ed.), *Zhenshchiny v istorii: vozmozhnost’ byt’ uvidennymi: sbornik nauch. st.* [Women in history. The opportunity to be seen. A collection of scientific articles], BSPU, Minsk, Belarus, iss. 3, pp. 5–22.
- Haraway, D. (2017), *Manifest kiborgov: nauka, tekhnologiya i sotsialisticheskii feminizm* [Cyborg Manifesto. Science, Technology and Socialist Feminism of the 1980s], Ad Marginem, Moscow, Russia.
- Izrina, S.O. (2021), “The phenomenon of transgenderism and the modern concept of androgyny. A cultural philosophical analysis”, *Perm University Herald. Series “Philosophy. Psychology. Sociology”*, no. 2, pp. 212–221, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-transgendernosti-i-sovremennaya-kontseptsiya-androginii-kulturfilosofskiy-analiz> (Accessed 19 February 2022).
- Lorber, J. (1994), *Paradoxes of Gender*, New York, USA.
- Mead, M. (1963), *Sex and temperament in three primitive societies*, N.Y., USA, pp. 279–322.
- Meyerowitz, J. (2004), *How sex changed: A history of transsexuality in the United States*. Harvard University Press, USA.
- Peterson, D. (2018), *Tretii pol: pochemu na Zapade khotyat steret’ polovye razlichiya lyudei* [The third sex. Why in the West they want to erase the gender differences of people], available at: <https://woman.rambler.ru/other/41273111-tretiy-pol-pochemu-na-zapade-hotyat-steret-polovye-razlichiya-lyudei/> (Accessed 25 February 2022).
- Pozdravlyаем, u vas ono: chto takoe “tretii pol”?* [Congratulations, you’ve got it. What is the “third gender”?], available at: https://sport.rambler.ru/other/41771165/?utm_content=sport_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Accessed 25 February 2022).
- Pushkareva, N.L. (2005), “What is ‘gender’”? (Characteristics of the main concepts), *Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie: Materialy Vtoroi mezhdunar. nauchno-praktich. konf* [Gender theory and historical knowledge. Proceedings of 2nd Int. scientific and practical conf.], Izd-vo SyktGU, Syktyvkar, Russia, pp. 8–20.
- Shevchenko, Z.V. (2016), (*Uklad.*) *Slovník rendernikh terminiv* [(Way of life). Dictionary of foreign terms. *Vidavets Chabanenko Yu.*, Cherkasi, available at: <http://a-z-gender.net/devichestvo.html> (Accessed 8 February 2022).
- Stoller, R.J. (1968), *Sex and gender: On the Development of Masculinity and Femininity*, Science House, New York, USA.
- Ticherlein, N. (2019), “Male? Female? Third gender?”, *Partner*, no. 2 (257), available at: <https://www.partner-inform.de/partner/detail/2019/2/324/9431/muzhskoj-zhenskij-tretij-pol?lang=ru> (Accessed 25 February 2022).
- Voronina, O.A. (2018), *Gendernaya kul’tura v Rossii: Traditsii i novatsii* [Gender culture in Russia. Traditions and Innovations], IF RAN, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Валентина Г. Ушакова, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; v.ushakova@spbu.ru

Information about the author

Valentina G. Ushakova, Cand. of Sci. (History), Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 7–9, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, Russia, 199034; v.ushakova@spbu.ru walespb@mail.ru

УДК 396.9

DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-363-371

Гендерное равенство как цель устойчивого развития и ее реализация в России

Галина М. Михалева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, gmmichaleva@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются цели и задачи устойчивого развития ООН № 5 – обеспечения гендерного равенства. Анализируются различия в выполнении этих целей и задач в разных странах. Дается критическая оценка «Добровольного национального обзора хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» и приводятся не использованные в докладе данные. Описывается реализация следующих целей в отношении женщин: повсеместная ликвидация всех форм дискриминации; ликвидация всех форм насилия; ликвидация всех вредных видов практики; обеспечение всестороннего и реального участия на всех уровнях в политической, экономической и общественной жизни; обеспечение всеобщего доступа к услугам в области охраны сексуального и репродуктивного здоровья. Делаются выводы об основных проблемах по обеспечению гендерного равенства в России, связанные с гендерным порядком.

Ключевые слова: цели устойчивого развития, гендерное равенство, гендерные порядки в России

Для цитирования: Михалева Г.М. Гендерное равенство как цель устойчивого развития и ее реализация в России // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 363–371. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-363-371

© Михалева Г.М., 2022

Gender equality as a goal of sustainable development and its implementation in Russia

Galina M. Mikhaleva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
gmmichaleva@gmail.com*

Abstract. The article considers the United Nation Sustainable Development Goals in particular the goal No.5 – ensuring gender equality. It analyses differences in the implementation of those goals and objectives in different countries. A critical assessment is given of the “Voluntary National Review of the Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development” and provides data not used in the report related to the situation of women in the Russian Federation.

The implementation of the following goals in relation to women is described: the ubiquitous elimination of all forms of discrimination; and violence; elimination of all harmful practices; ensuring the full and real participation and equal opportunities at all levels in political, economic and public life; ensuring universal access to sexual and reproductive health services. Conclusions are drawn about the main issues in ensuring gender equality in Russia, associated with the existence of different gender orders.

Keywords: sustainable development goals, gender equality, gender order in Russia

For citation: Mikhaleva, G.M. (2022), “Gender equality as a goal of sustainable development and its implementation in Russia”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, part 3, pp. 363–371, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-363-371

Цели и задачи обеспечения гендерного равенства

Цель устойчивого развития ООН № 5 – достижение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин и девочек. Она связана с ликвидацией всех форм дискриминации по признаку пола¹. Задачи ЦУР № 5 формулируются в отношении женщин и девочек следующим образом: ликвидировать различные формы дискриминации, ликвидировать все формы насилия в общественной и частной жизни, включая торговлю людьми, сексуальные и другие виды эксплуатации; ликвидировать все вредные практики: дет-

¹<https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/gender-equality/> (дата обращения 15 марта 2022).

ские, ранние и принудительные браки и калечащие операции на женских половых органах; признавать неоплачиваемую работу на дому, обеспечивать государственные услуги и социальную защиту в этой области; обеспечить равные возможности для лидерства на различных уровнях принятия решений в политической, экономической и общественной жизни; обеспечить доступ к сексуальному и репродуктивному здоровью и репродуктивным правам.

Инструменты ЦУР

В качестве инструментов обеспечения ЦУР № 5 перечислены: предоставление женщинам равных прав на экономические ресурсы и доступа к собственности, включая контроль над ней; использование стимулирующих технологий, в том числе информационно-коммуникационных.

В документе ООН подчеркивается, что в мире одна из пяти женщин подвергается физическому, в том числе сексуальному насилию со стороны партнера, 19% времени женщины тратят на неоплачиваемый труд (мужчины – 8%), и доход женщин составляет только 50% от дохода мужчин. Не умеют читать и писать 61% молодых женщин. 15 млн девочек младше 18 лет выдаются замуж, 270 млн подверглись калечащей процедуре обрезания. Доля же женщин в национальных парламентах составляет 23%.

Однако это – «средняя температура по больнице», ситуация в разных странах различается очень сильно. Гендерного равенства, которое ООН измеряло по ряду индикаторов с максимум в 100 баллов, достигли на сегодняшний день шесть стран: Бельгия, Дания, Франция, Латвия, Люксембург и Швеция. Эти государства набрали сотню баллов по каждому индикатору. Вплотную приблизились к заветной величине еще девять государств, а именно Австрия, Канада, Эстония, Финляндия, Греция, Ирландия, Португалия, Испания и Великобритания. Этим странам удалось получить оценку в 97,5 балла. Отметим, что это – страны Европейского союза, проводящего политику гендермейнстриминга и феминистскую государственную политику в скандинавских странах [Медушевский, Михалева и др. 2019].

С другого конца рейтинга оказались страны, государственной религией в которых является ислам. Так, наиболее существенные проблемы с гендерным равенством эксперты обнаружили в Саудовской Аравии, набравшей лишь 25,63 балла, в ОАЭ и Судане, рейтинг которых составил 29,38 балла. Чуть за 30 пунктов удалось перешагнуть Ирану и Катару – 31,25 и 32,50 соответственно.

*Российская Федерация:
оценка выполнения ЦУР № 5*

В России в 2020 г. был подготовлен «Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»². В документе анализируется выполнение целей и задач, поставленных ООН: отчасти – верно, отчасти – с использованием фигур умолчания. Сравним этот документ с существующими в нашей стране проблемами.

Повсеместная ликвидация всех форм дискриминации (задачи 5.1, 5.a, 5.c). В качестве позитивных характеристик упоминается: существование в Конституции ст. 19 п. 3: «Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». Однако, кроме статьи Конституции, нет ни одного закона, направленного на реализацию принципа гендерного равенства. С 1995 г. внесенный в Государственную Думу закон о государственных гарантиях гендерного равенства и его позже измененный вариант так и не были приняты. В области законодательства самые яркие примеры – ограничение репродуктивных прав и декриминализация домашнего насилия. Близость органов власти к РПЦ и присутствие ее представителей в качестве советников в комитетах Государственной Думы оказывают сильное влияние на государственное регулирование в этой сфере (см. ниже). После принятия поправки в Уголовный кодекс в 2017 г. о частичной декриминализации побоев, связанных с домашним насилием, виновник нанесения побоев освобождался от уголовной ответственности.

Позитивные показатели фиксируются в области трудовых прав: В Трудовом кодексе – недопустимость ограничения в трудовых правах и свободах (ст. 3 ТК РФ), обязательство обеспечения равной оплаты за труд равной ценности (ст. 22 ТК РФ). Упоминается запрещение дискриминации при определении условий оплаты труда (ст. 132 ТК РФ). Позитивно оцениваются меры в связи с беременностью и материнством.

Подчеркивается, однако, что российский индекс развития равенства мужчин и женщин и по индексу неравенства между полами в 2017 г. был на 49-м месте среди 189 стран. По данным Всемирного банка (2020 г.), в рейтинге равенства между мужчинами и женщинами Россия заняла 73-е место из 190 стран. По данным Всемирного экономического форума (2018 г.) – 75-е место из 149 стран.

²https://roscongress.org/upload/medialibrary/572/26421VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf (дата обращения 16 марта 2022).

Показатели по различным параметрам сильно различаются: «здоровье и продолжительность жизни» – 1-е место; «доступность образования» – 28-е место; «экономическое участие и возможности» – 31-е место; «политическое участие» – 123-е место.

В то же время в докладе не упоминаются практики в бизнесе, когда не обеспечиваются права беременных и женщин с детьми. Не указывается, что Россия до сих пор не ратифицировала Конвенцию МОТ № 190 о ликвидации насилия и харассмента в сфере труда³.

Отчет перечисляет действия правительства для реализации ЦУР. К ним относятся: Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 гг.⁴ В декабре 2019 г. был утвержден план мероприятий по реализации в 2019–2022 гг. Стратегии⁵, его основные направления: создание условий для сохранения здоровья; улучшение экономического положения, обеспечение роста благосостояния; профилактика и предупреждение социального неблагополучия и насилия; активизация участия в общественно-политической жизни; совершенствование государственной статистики, характеризующей положение женщин.

Ликвидация всех форм насилия в отношении всех женщин и девочек (задача 5.2). Отчет дает позитивную оценку следующим факторам. Суд может возложить на подозреваемого или обвиняемого запрет на общение с определенными лицами (поправки в УПК 2018 г.). Отмечается существование «Центра помощи пострадавшим от домашнего насилия» – четыре филиала (в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону и Екатеринбурге). Однако авторы доклада «не заметили» большого числа профильных организаций, в том числе некоммерческих, действующих в других регионах [Михалева 2021]. В качестве недостатков отмечаются декриминализация семейного насилия; отсутствие законов о предотвращении домашнего насилия и о харассменте.

³ Опубликован доклад о насилии и харассменте в сфере труда в РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ktr.su/content/news/detail.php?ID=7371> (дата обращения 17 марта 2022).

⁴ <http://static.government.ru/media/files/njlkIvH7WCvOIYRmcucV4jdNihEmTOUe.pdf> (дата обращения 17 марта 2022).

⁵ Распоряжение от 7 декабря 2019 года № 2943-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2019–2022 годах Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 марта 2017 г. № 410-р» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564043538> (дата обращения 17 марта 2022).

На практике законопроект Оксаны Пушкиной о домашнем насилии был Государственной Думой передан в Совет Федерации, но даже его смягченная версия до сих пор не принята, несмотря на то, что правительство признает рост случаев домашнего насилия в период пандемии. Комиссия по профилактике правонарушений при Правительстве 27 апреля 2020 г. приняла решение «О реализации профилактики правонарушений по предупреждению преступлений в сфере семейно-бытовых отношений» (Председатель В.А. Колокольцев, министр внутренних дел РФ)⁶. Кроме того, практикуется применение насилия в отношении женщин со стороны органов власти, связанное с силовым пресечением незаконных с точки зрения власти массовых акций. Если раньше женщин избивали редко, то теперь применение силы и массовые задержания женщин – практически норма для правоохранительных органов.

Уголовное преследование активных женщин. По данным Правозащитного центра «Мемориал»⁷, из 76 политзаключенных – 9 женщин. Из 398 преследуемых по политическим мотивам – 75 женщин, большинство из которых преследуются из-за принадлежности к «Свидетелям Иеговы».

Ликвидация всех вредных видов практики в отношении женщин (задача 5.3). В докладе отмечается, что в Семейном кодексе определен брачный возраст – 18 лет – и принцип добровольности вступления в брак. В особых случаях (например, беременность невесты) возраст может быть снижен до 14 лет.

Однако не упоминается, что активная роль РПЦ и других традиционных конфессий возрастает. Под давлением РПЦ уже ограничены репродуктивные права женщин, отказались от уроков сексуального воспитания в школе и т. д. Представители исламского духовенства идут еще дальше, оправдывая калечащие операции женского обрезания, как муфтий Исмаил Бердиев⁸. Влияние РПЦ сказалось и на содержании уже упомянутой правительственной программы поддержки женщин, которая сосредоточена на обеспечении репродуктивных прав и не содержит развернутых задач обеспечения гендерного равенства.

⁶https://www.asi.org.ru/wp-content/uploads/2020/04/Reshenie_PKPP_ot_31032020.pdf. (дата обращения 17 марта 2022).

⁷<https://memohrc.org/ru/pzk-list> (дата обращения 17 марта 2022).

⁸«Надо всех женщин обрезать»: Муфтий снова разозлил соцсети заявлением о женском обрезании [Электронный ресурс]. URL: <https://medialeaks.ru/1708okh-muftiy-severnogo-kavkaza-snova-razozlil-sotsseti-zayavleniem-o-zhenskom-obrezanii/> (дата обращения 17 марта 2022).

Наступление на права женщин на Кавказе демонстрирует существование в России разных гендерных порядков. В республиках Кавказа это – не просто давление муфтиев, но государственная политика, поддерживаемая обществом. В списке – принуждение женщин к ношению платков в публичных местах, к ранним бракам (и отказу от продолжения образования), многоженство, убийства чести, похищение невест, практика в отношении детей при разводе, когда они остаются с семьей мужа, отдельные пляжи для мужчин и женщин и женское обрезание. Это прямо противоречит Конституции РФ.

Обеспечение всестороннего и реального участия женщин и равных для них возможностей для лидерства на всех уровнях в политической, экономической и общественной жизни (задача 5.5). В докладе говорится, что Национальный проект «Демография» включает в себя федеральный проект «Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет». Это единственное, что можно отметить из позитива. У нас не существует институтов, защищающих права: нет уполномоченных по правам женщин на федеральном, региональном и местном уровнях, в учреждениях и на предприятиях; процветают практики дискриминации при приеме на работу. Лишь в небольшом числе фирм практикуются женские квоты в советах директоров.

Низок уровень представительства женщин во власти. В администрации Президента 35 человек, всего 10% – женщины, в руководстве правительства – 31, также – 10% женщин. 17% женщин среди 169 сенаторов. В Государственной Думе – 16%. Из 85 субъектов Федерации только в ХМАО глава – женщина. Из 178 крупных городов России только в 23 мэры – женщины [Фильченко 2021].

Обеспечение всеобщего доступа к услугам в области охраны сексуального и репродуктивного здоровья (задача 5.6).

В докладе отмечается Национальный проект «Здравоохранение» (в рамках проекта «Демография»), в том числе защита беременности и родов, материнский капитал. В 2015–2018 гг. число аборт на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет сократилось с 23,8 до 19,0, число аборт на 100 родов – с 44 до 41,5. Но не учитывается наступление на репродуктивные права женщин: ограничение права на аборты – с одной стороны, и невозможность для незарегистрированных пар провести ЭКО – с другой. Отказ от уроков сексуального воспитания в школах приводит к росту венерических заболеваний и ранних беременностей.

Выводы доклада. Тематика гендерного равенства практически отсутствует в стратегических и программных документах РФ. Приоритеты развития до 2024 г. включают лишь положения, касающиеся материнского здоровья и создания «условий для

осуществления трудовой деятельности женщин, имеющих детей». Программа развития ООН (Gender Inequality Index) в 2017 г. фиксирует 53-е место России из 189 стран мира по ситуации в сфере гендерного равенства.

Заключение

В современной России существуют две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, государственная политика, включая законодательство, на которую большое влияние имеют РПЦ и другие конфессии, направлена на сохранение и навязывание женщине патриархатного гендерного порядка и традиционных ролей. Государство заинтересовано в изменении демографической ситуации и повышении рождаемости. Об этом неоднократно заявляли руководители. Так, В.В. Путин считает, что нужно «выбраться из демографической ловушки», повысить рождаемость и поддержать семьи с детьми⁹. Это – постепенно увеличивающиеся детские пособия, материнский капитал, одновременные выплаты семьям с детьми в условиях ковида. Но есть и попытки введения штрафных мер, помимо запрета на аборт или вывода их из ОМС, это еще и попытки введения налога на бездетность. Одновременно существует (и усиливается) традиционный гендерный порядок в республиках Кавказа.

С другой стороны, вопрос гендрного равенства стал актуальным для средств массовой информации, особенно сетевых. Несмотря на давление и объявление иностранными агентами, действуют женские НКО, новые средства коммуникации стимулируют развитие молодежных феминистских групп разных направлений. Насилие в отношении женщин, в том числе домашнее, стало видимым. И это дает основания для надежд на то, что цель ЦУР № 5 будет постепенно реализоваться.

Литература

Медушевский, Михалева и др. 2019 – *Медушевский Н.А., Михалева Г.М., Гордеева М.А., Кутырев Г.И.* Европейский Союз: риски и вызовы современного этапа политической эволюции. М.: ЛЕНАНД, 2019. 352 с.

⁹ Путин предложил план выхода из «демографической ловушки»: Сколько будет стоить борьба с бедностью и низкой рождаемостью [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/01/2020/5e1f21a39a7947dbef5f5a3> (дата обращения 14 марта 2022).

- Михалева 2021 – *Михалева Г.М.* Опыт взаимодействия с органами власти по вопросу о борьбе с домашним насилием // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1. Часть 2. С. 287–295.
- Фильченко 2021 – *Фильченко Г.* Женщины – политики в России на федеральном, региональном и местном уровне // Женщины в политическом пространстве России и зарубежных стран / Под ред. Г.М. Михалевой. М.: Издательские решения, 2021. С. 53–58.

References

- Filchenko, G. (2021), “Women Politicians in Russia at the Federal, Regional and Local Levels”, Mikhaleva G.G. (ed.), *Zhenshchiny v politicheskom prostranstve Rossii i zarubezhnykh stran* [Women in the Political Space of Russia and Foreign Countries], Izdatelskie resheniya, Moscow, Russia.
- Medushevskii, N.A., Mikhaleva, G.M., Gordeeva, M.A. and Kutuyev, G.I. (2012), *Evropeiskii Souz: riski i vysovy sovremennogo etapa politicheskoi evolutsii* [European Union. Risks and challenges of the current stage of political evolution], LENAND, Moscow, Russia.
- Mikhaleva, G.M. (2021), “Experience of interaction with authorities on the issue of combating domestic violence”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1 (part 2), pp. 287–295, DOI:10.28995/2073-6401-2021-1-287-295.

Информация об авторе

Галина М. Михалева, доктор политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; gmmichaleva@gmail.com

Information about the author

Galina M. Mikhaleva, Dr. of Sci. (Political Science), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; gmmichaleva@gmail.com

УДК 316.346.2

DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-372-382

Учет приоритетов гендерной политики
и целей в области ESG
в нефинансовых отчетах
публичных российских компаний

Екатерина А. Зиброва

независимый исследователь, Москва, Россия

ekaterina.zibrova.khv@gmail.com

Аннотация. В статье приводится анализ отчетов публичных российских компаний с высоким уровнем капитализации – Сбер, Газпром, Яндекс и СИБУР – на предмет учета ими гендерной политики и целей в области ESG¹. Неполнота приводимых компаниями данных в сфере нефинансовой информации приводит к тому, что при наличии информации о соотношении женщин и мужчин в составе компании отчеты не являются точным и исчерпывающим источником понимания, как гендерная политика развивается внутри компании. Отчетность публичных российских компаний (обществ), несмотря на отсутствие в течение некоторого времени прямых рекомендаций от российских регуляторов их деятельности, имеет прочную историю последовательного раскрытия нефинансовых данных. Однако в части учета приоритетов гендерной политики и целей в области ESG имеется большой потенциал для улучшений: компании не раскрывают полный объем данных, указанных в ключевых документах, описывающих мировые приоритеты гендерной политики; не всегда учитывают отчетность России для ООН по ходу развития Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.; редко декларируют меры по решению проблем гендерного неравенства.

Ключевые слова: гендерная политика, гендерное разнообразие, компании, нефинансовая отчетность, принципы ESG

Для цитирования: Зиброва Е.А. Учет приоритетов гендерной политики и целей в области ESG в нефинансовых отчетах публичных российских компаний // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 372–382. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-372-382

© Зиброва Е.А., 2022

¹От англ. Environmental, Social and Governance – совокупность характеристик управления компанией, при которой достигается ее вовлечение в решение экологических, социальных и управленческих проблем.

Priorities of gender policies and ESG targets in Russian public companies' non-financial reports

Ekaterina A. Zibrova

independent researcher, Moscow, Russia,

ekaterina.zibrova.khv@gmail.com

Abstract. The article analyzes the reports of publicly traded Russian companies with a high level of capitalization Sber, Gazprom, Yandex and SIBUR for their gender policy and ESG goals. The incompleteness of non-financial information provided by companies means that when there is information about the ratio of women to men in the company, reports are not an accurate and comprehensive source of understanding how gender policy develops within the company. Reporting Russian public companies are consistent in their history of opening non-financial information, though there is a lack of direct recommendation and instruction from Russia's adjustment organizations on how to make the process of reporting to be accurate. However, there is a lot of potential for improvement in terms of mainstreaming gender policy priorities and ESG goals: companies do not disclose the full amount of data specified in key documents describing global gender policy priorities; they do not always take into account Russia's reporting to the UN on the progress of development the 2030 Agenda for Sustainable Development; rarely declare measures to deal with gender inequality issues.

Keywords: gender policy, gender diversity, companies, non-financial information, ESG principles

For citation: Zibrova, E.A. (2022), "Priorities of gender policies and ESG targets in Russian public companies' non-financial reports", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, part 3, pp. 372–382, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-372-382

Информационная прозрачность и открытость являются необходимыми и неотъемлемыми элементами взаимоотношений участников рынка ценных бумаг. Раскрытие информации осуществляется как в обязательном, так и в добровольном порядках [Волкова 2017]. Нефинансовая информация относится к добровольному порядку отчетности, и, несмотря на такой характер, многие компании, судя по отчетной активности, регулярно отчитываются перед акционерами, инвесторами и обществом о своей деятельности, которая находится за рамками финансово-экономических аспектов. Гендерная политика компаний относится к нефинансовой информации в том числе. Каждый публичный ежегодный отчет российских компаний содержит в себе данные о распределении персонала по полу или гендерном разнообразии.

*Критерии нефинансовой отчетности
в части социальных показателей
гендерной политики компаний*

В качестве критериев нефинансового вида отчетности бизнес использует принципы экологического, социального и корпоративного управления или Environmental, Social and Governance (ESG), которые впервые предложил использовать финансовому рынку Генеральный секретарь ООН К. Ананн в своем докладе “Who Cares Win” («Кто заботится, побеждает»)². Несмотря на то что эти рекомендации, обращенные к бизнесу, были сделаны в 2004 г., началом нового периода в сфере отчетности и ее приоритетов стало принятие ООН программы «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.» в 2015 г.³, где странами-подписантами были определены 17 целей устойчивого развития и 169 связанных с ними задач, которые являются руководством при принятии решений во всех сферах развития общества, бизнеса и государств. Эта программа начала свое действие в 2016 г. и стала определять приоритетные направления деятельности и отчетности компаний, а аббревиатура ESG стала основой для метрик отчетов⁴.

В перечне целей устойчивого развития *гендерными ресурсами*, обеспечивающими их достижение, являются недискриминация, гендерное равенство, устранение всех юридических, социальных и экономических барьеров на пути расширения прав и возможностей женщин. В перечне принципов ESG социальный принцип (Social) описывает показатели, связанные с решением социальных проблем, таких как права человека в том числе, а значит, и прав женщин на равные возможности, что поддерживает пункт № 20 Программы.

В 2016 г. на сайте компании GRI (Global Reporting Initiative), которая создает и распространяет единые стандарты составления отчетности, появились рекомендации к составлению отчетов во всех сферах экологического, социального и корпоративного управ-

²Официальный сайт ООН [Электронный адрес]. URL: https://www.unepfi.org/fileadmin/events/2004/stocks/who_cares_wins_global_compact_2004.pdf (дата обращения 12 февраля 2022).

³Официальный сайт ООН [Электронный адрес]. URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R (дата обращения 12 февраля 2022).

⁴Официальный сайт GRI. Глобальная инициатива по стандартам отчетности [Электронный адрес]. URL: <https://www.globalreporting.org/how-to-use-the-gri-standards/gri-standards-english-language/> (дата обращения 12 февраля 2022).

ления, например, разнообразие и равные возможности (GRI 405: Diversity and Equal Opportunity), анти-дискриминация (GRI 406: Non-discrimination), права аборигенов и этнических меньшинств (GRI 411: Rights of Indigenous Peoples).

Официальным присоединением российского бизнеса к мировому тренду раскрытия нефинансовой отчетности можно считать 2021 г., когда Центральный Банк выпустил информационное письмо о рекомендациях по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ⁵. Важно отметить, что российские публичные компании, являясь частью глобального рынка, последовательно раскрывали нефинансовую информацию до рекомендаций Центробанка, транслируя обществу свою озабоченность обеспечением устойчивого развития мира и демонстрируя свой вклад в этот процесс.

Однако при наличии данных о соотношении женщин и мужчин в составе компании отчеты не являются точным и исчерпывающим источником понимания, как гендерная политика развивается внутри компаний. Один из пунктов Программы «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.», касающихся конкретно гендерного разнообразия, это пункт № 20: женщины должны иметь равные с мужчинами возможности в плане занятости, выступления в роли лидера и принятия решений на всех уровнях⁶. Это означает, что отчеты компаний должны содержать в себе показатели, демонстрирующие не только соотношение количества женщин и мужчин в общем составе персонала, но и обязательно включать данные о социальной структуре персонала, отражающие ее состав: а) по признаку пола на разного уровня должностях, в том числе руководящих; б) наличие женщин на высших уровнях управления, например состав совета директоров; в) соотношение по признаку пола на должностях ведущих и обеспечивающих видов деятельности компании. Данные по пунктам а и б показывают, как компания обеспечивает доступ женщинам к уровням принятия управленческих решений и влияния на деятельность компании. Данные пункта в показывают, как компания обеспечивает равное распределение женщин и мужчин в профессиях. Эти пункты в совокупности предполагают наличие и/или

⁵ Официальный сайт Центрального Банка [Электронный адрес]. URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/117620/20210712_in-06-28_49.pdf (дата обращения 9 сентября 2021).

⁶ Официальный сайт ООН [Электронный адрес]. URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R (дата обращения 21 января 2022).

создание мер по снижению уровня вертикальной и горизонтальной гендерных сегрегаций в отдельно взятых компаниях и повышению занятости женщин во всех отраслях экономики страны в целом.

Еще одним критерием учета гендерной политики для российских публичных компаний должна быть отчетность России для ООН по осуществлению программы «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.». В 2019 г. Россия сделала первый добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки (отчет ЦУР)⁷, в котором сказано, что для нашей страны самыми проблемными областями в достижении гендерного равенства являются *оплата труда* и *начало карьеры*. Таким образом, дополнительными показателями к пунктам *а, б и в* становятся: *з) раскрытие размера заработной платы труда на разного уровня должностях и д) возраст женщин, приходящих в компанию впервые*. Эти пункты отражают меры по решению проблем национального и локального характера по достижению гендерного паритета.

Социальные показатели гендерной политики компаний

Краткий обзор отчетов до выпуска рекомендаций Центробанка позволяет нам проанализировать учет российскими публичными компаниями приоритетов гендерной политики и целей в области ESG и сделать вывод об аспектах гендерного разнообразия, которые компании считают ключевыми.

В качестве примеров нефинансовой отчетности российских публичных компаний взяты три компании из списка 100 крупнейших по капитализации (или стоимости активов) из трех разных отраслей: финансовая, энергетическая отрасли и информационные технологии. Рейтинг произведен в феврале 2021 г. универсальным агентством РИА Рейтинг, медиагруппы МИА «Россия сегодня»⁸.

Сбербанк РФ. «Сбер», банки и финансовые услуги (первое место рейтинга по капитализации). По данным 2017 г.⁹, в компании

⁷Официальный сайт Министерства экономического развития РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://economy.gov.ru/material/file/dcb-c39abeafb0418d9d48c06c958e454/obzor.pdf> (дата обращения 7 июля 2021).

⁸Официальный сайт агентства РИА [Электронный адрес]. URL: <https://riarating.ru/infografika/20210204/630194238.html> (дата обращения 14 февраля 2022).

⁹Официальный сайт Сбер [Электронный адрес]. URL: <https://fs.moex.com/f/9825/sberbank-annual-report-2017-rus.pdf> (дата обращения 14 января 2022).

работали 67,8% женщин и 32,3% мужчин. На руководящих позициях цифры другие – 15% женщин и 85% мужчин. В 2019 г. 68% женщин и 32% мужчин в целом, и 33% женщин и 67% мужчин на руководящих позициях¹⁰. За указанный период количество женщин-руководительниц выросло более чем в два раза.

В отчете 2020 г. данные о гендерном разнообразии впервые публикуются под отдельным заголовком «Гендерная политика», где Сбер отчитывается, что по итогам 2020 г. женщины составляли большинство персонала в Сбере – 72% от всех сотрудников. Среди руководителей среднего звена – 64% женщин. Кроме того, среди 10% наиболее высокооплачиваемых сотрудников более половины (54%) – женщины. Подтверждения этого структурным анализом по полу и по должностям, как в предыдущих отчетах, нет. Это делает невозможным отслеживание динамики гендерного разнообразия в Сбере, поэтому заключения о росте количества женщин можно сделать только по данным об общем составе. В любом случае мы наблюдаем рост количества женщин и в общем составе и, что важно для достижения целей устойчивого развития, на управленческом уровне.

Газпром. «Газпром», нефтегазодобыча и нефтепереработка (на втором месте рейтинга по капитализации). В своем отчете за 2019 г. Газпром привел данные по персоналу с 2016 г., это позволяет посмотреть данные в динамике. На руководящих позициях 25% (2018) и 24,6% (2019) женщин и 75% (2018) и 75,4% (2019) мужчин¹¹.

Отчет 2020 г.¹² показывает долю женщин в 24% среди руководителей. Количество женщин на руководящих позициях уменьшается с каждым годом. Несмотря на заявление компании, в отчете 2019 г. о сбалансированном составе структуры персонала, баланс есть только в категории «специалисты и служащие» – 41,6% женщин и 58,4% мужчин, где также наблюдается снижение доли женщин. В 2019 г. женщины составляли 48% работников, принятых на работу в ПАО «Газпром», в 2020 г. нанятых женщин уже 35,8%. Сбалан-

¹⁰ Официальный сайт Сбер [Электронный адрес]. URL: <https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/pdf/yrep/sberbank-ar19-rus.pdf> (дата обращения 14 февраля 2022).

¹¹ Официальный сайт Газпром [Электронный адрес]. URL: <https://www.gazprom.ru/f/posts/77/885487/sustainability-report-rus-2019.pdf> (дата обращения 26 октября 2021).

¹² Официальный сайт Газпром [Электронный адрес]. URL: <https://www.gazprom.ru/f/posts/57/982072/sustainability-report-ru-2020.pdf> (дата обращения 26 октября 2021).

сированным можно считать состав, когда доли мужчин и женщин составляют примерно половину на всех уровнях должностей и по всем группам профессий.

Яндекс. «Яндекс», информационные технологии (восьмое место рейтинга по капитализации). В 2021 г. Яндекс впервые отчитался по Целям устойчивого развития¹³.

Яндекс не приводит в отчете точные данные в процентном соотношении от общей численности персонала по полу, т. е. сколько всего в компании работает женщин и мужчин, и приводит данные текстом: «...общее количество специалистов, работавших в Яндексе в течение отчетного года, достигло значения 15 666 человек, более трети из которых – женщины». Из графических данных приведено распределение сотрудников по профессиональным областям, где женщин в самой большой категории работников и ключевой по виду деятельности компании – «разработчики» – 11%, что меньше всего из всех имеющихся там профессий. Компания в своем отчете, в отличие от отчетов Сбера и Газпрома, указывает причину низкой репрезентации женщин в компании. По мнению компании, это недопредставленность женщин на рынке труда. Второе заметное отличие отчета Яндекса от отчетов приведенных выше компаний в том, что IT-корпорация заявляет о своих обязательствах по решению проблемы гендерного дисбаланса. Ключевой мерой в компании называют развитие программ обучения навыкам программирования девочек и мальчиков. Отдельно стоит отметить, что в отчете широко используются феминитивы, что является признаком знания о гендерной асимметрии в языке, который влияет на репрезентацию женщин в информационном пространстве.

Расположение отчетов на сайтах компаний демонстрирует понимание ими места и роли нефинансовой отчетности среди других видов отчетности. Отчеты Сбера расположены на вкладке «Устойчивое развитие»¹⁴. Отчеты Газпрома размещены на вкладке «Охрана природы»¹⁵. Отчеты Яндекса находятся на вкладке «Раскрытие информации»¹⁶.

¹³ Официальный сайт Яндекс [Электронный адрес]. URL: <https://ir.yandex/sustainability/report-ru> (дата обращения 10 ноября 2021).

¹⁴ Официальный сайт Сбер [Электронный адрес]. URL: <https://www.sberbank.com/ru/sustainability> (дата обращения 28 февраля 2022).

¹⁵ Официальный сайт Газпром [Электронный адрес]. URL: <https://www.gazprom.ru/nature/environmental-reports/> (дата обращения 28 февраля 2022).

¹⁶ Официальный сайт Яндекс [Электронный адрес]. URL: <https://yandex.ru/company/prospectus/> (дата обращения 28 февраля 2022).

*Анализ отчета публичной компании,
выпустившей документ
после рекомендаций Центробанка*

Первой публичной компанией, отчитавшейся о нефинансовых результатах деятельности после выпуска рекомендаций, стала компания СИБУР, одна из крупнейших российских компаний в нефтегазохимической отрасли. Первое яркое отличие нефинансовой отчетности СИБУР от отчетов других компаний – это *презентация данных в двух видах*: таблица с данными, структурированными по литерам ESG¹⁷, и единый отчет с финансовыми показателями, где выделены разделы по принципам ESG и приведены комментарии компании к приведенным данным¹⁸.

Компания приводит данные о соотношении женщин и мужчин в общем составе персонала в динамике с 2018 г. (женщин – 33%, мужчин – 67% в 2018 и в 2019 гг.), в 2020 г. женщин – 32%, мужчин – 68%, количество женщин снижается. Количество женщин также снижается на руководящих должностях: в 2018 г. – 22,7%, в 2019 г. – 19,9%, в 2020 г. – 20,1%. Количество женщин на должностях специалистов остается примерно на одном уровне. Количество женщин на должностях рабочих ниже, чем количество мужчин, и снижается: 23,3% в 2018 г., 20,9% в 2019 г., 17,2% в 2020 г. В отчете есть данные о наличии женщин на высших уровнях управления. В совете директоров СИБУРа 12 членов, из них одна женщина, количество женщин в составе правления – двое из 18. Обращает на себя внимание декларация целей по достижению гендерного равенства с конкретными показателями, например не менее чем в два раза увеличить число женщин в составе Правления и высшего управленческого корпуса.

Второе заметное отличие отчета от отчетов других компаний – это *раскрытие данных о заработной плате*. Данные приведены для начального уровня должности и составляют чуть выше 10 тыс. руб. в пользу мужчин.

Третье важное отличие – *данные о декретном отпуске*. СИБУР в отчете и своих комментариях к цифрам отмечает, что в компании в декретный отпуск уйти равны все: и женщины, и мужчи-

¹⁷ Официальный сайт СИБУР [Электронный адрес]. URL: https://www.sibur.ru/sustainability/social_report/ (дата обращения 6 февраля 2022).

¹⁸ Официальный сайт СИБУР [Электронный адрес]. URL: https://www.sibur.ru/sustainability/social_report/SIBUR_CR2020_RUS.pdf (дата обращения 6 февраля 2022).

ны. В 2019 г. декретным отпуском воспользовались 9 мужчин и 404 женщины, в 2020 г. – 5 мужчин и 669 женщин.

Пункты гендерной политики публичных компаний

Гендерной политикой внутри компании можно считать часть общей стратегии развития персонала и комплекс мер, практик и инструментов, обеспечивающих достижение пунктов Программы ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.» и учет принципов ESG [Velte 2016; Manita et al. 2018]. Приоритеты гендерной политики определяют ряд документов: пункты Программы, касающиеся гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин, и конкретно пункт № 20; единые стандарты GRI (Global Reporting Initiative), составления отчетности в сфере социального управления; рекомендации Центробанка публичным компаниям (обществам) по раскрытию нефинансовой информации; отчетность России для ООН по ходу развития Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.

Краткий обзор отчетов до и после выпуска рекомендаций Центробанка позволяет сделать анализ учета приоритетов гендерной политики и целей в области ESG российскими компаниями.

Наряду с указанием *общего количества женщин и мужчин в составе персонала*, российские публичные компании считают обязательным указать *количество женщин на разного уровня должностях, в том числе руководящих позициях*. При этом не все компании указывают состав высшего руководящего звена, такого как совет директоров и правление. Следующим обязательным приоритетом в отчетах указывается *соотношение по признаку пола на должностях ведущих и обеспечивающих видов деятельности компании*. При этом не все компании раскрывают соотношение мужчин и женщин на ведущих и обеспечивающих группах профессий, ограничиваясь простым перечислением количества людей на позициях. *Раскрытие размера заработной платы* у мужчин и у женщин – пока редко встречающийся приоритет гендерной политики. При этом, несмотря на приведение данных, компании, взявшие на себя это обязательство, не указывают размер заработной платы в зависимости от уровня должности. *Начало карьеры* – приоритет гендерной политики, несущий локальный, страновой характер, пока не приводится в данных, т. е. российские компании не указывают возраст женщин, приходящих в компанию впервые.

Заключение

Таким образом, отчетность публичных российских компаний (обществ) имеет прочную историю последовательного раскрытия нефинансовых данных, несмотря на отсутствие в течение некоторого времени прямых рекомендаций от российских регуляторов их деятельности. Однако в части учета приоритетов гендерной политики и целей в области ESG имеется большой потенциал для улучшений, который возможно раскрыть не только через презентацию полного объема данных, указанных в ключевых документах, но и через декларацию мер по решению проблем гендерного неравенства.

В большинстве приведенных отчетов компаний приведены данные, демонстрирующие снижение количества женщин в целом в общем составе и на руководящих позициях. Женщин мало в группах профессий, осуществляющих ключевой вид деятельности. При этом компании в единичных случаях приводят свои обязательства по улучшению ситуации, редко делятся планами по выравниванию гендерного баланса. Обращают на себя внимание чередование графических, текстовых и цифровых приемов визуализации информации, которые используются не для того, чтобы облегчить работу по анализу данных, а для того, чтобы выделить позитивные аспекты отчета и скрыть негативные. Любой публичный отчет – это диалог компании с обществом и бизнесом, призванный повысить уровень доверия, где открытость – это один из неотъемлемых условий достижения устойчивости развития [Мошенский 2010]. Равное признание и своих заслуг, и раскрытие своих недочетов должно стать общей практикой каждого отчета, потому что следующими приоритетами в области ESG после раскрытия гендерного разнообразия станет приоритет раскрытия этнического и смешанных критериев биодемографических данных персонала, а это более сложная задача, к решению которой необходимо подготовиться за счет работы с показателями гендерной политики.

Литература

- Волкова 2017 – Волкова О.Н. Прозрачность как финансовая категория // Аудиторские ведомости. 2017. № 8. С. 88–101.
- Мошенский 2010 – Мошенский С.З. Рынок ценных бумаг: трансформационные процессы. М.: Экономика, 2010. 239 с.
- Velte 2016 – Velte P. Women on management board and ESG performance // Journal of Global Responsibility. 2016. Vol. 7. № 1. P. 98–109 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1108/JGR-01-2016-0001> (дата обращения 14 февраля 2022).

Manita et al. 2018 – *Manita R., Bruna M.G., Dang R., Houanti L.* Board gender diversity and ESG disclosure: evidence from the USA // *Journal of Applied Accounting Research*. 2018. Vol. 19. № 2. P. 206–224 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1108/JAAR-01-2017-0024> (дата обращения 14 февраля 2022).

References

- Manita, R., Bruna, M.G., Dang, R. and Houanti, L. (2018), “Board gender diversity and ESG disclosure: evidence from the USA”, *Journal of Applied Accounting Research*, vol. 19, no. 2, pp. 206–224, available at: <https://doi.org/10.1108/JAAR-01-2017-0024> (Accessed 14 February 2022).
- Moshenskii, S.Z. (2010), *Рынок tsennykh bumag: transformatsionnye protsessy* [The Stock Market. Transformational Process], Экономика, Moscow, Russia.
- Velte, P. (2016), “Women on management board and ESG performance”, *Journal of Global Responsibility*, vol. 7, no. 1, pp. 98–109, available at: <https://doi.org/10.1108/JGR-01-2016-0001> (Accessed 14 February 2022).
- Volkova, O.N. (2017), “On the concept of transparency in finance”, *Auditorskie Vedomosti Journal*, no. 8, pp. 88–101.

Информация об авторе

Екатерина А. Зиброва, кандидат психологических наук, независимый исследователь, Москва, Россия; ekaterina.zibrova.khv@gmail.com

Information about the author

Ekaterina A. Zibrova, Cand. of Sci. (Psychology), independent researcher, Moscow, Russia; ekaterina.zibrova.khv@gmail.com

Гендерная нейтральность
как норма нового гендерного порядка:
отношение россиян

Людмила А. Брушкова
*Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации Москва, Россия,
lbrushkova@yandex.ru*

Аннотация. Предметом статьи является отношение россиян к гендерной нейтральности как норме нового гендерного порядка. У большинства россиян новый гендерный порядок ассоциируется с достижением фактического равноправия мужчин и женщин в различных сферах общественной жизни, ликвидацией всех форм гендерной дискриминации. При этом сохраняется бинарный подход в понимании гендеров. Отмечается, что в настоящее время россияне демонстрируют один из самых консервативных в мире взглядов на гендерные нормы и отношения. Никакие из западных новых гендерных норм – признание однополых браков, право на выбор пола как самим ребенком, так и его родителями и др. – не поддерживаются абсолютным большинством россиян. Женщины и респонденты, состоящие в браке, имеющие детей, а также имеющие высокий уровень образования, демонстрируют в этом отношении самый консервативный подход. Если сравнивать с другими странами, то в своем отношении к нетрадиционным гендерным нормам россияне приближаются к китайцам. Автор приходит к выводу, что формирование нового гендерного порядка в России пока идет в рамках традиционной бинарной модели гендеров, не предполагающей гендерной нейтральности.

Ключевые слова: гендерное равенство, новый гендерный порядок, гендерные нормы, гендерная нейтральность, бинарная модель гендеров, российское общество

Для цитирования: Брушкова Л.А. Гендерная нейтральность как норма нового гендерного порядка: мнение россиян // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 383–392. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-383-392

Gender neutrality as the norm of new gender order. The Russians' attitude

Lyudmila A. Brushkova

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia, lbrushkova@yandex.ru*

Abstract. The subject of the article is the Russian people's attitude to gender neutrality as the norm of new gender order. Majority of the Russians associate the new gender order with the achievement of real equality of men and women in various spheres of social life, elimination of all kinds of gender discrimination. At the same time they keep binary approach to gender awareness. The paper notes that currently Russian people demonstrate one of the most conservative worldwide attitudes toward the gender norms and relations. No one from the Western new gender norms: same-sex marriage acceptance, right to choose sex both by a child and his/her parents, etc. are not accepted by majority of Russians. Moreover women, responders in marriage, having children, responders with higher education demonstrate the most conservative approach. When compared with other countries Russian people are close to Chinese in their attitude to non-traditional gender norms. The author concludes that the new gender order formation in Russia is going on in the frame of binary gender model not assuming any gender neutrality.

Keywords: gender equality, new gender order, gender norms, gender neutrality, binary gender model, Russian society

For citation: Brushkova, L.A. (2022), "Gender neutrality as the norm of new gender order. The Russians' attitude", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, part 3, pp. 383–392, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-383-392

Введение

В настоящее время во всем мире идет трансформация социогендерных отношений, формируется новый гендерный порядок. Согласно определению Г.Г. Силласте, новый гендерный порядок – это «новый порядок жизни и деятельности, социального и межличностного взаимодействия мужчин и женщин как системообразующих социально-демографических общностей на основе принципа гендерного равноправия. В то же время это означает определенный пересмотр ряда прошлых норм – юридических и нравственных, социальных и моральных, связанных с социально-правовыми регуляторами гендерного взаимодействия в обществе и мир-системе в целом» [Силласте 2019а].

По нашему мнению, новый гендерный порядок предполагает прежде всего гораздо большую субъектность женщин в различных сферах жизнедеятельности общества (политике, экономике, культуре и др.) и не сводится к утверждению норм и ценностей гендерной нейтральности. Формирование нового гендерного порядка связано с расширением женского участия в предпринимательстве, менеджменте, образовании, сфере принятия политических решений, медиапространстве и др. [Брушкова 2021; Милованова 2020].

Процесс формирования нового гендерного порядка носит глобальный характер, в той или иной степени затрагивая большинство стран мира [Силласте 2019b]. Лидирующая роль в этом процессе принадлежит странам западноевропейской культуры. Именно эти страны предлагают достаточно радикальные гендерные нормы, которые не всегда принимаются странами другой культурной ориентации. К таким нормам западного гендерного порядка можно отнести и гендерную нейтральность.

Гендерная нейтральность – это политика и практика, предполагающая, что в языке и различных социальных институтах не следует отдавать предпочтение тем или иным гендерам и полам в выполнении определенных социальных ролей, чтобы избежать гендерной дискриминации и неоправданных преимуществ того или иного гендера¹.

На практике гендерная нейтральность в настоящее время выражается в институционализации однополых браков и усыновлении детей однополыми супругами, исключении из лексикона слов, указывающих на тот или иной гендер (например, вместо *policeman* и *fireman* *police officer* и *firefighter*), открытии гендерно нейтральных туалетных комнат, отмене гендерного деления в магазинах, ношении мужчинами женской одежды (юбок) и т. п. Признание нетрадиционных гендерных норм идет не только в отдельных странах, но и на международном уровне. Так, в настоящее время в обновленной Международной классификации болезней Всемирной организации здравоохранения (МКБ-11), вступившей в силу 1 января 2022 г., трансгендерность находится в блоке «состояний, относящихся к сексуальному здоровью», а диагноз именуется «гендерное несоответствие» и больше не относится к психическим расстройствам².

¹ Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой. М.: Информатика XXI век, 2002. 256 с.

² Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем // Всемирная организация здравоохранения. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/spotlight/international-classification-of-diseases> (дата обращения 15 февраля 2022).

В основе исследования – анализ данных российского сравнительного социологического исследования «Влияние социальных трансформаций на формирование равноправия и нового гендерного порядка в российском обществе: 30 лет спустя», проведенного нами в августе–ноябре 2021 г., а также вторичный анализ репрезентативных данных других социологических исследований.

*Отношение россиян
к гендерной нейтральности
как норме нового
гендерного порядка*

В рамках исследования был проведен экспертный опрос³. Все опрошенные эксперты – женщины, имеющие высшее образование, из них 46% имеют степень кандидата наук, 17% – доктора наук. 34% экспертов имеют ученое звание доцента, 7% – звание профессора. 80% экспертов находятся в возрасте 50 лет и старше. По сфере своей профессиональной и трудовой занятости большинство экспертов являются профессорами и преподавателями российских вузов, научными сотрудниками подразделений РАН, политиками и госслужащими, работниками аналитических центров, руководителями и работниками государственных и частных предприятий, индивидуальными предпринимателями, самозанятыми. Более 45% экспертов – представители двадцати пяти российских регионов. Большая часть экспертов включена в активную общественную деятельность, представляя как федеральные, так и региональные организации по поддержке женщин, семьи. Все эксперты используют различные источники информации о жизни общества и происходящих в нем изменениях, обращает на себя внимание значительный отрыв Интернета как источника информации от печатных СМИ, телевидения и радио (более чем в два раза).

Экспертам было предложено самим определить понятие «новый гендерный порядок». Чаще всего звучали определения, приведенные ниже.

Новый гендерный порядок – это ...

Равные права мужчин и женщин.

Полное равноправие полов во всех смыслах. Никакой сегрегации и дискриминации и никакого ущемления по полу и возрасту.

Социальный порядок, обеспечивающий равноправие полов.

³ Выборка составила 52 человека.

Порядок, при котором женщины и мужчины не думают, что что-то им недоступно в работе, политике, образовании.

Это равноправие и взаимное уважение мужчин и женщин на уровне общества и юридическое регулирование на уровне государственной системы.

Равноправие всех гендеров.

Недискриминация или толерантность.

Таким образом, большинство экспертов определяют новый гендерный порядок через такие категории, как «равенство прав мужчин и женщин», «отсутствие дискриминации» и «толерантность». При этом сохраняется традиционное бинарное понимание гендеров.

Мнения экспертов относительно того, что предполагает новый гендерный порядок, коррелируют с его определениями. Так, у большинства экспертов новый гендерный порядок ассоциируется с «наличием в обществе законов по защите прав и интересов женщин и мужчин» и «формированием общественного мнения, поддерживающего гендерное равноправие» (63 и 58% соответственно). 51% экспертов считают важным атрибутом нового гендерного порядка «ликвидацию дискриминации в отношении женщин и мужчин». В порядке убывания были также названы: «равные возможности для самореализации женщин во всех сферах» – 46,5%; «создание условий для свободного продвижения женщин в сфере труда» – 44%; «гендерно равное распределение семейных обязанностей и право на получение отпуска по уходу за ребенком отцом» – 42%; «овладение любой профессией вне зависимости от признака пола» – 35%. Одним экспертом было выражено мнение, что новый гендерный порядок – это «укрепление концепции свободы выбора половой и гендерной принадлежности личности. Целью обычного гендерного порядка было равенство полов, а не гендеров». Таким образом, новый гендерный порядок, в понимании экспертов, это реальное равноправие мужчин и женщин, как в разных сферах общественного бытия, так и общественном сознании, отсутствие гендерной дискриминации.

Что касается западных норм нового гендерного порядка, то 71% экспертов с ними знакомы, 29% – не знакомы. Такой большой процент неосведомленных свидетельствует, скорее всего, о том, что эта тема не является пока в России предметом открытого и широкого общественного дискурса.

Какие из норм западноевропейского гендерного порядка были бы полезны для России?

Сразу отметим, что практически все эти нормы были отвергнуты абсолютным большинством экспертов. Так, абсолютно непригодными для России эксперты считают следующие нормы:

замена в обращении в семье слов «мать» и «отец» на «родитель 1» и «родитель 2» – 93%; право родителей определять пол для своего ребенка – 88%; свобода выбора ребенком своего пола – 86%; предоставление права сексуальным меньшинствам создавать семью и усыновлять детей – 72%.

Единственная норма, а именно «раннее сексуальное просвещение», получила одобрение 28% экспертов. При этом ее считают неприемлемой для России 53,5% и 19% затрудняются ответить.

88% экспертов в той или иной мере не поддерживают современную западную политику гендерной нейтральности (67% – «совершенно не поддерживает»). Примечательно, что в ответе на этот вопрос не было затруднившихся с ответом.

В настоящее время в западных странах ведутся активные дискуссии относительно гендерной идентичности, права выбора пола ребенка. Что российские эксперты думают по этому поводу? 54% экспертов полагают, что «пол ребенка определен при его рождении и таким должен оставаться», 48% «считают такую постановку вопроса абсурдной». Лишь 12% экспертов относятся к этому вопросу серьезно. В ходе опроса были получены и такие мнения экспертов:

Проблема искусственно раздута в манипуляционных целях, в реальности она касается очень небольшого числа людей на самом Западе.

Нарушение гендерной идентичности в 80% случаев излечимо при своевременной диагностике.

Выбор пола возможен только взрослыми самостоятельными людьми в исключительных случаях.

На вопрос «Как Вы относитесь к западной политике законодательного признания однополых браков как новой гендерной норме?» 77% экспертов ответили, что относятся негативно, 14% – позитивно, 9% затруднились ответить.

Должна ли Россия противостоять этой гендерной норме? 78% экспертов занимают в этом отношении активную позицию, считая, что «надо формировать в обществе свой национальный (российский) гендерный порядок, обладающий созидательным характером» – 38%; Россия «должна не только противостоять, но и активно пропагандировать свои нравственные и социокультурные нормы и традиции» – 21%; «должна (противостоять западным гендерным нормам), надо разъяснять негативные ее последствия» – 19%. Только 7% экспертов высказали некую обреченность, полагая, что «противостоять невозможно, западные страны напористо навязывают эту норму, рекламируя ее “демократичность”». 14% опрошенных затруднились ответить на этот вопрос.

Таким образом, новый гендерный порядок ассоциируется у большинства экспертов с достижением фактического равноправия мужчин и женщин и их равными возможностями для самореализации во всех областях общественной жизни. Западная политика гендерной нейтральности не находит поддержки абсолютного большинства экспертов. Практически все новые гендерные нормы, предлагаемые Западом (определение гендера ребенка им самим или родителями, гендерная нейтральность родителей, право однополых партнеров на заключение брака, на усыновление детей и др.), российскими экспертами активно отвергаются. Исключение составляет «более раннее сексуальное просвещение детей», где мнения экспертов не так однозначны.

Полученные нами данные вполне коррелируют с результатами межстранового исследования отношения населения разных стран мира к новым гендерным нормам, проведенного компаниями РОМИР и Global NR в декабре 2020 г.⁴ Респондентам было предложено согласиться (или нет) с утверждением: «Традиционные гендерные роли для мальчиков и девочек лучше всего подходят для общества». Распределение согласившихся по странам выглядит так: Китай – 82%, Россия – 71%, Индия – 69%, США – 47%, Таиланд – 46%, Германия – 24%⁵. Таким образом, в понимании гендерных ролей детей Россия приближается к таким восточным странам, как Китай и Индия.

По данным исследования, российские женщины чаще мужчин соглашались с этим утверждением (73 и 68%), а люди в браке – чаще, чем холостые (77 и 61%). Среди бездетных россиян утверждение поддержали 67%, с детьми – 79%; 76% с высшим образованием и 63% без высшего образования⁶. Таким образом, люди, состоящие в браке и имеющие детей, оказываются более консервативными в вопросе гендерной идентичности детей, что вполне объяснимо. Тот факт, что респонденты с высшим образованием демонстрируют более консервативную позицию (нежели те, чей образовательный

⁴ В ходе исследования было изучено мнение жителей нескольких стран мира: Бразилии, Великобритании, Германии, Индии, Италии, России, США, Таиланда, Южной Кореи. Опрошено 7100 человек, из них 800 в России.

⁵ Гендерные роли детей 2020 // Ромир Global NR. URL: <https://romir.ru/studies/romirglobalnr-gendernye-rol-i-detey> (дата обращения 15 февраля 2022).

⁶ Гендерные роли детей 2020 // Ромир Global NR [Электронный ресурс]. URL: <https://romir.ru/studies/romirglobalnr-gendernye-rol-i-detey> (дата обращения 15 февраля 2022).

уровень ниже), возможно, свидетельствует об их большей осведомленности и озабоченности в этом вопросе. Хотя эта гипотеза требует специальной проверки в ходе дальнейших исследований.

Россия оказалась также и одной из самых консервативных стран в вопросе отношения к трансгендерным людям. Само их существование оскорбляет 43% россиян, в Германии так ответили 20%, в Таиланде – 15%, в США и Бразилии – по 10%.

На вопрос о том, должны ли однополые пары иметь право вступить в брак, ответили утвердительно на этот вопрос: в Великобритании – 70%, в Германии – 69%, в Индии – 63, в США – 59, в России – 13%⁷. В этом вопросе респонденты из России занимают наиболее жесткую позицию по сравнению с жителями других стран, что говорит об абсолютном неприятии нашими соотечественниками этой гендерной нормы.

Жителям разных стран предлагалось ответить на вопрос «Допустимо ли мужчинам носить юбки?». Было получено следующее распределение (ответ «да»): Индия – 55%, Великобритания – 51%, Бразилия – 45%, Германия – 45%, США – 41%, Корея – 29%, Таиланд – 29%, Китай – 28%, Россия – 12%⁸. Данные по россиянам, допускающим однополые браки и ношение мужчинами юбок, практически совпадают (13 и 12% соответственно). Отсюда можно заключить, что ношение мужчинами юбок, одежды, традиционно считающейся в России женской, ассоциируется у россиян с нетрадиционной сексуальной ориентацией мужчин и по этой причине вызывает их неприятие. Таким образом, Россия оказалась одной из самых консервативных в отношении своего населения к нормам гендерной нейтральности. «Мы наблюдаем тот редкий случай, когда россияне выбиваются из образа среднестатистического землянина и показывают свою неготовность к компромиссам или принципиальную ортодоксальную позицию», – заявил президент «Ромира» А. Милехин, комментируя полученные результаты исследования⁹.

Заключение

Современная западная политика гендерной нейтральности не находит поддержки абсолютного большинства россиян, как экспертов, так и рядовых граждан. Практически все новые западные гендерные

⁷ Гендерные роли детей 2020 // Ромир Global NR [Электронный ресурс]. URL: <https://romir.ru/studies/romirglobalnr-gendernye-rol-i-detey> (дата обращения 15 февраля 2022).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

нормы россиянами активно отвергаются. Большинство россиян занимают в этом вопросе позицию активного неприятия, настаивая на более активной пропаганде своих национально-культурных гендерных норм и ценностей. Отсюда можно заключить, что в ближайшее время формирование нового гендерного порядка будет происходить в России в рамках традиционной бинарной модели гендеров.

Проведенный экспертный опрос показал, что гендерная проблематика пока не стала предметом широкого и открытого дискурса в России, свидетельством чего является достаточно большая доля экспертов, не знакомых с новыми западными гендерными нормами, затруднившихся с ответами на вопросы, касающиеся дискриминации мужчин, детей, содержания гендерной политики государства, необходимости гендерного бюджетирования и т. д.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках научного проекта «Вызовы и риски формирования нового гендерного порядка и социальный механизм управления им в России», № 20-011-00519 при финансовой поддержке РФФИ.

Acknowledgements

The work was carried out within the project “Challenges and Risks of New Gender Order Formation and Social Mechanism of its Running in Russia” № 20-011-00519.

Литература

- Брушкова 2021 – *Брушкова Л.А.* Гендерная структура занятости как индикатор формирования нового гендерного порядка // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. № 4. С. 139–142.
- Милованова 2021 – *Милованова М.Ю.* Социальные ресурсы предпринимательства: гендерные аспекты // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сб. докл. VI Всероссийского социологического конгресса, Тюмень: Российское общество социологов, 2020. С. 2092–2099.
- Силласте 2019а – *Силласте Г.Г.* Социальные трансции и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 9–12.
- Силласте 2019б – *Силласте Г.Г.* Страновой гендерный ландшафт как фактор формирования нового гендерного порядка, его социальные риски // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С 4–13.

References

- Brushkova, L.A. (2021), "Gender structure of employment as the indicator of new gender order formation", *Humanitarian Sciences. Herald of the Financial University*, no. 4, pp. 139–142.
- Milovanova, M.Yu. (2020) "Social recourses of entrepreneurship; gender aspects", *Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsial'nom razvitii regionov* [Sociology and Society. Traditions and innovations in social development of regions], Collection of papers of the VI All-Russia sociological congress, Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov, Tyumen, Russia, pp. 2092–2099.
- Sillaste, G.G. (2019a), "Social transitions and formation of the new gender order", *Woman in Russian Society*, no. 2, pp. 9–12.
- Sillaste, G.G. (2019b), "Country Gender Landscape as the factor of formation of the new gender order, its social risks", *Woman in Russian Society*, no. 3, pp. 4–13.

Информация об авторе

Людмила А. Брушкова, кандидат социологических наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, д. 49; lbrushkova@yandex.ru

Information about the author

Lyudmila A. Brushkova, Cand. of Sci. (Sociology), Financial University under the Government of the Russian Federation; bld. 49, Leningradsky Avenue, Moscow, Russia 125993; lbrushkova@yandex.ru

Женщины в Британском политическом процессе в Новейшее время: ролевой анализ

Наталья С. Григорьева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, grigorieva@spa.msu.ru*

Анастасия А. Жохова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, zhokhovaaa@ty.msu.ru*

Аннотация. Практика и теория политического процесса показывают, что прослеживаются определенные различия в поведении женщин и мужчин, что вкупе с гендерными стереотипами обуславливает разницу в образах и имидже политических лидеров разного пола. Изучение особенностей женского лидерства в формировании политических элит осложняется рядом теоретических проблем, связанных с воздействием на него гендерных стереотипов, включая ролевое поведение. Однако влияние данных стереотипов на восприятие женского лидерства не означает, что женское политическое представительство «автоматически» ведет к гуманизации политического процесса и способствует мягкости в работе политических институтов. Количественный и качественный анализ политических курсов видных женщин-лидеров Великобритании показывает, что их реальные политические действия имеют на практике мало общего с теми гендерными стереотипами, которые им приписывали, что не мешало получить широкое признание в качестве решительных лидеров на своих постах. Более чем 100-летний опыт присутствия женщин в британской «большой политике» позволяет выделить общее и особенное в их деятельности. Используя алгоритм SWOT-анализа успешного роста и самореализации личности знаковых женщин-политиков Великобритании, авторы прослеживают сильные и слабые стороны, возможности и угрозы для женского лидерства в политическом процессе Великобритании в XX – начале XXI в.

Ключевые слова: политический процесс, политический имидж, гендерные стереотипы, британское женское лидерство

Для цитирования: Григорьева Н.С., Жохова А.А. Женщины в Британском политическом процессе в Новейшее время: ролевой анализ // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 393–403. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-393-403

© Григорьева Н.С., Жохова А.А., 2022

Women in the British political process in contemporary times. A role analysis

Nataliya S. Grigor'eva

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
grigorieva@spa.msu.ru*

Anastasiya A. Zhokhova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
zhokhovaaa@my.msu.ru*

Abstract. The practice and theory of the political process show that the specific of the behavior of men and women in politics is different. Coupled with gender stereotypes, that causes a difference in the portrayals and images of political leaders of different genders. The study of the peculiarities of women's leadership in the formation of political elites is complicated by several theoretical issues related to the influence of gender stereotypes on it, including the role behavior. However, the influence of such stereotypes on the perception of female leadership does not mean that female political representation "automatically" leads to the humanization of the political process and contributes to the softness in the work of political institutions. The quantitative and qualitative analysis of the political courses of prominent women leaders in Great Britain of the 20th–21st centuries shows that the real political courses of women leaders have little in common with the gender stereotypes that were attributed to them, what did not prevent them from being widely recognized as decisive leaders in their positions. More than 100 years of experience of women's presence in the British politics allows us to highlight the common and special in their activities. Using the algorithm of SWOT-analysis of the successful growth and self-realization of the personality of iconic female politicians of Great Britain, the authors trace the strengths and weaknesses, opportunities and threats for female leadership in the political process of Great Britain in the 20th–21st centuries.

Keywords: political process, political profile, gender stereotyping, British female leadership

For citation: Grigor'eva, N.S. and Zhokhova, A.A. (2022), "Women in the British political process in contemporary times. A role analysis", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, part 3, pp. 393–403, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-393-403

Исследователи конца XX в. подчеркивают различия в поведении полов, выделяя черты «мужского» и «женского» поведения, которые приняли форму «типичных» стереотипов о мужском

и женском лидерстве в политике¹. Мужскому политическому имиджу принято приписывать рациональные и более решительные действия, настойчивость. К женскому политическому имиджу относят более эмоциональные и непостоянные действия, уступки, ориентацию на экспрессивную политику². На этом основании делается вывод, что женское представительство ведет к пацифизму, мягкости в работе, закрепляя определенный стереотип действий, что отражено во многих серьезных исследованиях³. Однако количественный и качественный анализ политических курсов видных женщин-лидеров Великобритании XX–XXI вв. опровергает подобные гендерные стереотипы. Женщины не меньше мужчин заинтересованы в реализации лидерского потенциала и укреплении своего положения с целью достижения высоких политических позиций, а также готовы к самым решительным действиям на политической арене. Вовлеченность женщин в политический процесс не только как объектов, но и субъектов политики можно проследить начиная с 1918 г., когда доля женщин в Парламенте Великобритании составляла 0,1%. И хотя с 1919 г. в уставе консервативной партии провозглашалась необходимость женского истеблишмента не менее одной трети членов в представительных органах, на практике традиции, идеология, патриархальная культура, а также социальные предпочтения препятствовали женщинам входить в парламент в зафиксированном соотношении⁴. До 1980-х гг. число женщин в британском парламенте не превышало 5%. Переломный момент случился в середине 1980-х гг., когда численность женщин в парламенте начала расти, а в 2019 г. женщины достигли рекордной доли занимаемых в британском парламенте мест – свыше 33% (табл. 1). Количественные показатели не отражают особенностей женского лидерства в политическом процессе Великобритании, однако дают представление об особенностях политической системы.

¹ Women, gender, and world politics: perspectives, policies, and prospects / Ed. by Peter R. Beckman, Francine D'Amico. Library of Congress Catalog Card Number: 94–158557. 1994. P. 4–5.

² Ibid.

³ Political Monitor – Satisfaction Ratings 1977–1987 // Ipsos MORI. 1988. URL: <https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/political-monitor-satisfaction-ratings-1977-1987> (дата обращения 14 февраля 2022).

⁴ Решение о женских квотах при выдвижении на выборные должности лейбористской партией было принято только в 1993 г. с целью привлечения электората (Sex Equality Policy in Western Europe / Ed. by Frances Gardiner. London: Routledge. 1997. P. 50).

Таблица 1

Представительство женщин
в Парламенте Великобритании (1918–2019),
кол-во женщин, %

Год	Консерваторы	Лейбористы	Другие (кроме Либер- демократов)	Всего
1918–1929	0,0–1,2	0,0–3,1	0,0–11,1	0,1–2,3
1931–1951	0,5–2,8	0,0–5,3	0,0–3,3	1,5–3,8
1955–1966	2,8–3,6	5,0–5,7	0,0	3,8–4,6
1970–1983	2,4–4,5	3,5–5,6	0,0–16,7	3,0–4,3
1987–1997	4,5–7,9	9,2–24,2	4,2–10,0	6,3–18,2
2001–2010	8,4–16,0	23,0–31,4	9,7–20,7	17,9–22,0
2015–2019	20,6–23,8	42,7–51,5	30,0–31,0	29,4–33,8

Источник: составлено авторами на основе: UK Election Statistics: 1918–2019 – A century of elections. Parliament. UK. P. 26⁵; General Election 2015: women MPs and candidates. Parliament. UK. 9 May 2015⁶; Election 2017: Record number of female MPs. BBC News. 10 June 2017⁷; UK elects record number of female MPs. The Guardian. 13 December 2019⁸.

В статье проанализированы разные женщины, занимающие ведущие политические позиции, но их объединяет то, что практически ко всем по праву применимо слово «первая»: Н. Астор (первая женщина в Палате общин)⁹; Д. Ли, А. Уорд, Г. Данвуди (имеют

⁵UK Election Statistics... URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-7529/> (дата обращения 14 февраля 2022).

⁶General Election 2015... URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/general-election-2015-women-mps-and-candidates/> (дата обращения 14 февраля 2022).

⁷Election 2017... URL: <https://www.bbc.com/news/election-2017-40192060> (дата обращения 14 февраля 2022).

⁸UK elects record number... URL: <https://www.theguardian.com/politics/2019/dec/13/uk-elects-record-number-of-female-mps> (дата обращения 14 февраля 2022).

⁹На выборах 1918 г. единственной избранной женщиной в парламент стала ирландская республиканка Констанция Маркевич, которая отказалась занять это место.

рекордное время пребывания в британском парламенте – от 33 до 39 лет), Д. Ли также стала самой молодой женщиной-депутатом в Палате общин¹⁰; Б. Касл и М. Бекетт (первые женщины-министры заморского развития и транспорта, по вопросам зарубежного развития, а также иностранных дел); М. Тэтчер и Т. Мэй (первая и вторая женщины-премьер-министры); Д. Эбботт (первая представительница расовых меньшинств в парламенте и рекордсменка по числу лет на посту депутата среди темнокожих); Г. Гарман (первая женщина на посту генерального солиситора); Б. Бутройд (первая женщина-спикер Палаты общин).

Характерной особенностью для женщин-лидеров в указанный период является тот факт, что все имели однотипные исходные данные; они – либо уроженки состоятельных семей, либо получили высшее образование в одном из престижных университетов, либо сочетали в себе и то и другое.

У большинства женщин-политических лидеров были супруги, которые играли важную, если не определяющую, роль в их политической карьере. Н. Астор и Д. Ли заняли места своих мужей в Палате общин после того, как те были удостоены права перейти в Палату лордов [Lowe 2020, p. 27]¹¹. Для многих женщин мужа стали весомой поддержкой и опорой во время их политической деятельности, как, например, для М. Тэтчер. Однако Н. Астор пришлось прервать 25-летний путь в большой политике, когда после ареста сына муж отказал ей в поддержке на очередных выборах. В прессе нередко встречались заявления о том, что брак Д. Ли тормозил ее продвижение по карьерной лестнице [Hollis 1998]. Но Д. Эбботт семья и рождение ребенка не помешали политической карьере: она даже не воспользовалась отпуском по беременности¹².

Внимание к женщинам на высоких постах было и остается более пристальным, чем к мужчинам. Женщины-лидеры чаще подвергались, подкреплявшейся гендерными стереотипами, критике со стороны своих политических оппонентов, общественности,

¹⁰ The new biographical dictionary of Scottish women. Ewan, Elizabeth. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2018. P. 241.

¹¹ После Н. Астор правом занять «место мужа» в парламенте воспользовались еще 10 женщин (это составляло 1/3 всех женщин, избранных в парламент между двумя мировыми войнами), что было впоследствии названо «эффектом ореола» [Lowe 2020, p. 27].

¹² Diane Abbott: Labour parliamentary candidate for Hackney North // Hackney Citizen. 25 April 2010. URL: <http://www.hackneycitizen.co.uk/2010/04/25/diane-abbott-labour-parliamentary-candidate-for-hackney-north/> (дата обращения 14 февраля 2022).

коллег – от осуждения за чрезмерную напористость и несоблюдение должных правил [Sykes 1984, p. 238, 329–330; Masters 1981, p. 100, 140], «непокорную» репутацию в парламенте [Perera 2010] до укоров за бескомпромиссную политику и принятие решений без советов коллег [Campbell 2000, p. 222; Lecher 2013]. Несмотря на это, они добивались политического признания.

Особенностью женского политического лидерства в Великобритании можно считать внимание к международной политике. Но на своих политических постах их интересовали и «мирные темы» – в приоритете были охрана здоровья, социальная политика. Н. Астор боролась за увеличение числа детских садов в стране, была приверженкой социальной справедливости [Sykes 1984, p. 329–330; Masters 1981, p. 140]; А. Уорд считала важным улучшение жизни пожилых людей и изменение условий (оплаты) труда для младшего и среднего медицинского персонала [Brown 2004]; Д. Эбботт отвечала за вопросы, связанные со здоровьем детей, услугами по охране материнства, уходом за больными [Wellman 2010]; Т. Мэй была госсекретарем по делам семьи и занималась правами инвалидов. В фокусе их интересов были и вопросы науки, образования, искусства: Д. Ли содействовала основанию Открытого университета¹³; М. Тэтчер занимала пост госсекретаря по вопросам образования и науки, а М. Бекет была министром образования и науки.

Немногие из персоналий демонстрировали внимание непосредственно к женской повестке или политике гендерного равенства. Н. Астор заявляла о необходимости расширять научное сообщество за счет образованных женщин¹⁴; Б. Касл способствовала принятию в 1970 г. Закона о равной оплате труда; Г. Гарман была министром по делам женщин и равноправия и одной из немногих политических лидеров Великобритании, открыто содействующих продвижению гендерного равенства. В ее политической карьере значатся Законопроект о равенстве, поправки к Законопроекту о домашнем насилии [Lowbridge 2020], а также фундаментальное исследование «прогрессивной женской политики» [Hargman 2017].

Женщины-политики проявили себя в качестве лидеров и в вопросах военного характера или борьбы с терроризмом. Ключевой фигурой в данной сфере стала М. Тэтчер в период войны с Арген-

¹³ *Kenneth O'Morgan*. Politics: Jennie and the awkward squad // *The Independent*, 8 November 1997. URL: <https://www.independent.co.uk/life-style/politics-jennie-and-the-awkward-squad-1292834.html> (дата обращения 14 февраля 2022).

¹⁴ *The Woman Engineer*. Vol. 11. № 1. December, 1924. URL: https://twej.theiet.org/twej/WES_Vol_2a.html (дата обращения 14 февраля 2022).

тиной за Фолклендские острова, когда она показала себя как военный лидер¹⁵.

На основе вышеприведенных данных был проведен SWOT-анализ, отражающий сильные и слабые стороны, а также возможности и угрозы для женского лидерства в политическом процессе Великобритании в XX–XXI вв. (табл. 2).

Таблица 2

SWOT-анализ характерных особенностей женского лидерства в политическом процессе Великобритании в XX–XXI вв.

Внутренняя среда	<i>Strengths</i>	<i>Weakness</i>
	Успешное проведение внешней политики Успешное проведение политики военного характера Успешная работа по разным направлениям социальной политики	Поведение, не соответствующее стереотипам Следование мужскому типу поведения в политике Политическая уязвимость из-за бескомпромиссной политики, слабо ориентированной на лояльность коллег и системы в целом
Внешняя среда	<i>Opportunities</i>	<i>Threats</i>
	Состоятельные семьи / успешный брак Получение высшего образования в престижных университетах Международное признание	Необоснованная критика деятельности Гендерные стереотипы о женщинах во власти

Источник: составлено авторами

Таким образом, рассмотрев политические карьеры, имидж в общественных кругах и СМИ, факты частной жизни, интересы и сферы деятельности наиболее известных женщин-политических лидеров, можно выделить ряд особенностей, характерных для женского лидерства в политическом процессе Великобритании

¹⁵ Впоследствии М. Тэтчер использовала военную победу в своих политических интересах при переизбрании на пост премьер-министра. Political Monitor. Satisfaction Ratings 1977–1987 // Ipsos MORI. 1988. URL: <https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/political-monitor-satisfaction-ratings-1977-1987> (дата обращения 14 февраля 2022).

в XX – начале XXI в. К ним стоит отнести высокую образованность и состоятельность женщин, занимающих ведущие политические позиции. Большинство женщин-политических лидеров имели супругов, чья поддержка для них была крайне важна, детей, что разрушает стереотип о том, что деловая, занятая в политике женщина не имеет времени на семью. Их интересы были весьма обширны – от международной политики до отдельных направлений социальной политики. При необходимости они успешно справлялись и с вопросами военного характера. Политика гендерного равенства редко интересовала женщин на политических постах Великобритании. Надо признать, что у большей части персон сложился весьма строгий имидж в СМИ и в общественных кругах. Женщины редко проявляли «особую» лояльность, напротив, действовали твердо и наперекор окружающим, редко советовались с коллегами, беря ответственность на себя. Большинство женщин, находящихся на вершине власти в Великобритании в XX–XXI вв., получили широкое признание именно в качестве решительных политиков.

Анализ политических биографий женщин-лидеров позволил проследить характерную политическую активность, которая проявлялась по-разному: одни уже в молодом возрасте имели опыт проведения кампаний в университете; другим помогли добиться высокого положения в политике их супруги; для некоторых политическая должность государственного лидера стала профессиональной карьерной целью [Темкина 1996]. Примеров каких-либо особых или специфических путей вхождения британских женщин в политику не выявлено. Хотя существует ряд предположений о том, что просто профессионализма в политической карьере недостаточно, и чтобы попасть в высшие эшелоны власти, женщины чаще, чем мужчины, сохраняют лояльность к партии в противовес собственному мнению [Чирикова, Лапина 2009]. На приведенных примерах можно увидеть, что путь, поведение и имидж женщин-политиков Великобритании различаются. Но несмотря на это, участие женщин в политическом процессе Великобритании на протяжении XX и в начале XXI в. изменило представление о женском политическом лидерстве или, по крайней мере, помогло приобрести этому феномену новые черты.

Литература

- Темкина 1996 – Темкина А.А. Женский путь в политику: гендерная перспектива // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период (Сб. науч. ст.) / Центр независимых социальных исследований. СПб., 1996. С. 19–32.

- Чирикова, Лапина 2009 – *Чирикова А.Е., Лапина Н.Ю.* Женщина на высших этапах власти. Российские практики и французский опыт // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН. 2009. № 3. С. 4–72.
- Brown 2004 – *Brown K.* Bentley, Charlotte Eliza (1915–1996), nurse and nursing activist // Oxford Dictionary of National Biography (online ed.). Oxford University Press, 2004. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-62073;jsessionid=DAF6B5C2D60EB9565B09C43F2FF885FE> (дата обращения 14 февраля 2022).
- Campbell 2000 – *Campbell J.* Margaret Thatcher: The Grocer's Daughter. 1. Pimlico, 2000. 528 p.
- Harman 2017 – *Harman H.* A Woman's Work. Penguin Books. 2017. 404 p.
- Hollis 1998 – *Hollis P.* Jennie Lee: a life. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 29–381.
- Lecher 2013 – *Lecher C.* How Thatcher the Chemist Helped Make Thatcher the Politician // Popular Science. 8 April 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.popsci.com/science/article/2013-04/margaret-thatcher-politician-and-chemist-has-died/> (дата обращения 14 февраля 2022).
- Lowbridge 2020 – *Lowbridge C.* Why campaigners want 'rough sex' murder defence ban // BBC News. 2020. 22 January [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-england-51151182> (дата обращения 14 февраля 2022).
- Lowe 2020 – *Lowe E.* 'To Keep It in the Family': Spouses, Seat Inheritance and Parliamentary Elections in Post-Suffrage Britain 1918–1945 // Open Library of Humanities. 2020. № 6 (2). P. 1–33.
- Masters 1981 – *Masters A.* Nancy Astor: A Biography. New York City: McGraw-Hill Education, 1981. 237 p.
- Perera 2010 – *Perera K.* The Labour Party or nothing: Jennie Lee // History of labour women. Labour List. 22 November 2010.
- Sykes 1984 – *Sykes C.* Nancy: The Life of Lady Astor. Chicago: Academy Chicago Publishers, 1984. 637 p.
- Wellman 2010 – *Wellman A.* Diane Abbott appointed Shadow Junior Minister for Public Health // Hackney Gazette. 11 October 2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hackneygazette.co.uk/news/diane-abbott-appointed-shadow-junior-minister-for-public-health-3413026> (дата обращения 14 февраля 2022).

References

- Brown, K. (2004), "Bentley, Charlotte Eliza (1915–1996), nurse and nursing activist", *Oxford Dictionary of National Biography* (online ed.), Oxford University Press, available at: <https://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-62073;jsessionid=DAF6B5C2D60EB9565B09C43F2FF885FE> (Accessed 14 February 2022).

- Campbell, J. (2000), *Margaret Thatcher: The Grocer's Daughter*, vol. 1, Pimlico.
- Chirikova, A.E. and Lapina, N.Yu. (2009), "A woman in the highest levels of power. Russian practices and French experience", *Informatsionno-analiticheskii byulleten' Instituta sotsiologii RAN*, no. 3, pp. 4–72.
- Harman, H. (2017), *A Woman's Work*, Penguin Books, London, UK.
- Hollis, P. (1998), *Jennie Lee: a life*, Oxford University Press, Oxford, pp. 29–381.
- Lecher, C. (2013), "How Thatcher The Chemist Helped Make Thatcher The Politician", *Popular Science*, 8 April 2013, available at: <https://www.popsoci.com/science/article/2013-04/margaret-thatcher-politician-and-chemist-has-died/> (Accessed 14 February 2022).
- Lowbridge, C. (2020), "Why campaigners want 'rough sex' murder defence ban", *BBC News*, 22 January 2020, available at: <https://www.bbc.com/news/uk-england-51151182> (Accessed 14 February 2022).
- Lowe, E. (2020), "‘To Keep It in the Family’: Spouses, Seat Inheritance and Parliamentary Elections in Post-Suffrage Britain 1918–1945", *Open Library of Humanities*, no. 6 (2), pp. 1–33.
- Masters, A. (1981), *Nancy Astor: A Biography*, McGraw-Hill Education, New York City, 237 p.
- Perera, K. (2010), "The Labour Party or nothing: Jennie Lee", *History of labour women*, Labour List, 22 November 2010.
- Sykes, C. (1984), *Nancy: The Life of Lady Astor*, Academy Chicago Publishers, Chicago, USA.
- Temkina, A.A. (1996), "Women's Path to Politics. A Gender Perspective", *Gendernoe izmerenie sotsial'noi i politicheskoi aktivnosti v perekhodnyi period* [Gender dimension of social and political activity in the transition period], (collection of scientific articles), Saint Petersburg, Russia, pp. 19–32.
- Wellman, A. (2010), "Diane Abbott appointed Shadow Junior Minister for Public Health", *Hackney Gazette*, 11 October 2010, available at: <https://www.hackneygazette.co.uk/news/diane-abbott-appointed-shadow-junior-minister-for-public-health-3413026> (Accessed 14 February 2022).
- White, M. and Perkins, A. (2002), "‘Nasty party’ warning to Tories", *The Guardian*, 8 October 2002, available at: <https://www.theguardian.com/politics/2002/oct/08/uk.conservatives2002> (Accessed 14 February 2022).

Информация об авторах

Наталья С. Григорьева, доктор политических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119192, Ломоносовский пр., д. 27, корпус 4; grigorieva@spa.msu.ru

Анастасия А. Жохова, магистрант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119192, Ломоносовский пр., д. 27, корпус 4; zhokhovaaa@my.msu.ru

Information about authors

Nataliya S. Grigor'eva, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 4, bld. 27, Lomonosovsky Avenue, Moscow, Russia, 119192; grigorieva@spa.msu.ru

Anastasiya A. Zhokhova, master student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 4, bld. 27, Lomonosovsky Avenue, Moscow, Russia, 119192; zhokhovaaa@my.msu.ru

УДК 396.9

DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-404-411

Гендерное равенство
в контексте устойчивого развития:
половозрастной аспект

Юлия В. Манкевич

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, jul-2882@mail.ru*

Аннотация. В 2015 г. был принят документ «Преобразуя наш мир: повестка дня в области устойчивого развития на 2030 год». В основе лежит понятие гендерного равенства, что является не только одним из основных прав человека, но и необходимой основой для достижения мира, процветания и устойчивого развития. Речь идет о необходимости корректировки реализуемых решений через учет различий между женщиной и мужчиной, а также признанием различия между поколением миллениалов Y и представителями поколения Z. Такой подход позволит исключить отрицательные последствия и минимизировать риски. Кроме того, акцентируется возможность более эффективного использования природных ресурсов.

Ключевые слова: устойчивое развитие, гендер, цели устойчивого развития, экологическая повестка, половозрастной аспект

Для цитирования: Манкевич Ю.В. Гендерное равенство в контексте устойчивого развития: половозрастной аспект // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 404–411. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-404-411

Gender equality
in the context of sustainable development.
The gender and age aspect

Yuliya V. Mankevich

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
jul-2882@mail.ru*

Abstract. In the year 2015 the document “Transforming the World: An Agenda for Sustainable Development 2030” was adopted. At its core there is the notion of gender equality, which is not only a fundamental human right but also a necessary foundation for peace, prosperity and sustainable development.

© Манкевич Ю.В., 2022

It is about the need to adjust realized solutions by taking into account the differences between women and men, and recognizing the difference between Millennial Generation Y and Generation Z. Such an approach would eliminate adverse effects and minimize risks. In addition, the possibility of a more efficient use of natural resources is emphasized.

Keywords: sustainable development, gender, environmental agenda, sustainable development goals, environmental agenda, age and gender aspect

For citation: Mankevich, Yu.V. (2022), "Gender equality in the context of sustainable development. The gender and age aspect", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, part 3, pp. 404–411, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-404-411

Введение

Определение понятия «гендер» говорит о том, что это социальные характеристики и возможности, связанные с полом человека, взаимоотношениями между мужчинами и женщинами, а также внутри каждой из этих групп. Данные характеристики, возможности и взаимоотношения складываются в результате общественных взаимодействий, которые постигаются индивидуумом в процессе социализации и зависят от эпохи и рассматриваемого контекста. Стоит особо отметить, что они, безусловно, подвержены изменениям. Таким образом, понятие «гендер» определяет ожидаемое, разрешенное и одобряемое поведение в каждом конкретном контексте.

Гендерные проблемы в контексте устойчивого развития

Существует определенная взаимосвязь между гендерным равенством и окружающей средой. Взаимосвязь между гендерным равенством и окружающей средой зачастую рассматривается с той позиции, что мужчины и женщины имеют разные потребности, интересы, знания и опыт в использовании природных ресурсов. Зачастую эта разница ведет к социальной, экономической и политической несправедливости, когда права и доступ к природным ресурсам обусловлены социальными предрассудками и гендерными стереотипами.

Если говорить о мужчинах и женщинах, то между ними существуют различия и некоторая степень неравенства в обязанностях,

роде занятий, доступе к ресурсам и контроле над ними, степени вовлеченности в процесс принятия решений. Мы знаем, что Конституция РФ гарантирует равные права и свободы мужчин и женщин, определяя равные возможности для их реализации¹. Так ли это на практике?

Обращаясь к статистическому распределению информации, полученной из Росстата РФ, прослеживается динамика степени участия женщин в период 2014–2019 гг. по трем важным показателям: женщина в национальных парламентах, женщина на руководящих должностях и женщина с детьми дошкольного возраста, прошедшая переобучение/повышение квалификации. За указанный период времени по всем трем показателям наблюдался устойчивый рост, который по первому и третьему показателям находился на уровне 4,1–4,6%. Такое положение находится в тренде социальной политики государства, направленной на расширенное вовлечение женщин в сектор государственного управления, поддержку материнства и детства. Что касается второго показателя, то здесь общий тренд задает сильный патриархальный вектор развития страны на протяжении долгого времени, в связи с чем показатель в 1,5% не кажется низким, необходимо отметить именно устойчивый восходящий тренд, который был положен в 2015 г. и с тех пор только набирает свои обороты².

Таким образом, четко прослеживается тенденция устойчивого роста роли женщин в экономике страны, а значит – в создании устойчивости. Ни для кого не секрет, что женщина принимает активное участие в социальных процессах на работе и дома. Среди тенденций последних лет можно выделить рост неучтенного труда женщин. По мере роста женской роли в происходящих общественных процессах, что оценивается как положительный момент, одновременно наблюдается повышение ответственности и загруженности женщины. Перенос акцентов несет в себе много угроз, создавая риски напряженности отношений в домашней сфере. Неучтенный домашний труд создает женщине дополнительную нагрузку, порой без возможности ее делегирования. Так, время неоплачиваемого домашнего труда женщины в 2019 г. составило

¹ Конституция РФ от 12.12.1993 с изм. от 01.07.2020 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/a4d26fe6022253f9f9e396e9ca6f63c80946702f/ (дата обращения 15 марта 2022).

² Цели устойчивого развития в РФ. 2020: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2020. 79 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения 15 марта 2022).

13,6%, и мы можем предположить рост в период пандемии, то же касается еще одного показателя – занятости женщин с детьми дошкольного возраста, которая составила 67% в 2019 г. и является угрожающим показателем для здоровья женщины и устойчивости семьи.

В межпоколенческом разрезе проанализируем мнения поколений миллениалов Y (1981–1994 г. рождения) и поколений Z (1995–2002 г. рождения). Согласно опросу миллениалов Y и представителей поколения Z, у обоих представителей поколений очерчивается тревога за экологию и проблемы изменения климата.

При этом в международном сравнении молодые люди в России испытывают чуть меньше стресса, чем их сверстники из других стран. Так, среди миллениалов о постоянном стрессе заявляют 33% (44% – общемировой уровень), среди поколения Z – 40% (48% по миру). Гендерный разрез выглядит следующим образом: в России он имеет женское лицо на 49% (мужчины 31%), чем подтверждает общемировую тенденцию (39% против 26% у мужчин)³.

Данные исследования подтверждают, что женщина, обладая повышенным чувством социальной ответственности, подходит к рассмотрению вопросов экологии в многоаспектном формате. Решая поставленные задачи в вопросах использования энергии, утилизации или минимизации отходов и т. д., она одновременно видит огромный спектр социальных проблем.

Проводя исследование в 2021 г., автор в составе исследовательской группы МГУ им. Ломоносова обнаружила ряд проблем, которые носят скрытый характер социальных проблем. Так, исследуя дистанционную занятость, кроме многоаспектного исследования самого процесса перехода на вынужденный дистант, был выявлен ряд конфликтных зон, которые вышли за рамки изучаемого объекта. Причем стоит отметить интересный момент, который касается уровня терпимости населения страны. Конфликты игнорировались и замалчивались у 15,6%, а 17,8% опрошенных отказались вообще отвечать на данный вопрос (речь шла о трудовом конфликте) [Судас 2021].

В результате данного исследования было определено: стирание границ личного и рабочего времени (53%), увеличение риска сохранения здоровья и поддержания физической формы (35%), сужение формата профессионального взаимодействия, повсеместно наблюдались стресс, усталость и эмоциональное выгорание. Стоит

³ Исследование: миллениалы готовы уйти с работы, если босс не разделяет их ценности // PwC Australia [Электронный ресурс]. URL: <https://incrussia.ru/news/employee> (дата обращения 15 марта 2022).

отметить, что такие тенденции отвечают общемировым и несут в себе огромные риски возникновения конфликтов в России.

Здесь уместно привести данные канадских исследователей, которые также пришли к выводу, что пандемия коронавируса грозит благополучию семей и детей, в первую очередь из-за трудностей, связанных с социальными проблемами, такими как финансовая нестабильность, груз заботы о домочадцах, стресс из-за ограничения свободы, и только потом проблемы экономического и другого характера, явно просматривающиеся сквозь завесу пандемии. Интересный факт, что эффективность приспособления детей к изменениям из-за COVID-19 как младшего из поколений зависит от качества семейных отношений и отношений в семье [Prime, Wade 2020].

Стоит обратить особое внимание на сравнение ответов на вопрос о том, счастливее ли мы в сравнении с поколением родителей. Так, более счастливы в России оказались представители поколения Z – 29%, против 22% – миллениалов, а менее счастливыми себя чувствуют миллениалы – на 48%, против 40% у поколения Z.

Общий уровень оптимизма выше у наших сверстников и в вопросах решения проблем экологии. 43% россиян поколения Z считают, что усилия по спасению планеты увенчаются успехом. Из них более оптимистичны женщины поколения Z – 33%, против 31% представителей миллениалов. При пессимистической постановке вопроса: «мы прошли точку невозврата и сейчас уже поздно возмещать ущерб» согласились 33% россиян, тогда как мировой уровень значительно выше и находится на отметке 49–51% у всех рассматриваемых групп. В результат спасения планеты верит 34–43% россиян и не верят 28–36%⁴.

Если выделять *приоритеты озабоченности* в экологическом ключе, то респонденты указывали на такие пункты, как: здоровье, доход, коррупцию, изменение климата, безработицу, безопасность. Первые три пункта относятся именно к россиянам, остальные три – к мировому сообществу поколения Y. У поколения Z Топ-3 выглядит другим образом: коррупция, безработица и личная безопасность, в то время как в мировом масштабе Топ-проблем сводится к изменению климата, безработице и сексуальным домогательствам⁵.

⁴ Исследование ценностей миллениалов // Делойт [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/about-deloitte/articles/millennial-survey-2020.html> (дата обращения 15 марта 2022).

⁵ Устойчивое развитие: окружающая среда и гендерное равенство // Инициатива ПРООН-ЮНЕП «Бедность и окружающая среда» [Электронный ресурс]. URL: [//unpei.org](http://unpei.org) (дата обращения 15 марта 2022).

Проведенное нами исследование еще раз подтвердило ощущение изменений в обществе: на 65% респонденты ощущают изменения в некоторой степени, 15% говорили о существенных изменениях, 20% не ощутили изменений вообще.

На вопрос о конкретных изменениях ответы распределились следующим образом: ограничение мобильности, изменившийся психологический фон, усилилось беспокойство, неопределенность, тревожность, сократился досуг, изменился образ жизни. Данные проранжированы по степени важности для респондентов [Судас 2021].

Таким образом, более тесно рассматривая устойчивость в контексте Повестки, мы видим сильную связь ее с молодыми поколениями, которые ценят комфорт, хотят жить, не загрязняя окружающую среду, быть социально ответственными, толерантными к человеку и его потребностям.

В качестве подтверждения сказанному приведу результаты многих исследований, которые подтверждают факт того, что поколение Z по-другому относится к экологической повестке, в отличие от предыдущих поколений. Это хорошо прослеживается в их потребительском поведении. Они предпочитают приобретать продукцию предприятий, которая может быть переработана, использоваться повторно, несмотря на их более высокую цену. Данный поведенческий аспект должен заинтересовать производства, которые в своем стратегическом планировании на 10–15 лет могут учесть данный факт, для того, чтобы не оказаться «за бортом» ассортиментной политики рынка производимой продукции⁶.

Многие ученые сегодня сходятся во мнении о том, что пандемия COVID-19 подтолкнула многие социальные изменения, изменения в институтах социализации, которые можно назвать по своим объемам и значимости революционными, так как затрагивают глубинные изменения, чреватые социальными рисками и потенциальными конфликтами⁷. Многие говорят и о наметившейся цепной реакции изменения ценностей, повышения ценности здоровья и благополучия, формирования ценностно ориентированной корпоративной среды, общественной и личностной культуры, а также появления ощущения солидарности и ответственности перед

⁶ Устойчивое производство и устойчивое развитие предприятия // Хабр [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/company/ds/blog/543898/> (дата обращения 15 марта 2022).

⁷ Устойчивое развитие: концепция, принципы, цели // Устойчивый бизнес [Электронный ресурс]. URL: <https://csrjournal.com/ustojchivoerazvitie-konceptiya-principy-celi> (дата обращения 15 марта 2022).

окружающей средой [Плаксин и др. 2021]. Все это отразится на устойчивости в разрезе факторов ESG, в том числе в экологической среде, социальной ответственности и корпоративном управлении, где объединение усилий будет способствовать выработке новых подходов, взвешенных решений и перехода от часто звучащих прокламаций к реальным действиям.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о неготовности в 2020 г. российского общества вести полноценный экологический диалог, он не входит в приоритетный круг забот россиян. Не велась соответствующая работа с гражданами, в том числе в бизнес-сегменте. Значит, не было должного государственного управления экологической повесткой внутри страны.

2021 г. стал знаковым в развитии работы в данном направлении. На правительственном и международном уровнях наблюдалась активизация, что дало существенный толчок к развитию финансового механизма реализации устойчивости среди субъектов хозяйствования. Созданы зачатки механизмов оценки и отбора «экологичных» компаний для получения особых условий доступа к международным финансовым ресурсам и повышения репутации на мировом рынке. Следует особо оценить шаги и ту работу, которая велась ведущими банками РФ по созданию новой российской устойчивости, это был небывалый для России размах. Однако российская турбулентность не позволила проводить и далее работу в данном направлении.

Стоит отметить, что мы опять столкнемся с необходимостью выстраивать все заново, это только вопрос времени. Будет ли проводиться работа в данном ключе и дальше, зависит от многих факторов, в том числе от способности минимизировать существующие риски, а также – создания условий отсутствия внешних угроз.

Литература

- Плаксин и др. 2021 – Плаксин С.М., Жулина А.Б., Фаризовой С.А. Черный лебедь в белой маске: Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 336 с.
- Судас 2021 – Судас Л.Г., Оносов А.А., Бесланев А.Ж., Манкевич Ю.В., Пивоварова М.Б., Правосудова В.А., Рассадина Д.С., Швыряев П.С. Конфликтный потенциал дистанционного формата занятости // Государственное управ-

ление. Электронный вестник. 2021. Вып. 86 [Электронный ресурс]. URL: <http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/86> (дата обращения 15 марта 2022).
Prime, Wade 2020 – *Prime H., Wade M.* Risk and Resilience in Family Well-Being During the COVID-19 Pandemic // *American Psychologist*. 2020. № 75 (5). P. 631–643.

References

- Plaksin, S., Zhulin, A.B. and Farizova, S. (2021), *Chernyi lebed' v beloï maske. Analiticheskiy doklad NIU VShE k godovshchine pandemii COVID-19* [Black swan in white mask], Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia.
- Prime, H. and Wade M., Risk and Resilience in Family Well-Being During the COVID-19 Pandemic, *American Psychologist*, no. 75 (5), pp. 631–643.
- Sudas, L.G., Onosov, A.A., Beslaneev, A.Zh., Mankevich, Yu.V., Pivovarova, M.B., Pravosudova, V.A., Rassadina, D.S. and Shvyryaev, P.S. (2021), “Conflict Potential of Remote Employment”, *Public Administration*. E-journal, no. 86, pp. 284–306, available at: <http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/86> (Accessed 15 March 2022).

Информация об авторе

Юлия В. Манкевич, аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; jul-2882@mail.ru.

Information about the author

Yuliya V. Mankevich, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; jul-2882@mail.ru

Гендер и новые социальные практики: интеракция феминных и маскулинных категорий

УДК 305

DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-412-423

Особенности отношения к вспомогательным
репродуктивным технологиям в Москве:
анализ всероссийского социологического
исследования

Тамара К. Ростовская

*Институт демографических исследований,
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Москва, Россия,
rostovskaya.tamara@mail.ru*

Оксана В. Кучмаева

*Институт демографических исследований,
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Москва, Россия,
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
kuchmaeva@yandex.ru*

Наталья А. Безвербная

*Институт демографических исследований,
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Москва, Россия,
Москва, Россия, bezvad@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу специфики отношения к вспомогательным репродуктивным технологиям, оценке масштабов и потребности в использовании вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в Москве на основе данных авторского исследования «Демографическое самочувствие России», проведенного в конце 2019 – начале 2020 г. Москвичи выделяются на фоне россиян отношением к использованию методов абортно-контрацептивного поведения, вспомогательных репродуктивных технологий, оценкой состояния своего репродуктивного здоровья. Потребность в ВРТ в Москве ниже, чем во многих регионах страны. Это обусловлено оценкой состояния своего здоровья, которое может повлиять на потребность в использовании ВРТ, моделью репродуктивного поведения столичных жителей, отличающейся более низкими репродуктивными

© Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Безвербная Н.А., 2022

установками на фоне общероссийских показателей. Ведущую роль среди препятствий к использованию современных репродуктивных технологий в столице, в отличие от ситуации в регионах, играют психологические мотивы и сомнения в безопасности ВРТ. Москвички более благосклонно, чем москвичи, относятся к использованию современных репродуктивных технологий. Имеющиеся тенденции позволяют предположить, что в перспективе потребность в ВРТ может снижаться. Добровольная бездетность становится социально одобряемой стратегией. Данный тренд пока проявляется наиболее ярко в крупных мегаполисах, примером которого выступает Москва.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии, демографическая политика, тенденции рождаемости, репродуктивное здоровье, исследование репродуктивного здоровья

Для цитирования: Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Безвербная Н.А. Особенности отношения к вспомогательным репродуктивным технологиям в Москве: анализ всероссийского социологического исследования // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 412–423. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-412-423

Features of the attitude to assisted reproductive technologies in Moscow. Analysis of the All-Russian sociological research

Tamara K. Rostovskaya

*Institute of Demographic Research of the National Research Center
of the Russian Academy of Sciences (IDI FNSC RAS),
Moscow, Russia, rostovskaya.tamara@mail.ru*

Oksana V. Kuchmaeva

*Institute of Demographic Research of the National Research Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
kuchmaeva@yandex.ru*

Natal'ya A. Bezverbnaya

*Institute of Demographic Research of the National Research Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
bezzvad@mail.ru*

Abstract. The article deals with the analysis of the specifics of attitudes towards assisted reproductive technologies, assessment of the scale and need for the use of assisted reproductive technologies (ART) in Moscow based on the data of the author's study "Demographic well-being of Russia" conducted

in late 2019 – early 2020. The analysis shows that Muscovites stand out against the background of Russians by their attitude to the use of methods of abortion and contraceptive behavior, assisted reproductive technologies, assessment of their reproductive health. The need for ART in Moscow is lower than in many regions of the country. That is caused by the assessment of their state of health, which may affect the need for the use of ART and by a model of reproductive behavior of metropolitan residents, characterized by lower reproductive attitudes against the background of all-Russian indicators. The leading role among the obstacles to the use of modern reproductive technologies in the capital, in contrast to the situation in the regions, is played by psychological motives and doubts about the safety of ART. Muscovites – Women are more favorable than Muscovites – Men to the use of modern reproductive technologies. The existing trends suggest that in the future the need for ART may decrease. Voluntary childlessness becomes a socially approved strategy. Such a trend is still most pronounced in large megacities, an example of which is Moscow.

Keywords: assisted reproductive technologies, demographic policy, fertility trends, reproductive health, reproductive health research

For citation: Rostovskaya, T.K., Kuchmaeva, O.V. and Bezverbnaya, N.A. (2022), “Features of the attitude to assisted reproductive technologies in Moscow. Analysis of the All-Russian sociological research”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, part 3, pp. 412–423, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-412-423

Внимание различных акторов к проблеме использования вспомогательных репродуктивных технологий обусловлено как заинтересованностью людей, супружеских пар, имеющих проблемы с репродуктивным здоровьем в решении острых проблем в своей жизни, связанных с желанием иметь ребенка, так и желанием государства полностью реализовать репродуктивный потенциал общества в условиях депопуляции, что нашло отражение в реализации национального проекта «Демография».

Данные медицинской статистики дают возможность получить представление о ситуации в сфере использования вспомогательных репродуктивных технологий только на основе данных о людях, обращающихся за помощью в медицинские центры. Однако оценить отношение россиян к использованию репродуктивных технологий, выявить факторы, которые определяют потребность в ВРТ или служат препятствием к их использованию, возможно только на основе данных представительных социологических исследований.

Цель работы – выявить специфику отношения к использованию вспомогательных репродуктивных технологий в крупном

мегаполисе – г. Москве – на фоне общероссийских тенденций с учетом гендерной специфики.

Выводы основаны на данных авторского исследования Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России», проведенного путем анкетного опроса в конце 2019 – начале 2020 г. в десяти субъектах России. Общий объем выборочной совокупности составил 5308 человек¹, в г. Москве – 621 человек в возрасте 17–50 лет.

Потребность в использовании вспомогательных репродуктивных технологий в странах мира растет, что обусловлено как ростом их доступности и результативности, так и проблемами с репродуктивным здоровьем. Потребность в ВРТ приводит к возникновению «транс-границной репродуктивной помощи» (cross border reproductive care – CBR) и своеобразной репродуктивной миграции [Русанова 2020]. Расширение программ вспомогательных репродуктивных технологий в России, их включение в сферу демографической политики в определенной степени способствует повышению рождаемости [Русанова 2019].

Возможность использования современных репродуктивных технологий рассматривается значительной частью населения как способ решения проблемы бесплодия, даже без гарантии успеха [Greil et al. 2010]. Это не всегда оказывает позитивное влияние на социально-демографическую ситуацию. Полагая, что в случае проблем со здоровьем они всегда могут воспользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями, люди будут еще в большей степени откладывать рождение детей, однако в более зрелом возрасте вероятность рождения ребенка, даже с помощью ВРТ, снижается [Sorenson 2006; Grant et al. 2006].

Отношение россиян, особенно молодых, к использованию ВРТ весьма доброжелательное. В ходе опроса молодых людей в Курской области выяснилось, что 60% опрошенных одобряют их применение. При этом информированность в российском обществе о современных репродуктивных технологиях весьма высока. 91,5%, т. е. абсолютное большинство молодых людей, знают или что-либо слышали о репродуктивных технологиях [Асеева, Пашенко 2014].

¹Всероссийское социологическое исследование «Демографическое самочувствие России», проведенное в конце 2019 – начале 2020 г. в Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Уральском, Северо-Кавказском, Южном федеральных округах. N=5616 представители различных поколений в возрасте от 17 до 50 лет. Рук. – д-р социол. наук, профессор Т.К. Ростовская.

Исследования показывают, что необходимо дальнейшее обсуждение этических вопросов применения ВРТ среди различных групп населения [Хаят и др. 2019]. В частности, репродуктивное донорство открывает новые возможности для бесплодных пар, но одновременно и создает проблемы, связанные с секретностью, анонимностью и контролем генетического происхождения потомства [Русанова 2013].

Значительная часть исследований в сфере распространения репродуктивных технологий проводится в рамках медицинских и правовых исследований. Однако с точки зрения масштабов распространенности ВРТ, оценки потребности в их использовании и последствий распространения важны социолого-демографические исследования.

Специфику распространенности ВРТ в Москве целесообразно рассматривать с учетом тенденций абортно-контрацептивного поведения, поскольку зачастую именно его особенности приводят впоследствии к вторичному бесплодию, провоцируя потребность в ВРТ [Rostovskaya, Kuchmaeva 2021]. Смена модели репродуктивного поведения охватывает и изменение абортно-контрацептивного поведения, особенно стремительно происходившего на постсоветском пространстве в последние десятилетия. Важно отметить, что москвичи, состоящие в браке, чаще используют контрацепцию, стремясь отложить рождение ребенка, чем россияне в среднем. Так, уже до рождения первого ребенка используют контрацепцию 66,3% москвичей и 48,3% россиян. После рождения младшего ребенка доля лиц, использующих контрацепцию, возрастает до 80%.

Между ответами мужчин и женщин существуют статистически значимые различия, начиная с группы респондентов, характеризующих частоту использования контрацептивных средств после рождения первого ребенка. Женщины чаще мужчин отвечают утвердительно. По мере увеличения числа детей в семье различия между мужчинами и женщинами в подходе к использованию контрацепции сокращаются. Можно предположить, что в части семей мужчины не в курсе, что их жены стремятся предотвратить беременность. Возможно, это связано с различиями во взглядах о желаемом числе детей в семье.

Доля женщин, использующих аборт как средство регулирования рождаемости, значительно меньше тех, кто использует контрацепцию. Видимо, существуют различия в отношении к допустимости абортов среди женщин различных возрастных групп. Частота использования абортов значительно выше среди совокупности женщин, делавших их после рождения первого и второго ребенка. Причем до рождения первого ребенка москвички делают аборт

реже россиянок в целом. Видимо, молодые женщины в Москве в большей степени склонны использовать для регулирования числа рожденных детей контрацепцию.

После рождения младшего ребенка весьма незначительная часть женщин использует аборт как способ регулирования рождаемости – как в Москве, так и в России в целом. Вероятно, это связано как с возрастом женщин, так и со сложившейся стратегией в выборе контрацептивных средств.

Одной из проблем современной семьи, связанной с рождаемостью, выступает состояние репродуктивного здоровья супругов. 11,2% москвичей в ходе опроса дали ответ, что состояние их здоровья не позволяет им иметь детей. Речь идет не только о состоянии репродуктивной сферы человека, но и в целом о проблемах со здоровьем, которые приводят к отказу от рождения детей. Показатель для москвичей несколько меньше, чем для россиян в целом (16,1%), что, видимо, обусловлено большей доступностью медицинских услуг. Это касается и мужчин (12,7% по России в целом), и женщин (19,6%). Женщины, проживающие в Москве, чаще мужчин указывают на проблемы с репродуктивным здоровьем.

С возрастом масштаб проблем нарастает. Доля москвичек, имеющих проблемы со здоровьем, не позволяющие им завести ребенка, увеличивается с 0,7% в возрасте до 30 лет до 28,8% в возрастах 40–50 лет. У мужчин – соответственно с 5,5% до 16,1%. Обращает на себя внимание значительная доля затруднившихся с ответом, что свидетельствует как о не слишком большом внимании к своему здоровью, так и о том, что реализация репродуктивных планов у части москвичей заканчивается достаточно рано, в силу чего часть респондентов, видимо, не задумывается о том, насколько их здоровье влияет на репродуктивную функцию.

Респондентам также задавался вопрос о том, насколько здоровье их супруга (супруги) может повлиять на реализацию репродуктивных планов. 13,4% дали ответ, что здоровье супруга (супруги) не позволяет иметь детей. В совокупности с ответами о своем здоровье данные свидетельствуют о значительном снижении репродуктивного потенциала москвичей под влиянием фактора здоровья. Безусловно, стоит иметь в виду и субъективность оценок москвичей, связанную в том числе и с желанием дать социально одобряемый ответ на вопрос о будущей репродуктивной стратегии в условиях снижения рождаемости. Данная взаимосвязь требует дальнейшего изучения.

Масштабы ограничений в реализации репродуктивных намерений, накладываемых здоровьем, обуславливают интерес к использованию вспомогательных репродуктивных технологий.

На момент опроса в столице насчитывалось 2,6% респондентов, уже воспользовавшихся современными репродуктивными технологиями (2,7% в целом по России). В том числе 2,9% женщин и 2,5% мужчин.

10,1% москвичей, имеющих проблемы с репродуктивным здоровьем, хотели бы воспользоваться современными репродуктивными технологиями. Это меньше, чем по стране в целом (при этом мнения женщин более конкретны, они реже затрудняются с ответом, в отличие от мужчин). Возможно, данная ситуация связана с формированием модели репродуктивного поведения, допускающей отказ от рождения детей вообще. Так, столица находится на 7-м месте среди всех регионов (из 10 регионов, участвующих в исследовании) по показателю желаемого числа детей. Ценность «воспитать ребенка» в системе ценностей москвичей по 5-балльной шкале оценивается в 4,1 балла, это меньше, чем в других регионах и по России в целом (4,4 балла). При этом обращает на себя внимание значительная доля не определившихся с мнением: каждая четвертая женщина и каждый третий мужчина. В определенной степени это свидетельствует и об отношении к репродуктивным технологиям как таковым.

Если мы распространим эту пропорцию (желающих воспользоваться ВРТ), полученную по данным выборочного исследования, на все население Москвы в возрасте 17–50 лет, то получим, что в 2020 г. 220 061 человек (+/- 4%) в Москве не исключал для себя возможности воспользоваться ВРТ.

Основными причинами, которые мешают нуждающимся москвичам обратиться к использованию современных репродуктивных технологий, выступают отсутствие уверенности в результате (2,08 балла по 4-балльной шкале); боязнь, что ребенок может родиться больным (2,06 балла), а также трудности с получением квоты (1,87 балла) и высокая стоимость процедуры (1,87 балла). При этом важно, что проблемы с получением квот и при необходимости с оплатой стоимости процедуры в регионах страны стоят более остро, чем в столице.

В столице на первых местах, с относительно большим отрывом, стоят психологические проблемы, сомнения в результативности ВРТ. В России же в целом респонденты чаще упоминают прежде всего высокую стоимость и доступность (квоты) для использования ВРТ. Данные различия в результатах обусловлены спецификой модели репродуктивного поведения в столице, с одной стороны, развитостью системы учреждений здравоохранения, репродуктивной помощи и уровнем доходов – с другой. Как уже отмечалось, репродуктивные ориентации, да и сам уровень рождаемости в сто-

лице ниже, чем по России в целом, больше среди москвичей и лиц, не желающих иметь детей. Как показали данные проведенного опроса, у 45,3% россиян и 63,0% москвичей на момент опроса не было детей. Среднее желаемое число детей по выборке в целом составило 2,31 ребенка, для московских респондентов – 2,22. Кроме того, данные статистической отчетности² показывают, что численность детей, лишенных попечения родителей и состоящих на учете в банке данных в столице на 63,1% превышало число семей, желающих принять на воспитание ребенка. Значительная часть потенциальных родителей (48,6%), которым не был подобран ребенок в течение года, не сделали свой выбор, поскольку хотят принять в семью ребенка только 1 или 2 группы здоровья. Москвичи, имеющие проблемы, в том числе проблемы со здоровьем, которые мешают им завести ребенка, предпочитают принять в семью или родить с использованием ВРТ только здорового ребенка.

Весьма незначительна в столице роль таких причин, ограничивающих использование ВРТ, как отсутствие необходимой информации и религиозные, этические соображения. Однако нельзя упускать из виду тот факт, что не во всех семьях супруги уже пришли к единому мнению о желательности использования ВРТ. В ряде случаев второй супруг против такого способа решения проблемы.

Проведенное исследование показало, что потребность в ВРТ в Москве ниже, чем во многих регионах страны. В определенной степени это связано с оценкой состояния своего здоровья, которое может повлиять на потребность в использовании ВРТ (что актуализирует необходимость обеспечения доступности специализированных медицинских услуг по сохранению репродуктивного здоровья и расширения информационной кампании по реализации стратегии самосохранительного поведения, в том числе и в сфере репродукции). Но не только. Играет роль и модель репродуктивного поведения столичных жителей, отличающаяся более низкими репродуктивными установками на фоне общероссийских показателей.

Ведущую роль среди препятствий к использованию современных репродуктивных технологий в столице, в отличие от ситуации в регионах, играют психологические мотивы и сомнения в безопасности ВРТ. Стоимость процедур и недоступность квот, в отличие от регионов, в столице не занимает ведущего места среди барьеров в использовании ВРТ. Роль общественного мнения и религиозных норм в отношении использования ВРТ весьма незначительна.

² В частности, формы 103-РИК «Сведения о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» за 2020 год.

Москвички более благосклонно, чем москвичи, относятся к использованию современных репродуктивных технологий.

Стоит обратить внимание на значительную долю молодых россиян, которые готовы воспользоваться ВРТ. Наблюдается определенная эйфория от возможностей использования ВРТ при недостатке информации о возможных негативных последствиях для здоровья ребенка. Важен доступ к объективной информации о том, к каким сложностям приводит рождение ребенка в случае значительного откладывания зачатия.

Судя по имеющимся тенденциям и по ситуации в столице, можно предположить, что в перспективе потребность в ВРТ будет снижаться. В частности, анализ имеющейся статистики дает возможность предположить, что в мировом масштабе рост распространенности ВРТ приостановился [Исупова 2017]. В России, как и в большинстве стран мира, наблюдается переход к мозаичности репродуктивных стратегий. Стремление использовать ВРТ в случае проблем с репродуктивным здоровьем связано со следованием традиционным ценностям, когда рождение ребенка воспринимается как необходимое, значимое событие семейной жизни, репродуктивной стратегии. Однако наблюдается и формирование такой жизненной стратегии, когда рождение ребенка не входит в систему приоритетных жизненных ценностей. Добровольная бездетность становится социально одобряемой стратегией. Данный тренд пока проявляется наиболее ярко в крупных мегаполисах, примером которого выступает Москва.

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

Acknowledgements

The article was prepared with the financial support of the Russian National Science Foundation within the framework of the scientific project No. 20-18-00256 “Demographic behavior of the population in the context of national security of Russia”.

Литература

- Асеева, Пащенко 2014 – *Асеева И.А., Пащенко Е.Н.* Социальное самочувствие и ценностные ориентации студенческой молодежи в контексте социальных изменений // Вестник Института социологии РАН. № 3 (10). С. 12–33.
- Исупова 2017 – *Исупова О.Г.* Вспомогательные репродуктивные технологии: новые возможности // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 1. С. 35–64.
- Русанова 2020 – *Русанова Н.Е.* Трансграничная репродуктивная помощь: рождаемость, миграция, институциональное регулирование / Ломоносовские чтения – 2020. Секция экономических наук. «Экономическая повестка 2020-х годов»: Сб. тезисов выступлений. М.: Экон. фак. МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020. С. 602–603.
- Русанова 2019 – *Русанова Н.Е.* Динамика репродуктивного здоровья и перспективы увеличения рождаемости в России // Здоровье как ресурс: V. 2.0: Междунар. научно-практич. конф. / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород, 2019. С. 180–182.
- Русанова 2013 – *Русанова Н.Е.* Вспомогательные репродуктивные технологии в России: история, проблемы, демографические перспективы // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 1. С. 69–86.
- Хаят, Курило, Черных 2019 – *Хаят С.Ш., Курило Л.Ф., Черных В.Б.* Вспомогательные репродуктивные технологии и правовая проблема выбора пола плода // Андрология и генитальная хирургия. 2019. № 20 (2). С. 64–68.
- Grant et al. 2006 – *Grant J., Hoorens S., Gallo F., Gave J.* Should ART Be Part of a Population Policy Mix? A Preliminary Assessment of the Demographic and Economic Impact of Assisted Reproductive Technologies, Cambridge, UK: RAND Europe, DB-507-FER.
- Greil et al. 2010 – *Greil A.L., Slauson-Blevins K., McQuillan J.* The experience of infertility: a review of recent literature // *Sociology of Health and Illness*. 2010. № 32. P. 140–162.
- Rostovskaya, Kuchmaeva 2021 – *Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V.* Assisted Reproductive Technologies through the Eyes of Russians // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2021. № 91 (5). P. 578–586.
- Sorenson 2006 – *Sorenson C.* ART in the European Union // *Euro Observer. The Health Policy Bulletin of the European Observatory on Health Systems and Policies*. Autumn. 2006. Vol. 8. № 4. P. 2–8.

References

- Aseeva, I.A. and Pashchenko, E.N. (2014), “Social well-being and value orientations of students in the context of social changes”, *Bulletin of the Institute of Sociology*, no. 3 (10), pp. 12–33.

- Ispova, O.G. (2017), “Assisted reproductive technologies. New opportunities”. *Demographic Review*, vol. 4, no. 1, pp. 35–64.
- Rusanova, N.E. (2020), “Trans-Border Reproductive Care. Birth Rates, Migration, and Institutional Regulation”, *Ekonomicheskaya povestka 2020-kh godov “Lomonosovskie chteniya – 2020. sektsiya ekonomicheskikh nauk”* [Lomonosov Scientific Conference – 2020. Section of Economic Sciences. “The Economic Agenda of the 2020s”. Collection of reports], Moscow, Russia, pp. 602–603.
- Rusanova, N.E. (2019), “Dynamics of reproductive health and prospects for increasing the birth rate in Russia”, *Zdorov’e kak resurs: V. 2.0: Mezhdunar. nauchno-praktich. konf.* [Health as a Resource V. 2.0], pp. 180–182.
- Rusanova, N.E. (2013). “Assisted reproductive technologies in Russia. History, issues, demographic prospects”, *Journal of Social Policy Research*, vol. 11, no. 1, pp. 69–86.
- Hayat, K., Kurilo, L.F. and Chernykh, V.B. (2019), “Assisted reproductive technologies and the legal issue of the fetal sex selection”, *Andrology and Genital Surgery*, no. 20 (2), pp. 64–68.
- Grant, J., Hoorens, S., Gallo, F. and Gave, J. (2006), *Should ART Be Part of a Population Policy Mix? A Preliminary Assessment of the Demographic and Economic Impact of Assisted Reproductive Technologies*, Cambridge, UK: RAND Europe, DB-507-FER
- Greil, A.L., Slauson-Blevins, K. and McQuillan, J. (2010), “The experience of infertility: a review of recent literature”, *Sociology of Health and Illness*, no. 32, pp. 140–162.
- Rostovskaya, T.K. and Kuchmaeva, O.V. (2021), “Assisted Reproductive Technologies through the Eyes of Russians”, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, no. 91 (5), pp. 578–586.
- Sorenson, C. (2006), “ART in the European Union”, *Euro Observer. The Health Policy Bulletin of the European Observatory on Health Systems and Policies*, Autumn, vol. 8, no. 4, pp. 2–8.

Информация об авторах

Тамара К. Ростовская, доктор социологических наук, профессор, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1; rostovskaya.tamara@mail.ru

Оксана В. Кучмаева, доктор экономических наук, профессор, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1;

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; kuchmaeva@yandex.ru

Наталья А. Безвербная, кандидат социологических наук, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1; bezvad@mail.ru

Information about the authors

Tamara K. Rostovskaya, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 6, Fotievoi Street, Moscow, Russia, 119333; rostovskaya.tamara@mail.ru

Oksana V. Kuchmaeva, Dr. of (Economics), Professor, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 6, Fotievoi Street, Moscow, Russia, 119333;

Lomonosov Moscow State University; kuchmaeva@yandex.ru

Natal'ya A. Bezverbnaya, Cand. of Sci. (Sociology), Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 6, Fotievoi Street, Moscow, Russia, 119333; bezvad@mail.ru

УДК 316.74:37

DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-424-434

A theoretical approach to gender studies course in terms of feminist pedagogy

Ovacık Başak

Bahçeşehir University, İstanbul, Turkey, basak@ovacikmail.com

ORCID:0000-0003-3014-2280

Abstract. The article studies how feminist pedagogy in gender education is used to transform the mindset of students, their families and ultimately society. Brazilian theorist Paul Freire describes the oppressor-oppressed (discriminatory) relationship in society in the *Pedagogy of the Oppressed*. According to Freire, education is a direct political act and can transform society as well as a libertarian style of pedagogy where everyone speaks, expresses their opinions and attains their rights. In feminist pedagogy inspired by Freire, the structures and systems that sustain the discrimination against women are identified as early as the school level and are subsequently transformed to minimize negative attitudes toward girls.

Feminist pedagogy, started to take its place in academia as a field that supports the critical thinking structure after the 1980s in Turkey. It aims to strengthen the student's self-esteem, independence and questioning abilities, especially to criticize the patriarchal social structure and to promote the gender equality. Feminist pedagogy is applied in the state and private universities in Turkey. The paper focuses on the author's teaching experience of "Gender Studies" course with 348 Turkish and foreign students in a private university in Istanbul between 2019–2022. Feminist pedagogy was applied in terms of the content and method in the classroom and the survey that was conducted to measure the impacts of the method in terms of transformation. The paper contributes to gender studies of scholars with a feminist perspective on how to apply that methodology. Based on a study of the effectiveness of teaching the mentioned discipline, recommendations for improving the pedagogical content were made.

Keywords: feminist pedagogy, gender studies course, gender equality, feminist praxis, feminist classroom, critical pedagogy, SDG No 5, gender lens

For citation: Ovacık, B. (2022), "A theoretical approach to gender studies course in terms of feminist pedagogy", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, part 3, pp. 424–434, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-424-434

© Ovacık Başak, 2022

Теоретический подход к курсу гендерных исследований с точки зрения феминистской педагогики

Овацик Басак

*Университет Бахчезехур, Стамбул, Турция,
basak@ovacikmail.com*

Аннотация. В статье исследуется, каким образом феминистская педагогика в гендерном образовании используется для трансформации мышления учащихся, их семей и, в конечном счете, общества. Бразильский теоретик Пол Фрейре описывает дискриминационные отношения в обществе в «Педагогике угнетенных». По мнению Фрейре, образование является прямым политическим актом и может трансформировать общество, а также либертарианский стиль педагогики, где каждый говорит, выражает свое мнение и обретает свои права. В феминистской педагогике, вдохновленной Фрейре, структуры и системы, поддерживающие дискриминацию женщин, выявляются еще на уровне школы, а впоследствии подвергаются трансформации с целью минимизировать негативные установки в отношении девочек. Феминистская педагогика начала занимать свое место в академических кругах как область, поддерживающая структуру критического мышления после 1980-х гг. в Турции. Она направлена на укрепление самоуважения, независимости и способностей учащихся в области критического мышления, в особенности на критику патриархальной социальной структуры и пропаганду гендерного равенства. Феминистская педагогика применяется в государственных и частных университетах в Турции. Основное внимание в статье уделяется преподавательскому опыту автора в рамках курса «Гендерные исследования» с участием 348 турецких и иностранных студентов в частном университете в Стамбуле в 2019–2022 гг. Феминистская педагогика применялась в период обучения с точки зрения содержания и методики, а также был проведен опрос для измерения воздействия этого метода с точки зрения результатов трансформации. Этот документ вносит вклад в гендерные исследования ученых с феминистским взглядом на то, как применять эту методологию. На основе изучения эффективности преподавания упомянутой дисциплины составлены рекомендации по совершенствованию педагогического содержания.

Ключевые слова: феминистская педагогика, курс гендерных исследований, гендерное равенство, феминистская практика, феминистские классы обучения, критическая педагогика, цель устойчивого развития № 5, гендерный подход

Для цитирования: Овацик Б. Теоретический подход к курсу гендерных исследований с точки зрения феминистской педагогики // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 424–434. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-424-434

Introduction

Feminist pedagogy first took its place in academia in the 1980s as a field that supports critical thinking. This branch, which is based on *participatory learning*, is a teaching style that focuses on the critique of the patriarchal social structure and advocates gender equality in this context. The influential name of critical pedagogy, Brazilian theorist Paul Freire, describes the oppressor-oppressed relationship in society in *Pedagogy of the Oppressed*. According to him, education is a direct political action and can transform society.

There are *Women's Studies*, *Gender Studies Institutes* and master's/doctorate programs that apply feminist pedagogy in private and public universities in Turkey. This article analyzes a lecturer's "Gender Studies" course experiences with 348 Turkish and foreign students at a private university in Istanbul in the years 2019, 2020, 2021 and 2022. Feminist methodology was used in this course, where the content was mainly determined by the instructor in parallel to Freire's pedagogic ideology. The impact was measured with a survey and the results were analyzed.

This paper examines, with first-hand experiences, that teaching feminism and raising awareness about gender literature by using feminist pedagogy methods have positive impact on students. With feminist pedagogic methodology, students were able to question the patriarchal structure and critically review events through a *gender lens* and contribute to a change in the society in the long run.

Feminist Pedagogy in Turkey

Feminist pedagogy in Turkey first came into effect when the *Women's Studies Application and Research Center* was established in Istanbul University in 1989. Here, a feminist pedagogy practice has been initiated with master's programs that teach women's history, feminism, economics, gender, law, women in literature and media. With this new discipline, a new literature was created, research areas, theory, methodology, epistemology were discussed. In recent years, these departments have increased in both public and private universities, research centers have been opened, and feminist pedagogy continues to be applied here. Feminism and gender issues, which were previously included in different disciplines such as anthropology and sociology, created a completely different discipline. Since then, the number of Turkish publications and translated books covering the field has increased, and symposiums, conferences and panels have been organized [Asena 2008].

Feminist pedagogy does not include a traditional method of teaching and learning. It is open to interpretation, critical thinking and analysis, not memorization; It includes demanding elements such as equality, democratic rights. It is about leaving yourself and your knowledge open to other views, perceptions and experiences of the world. It is a form of learning that encourages dialogue and action-oriented practice [Stopford 2020; Chick, Hassel 2009].

An academic from Turkey describing her experiences in gender class is inherently different from, for example, academic experience writings from Russia or African countries. It contains data that we have experienced or have never encountered. Reading them allows us to see intersectionality, how similar problems actually arise despite cultural differences. There are many similarities with us in inequalities within society and family, ingrained traditional norms and attitudes.

Feminist Pedagogy in Freire's Footsteps

Inspired by Freire, feminist pedagogy analyzes the current situation of women, opposes injustices and inequalities, and seeks to transform structures and systems that perpetuate women's oppression. Together they create solutions for equality. According to him, education is a direct political action and can transform society a liberal pedagogy style should be applied in which everyone speaks, expresses their opinion and seeks their rights.

Feminist pedagogy talks about the liberation of oppressed women. This method, which includes many personal experiences, differs according to the changing socioeconomic and cultural dynamics of the place where it is applied. It uses a methodology that pushes the individual and society to change. It depends on an individual's capacity for empathy and experiences. It is socially constructed and political.

According to Freire [Freire 2000], "the core of education is the practice of freedom", while feminist pedagogy is based on the assumptions of power and consciousness raising, accepting the existence of oppression and the possibility of ending it, and emphasizing emancipation. The Gender Studies course also has a political aim to raise awareness, contribute to democratization through equality and transformation.

Feminist pedagogy does not have a teaching style that requires us to make standard practices, we can create thousands of applications with different content in each classroom with different narrators. It is a fact that students are free to question, evaluate and make decisions, therefore students are important "subjects" playing a role in the development

of the lesson. I prefer to provide a classroom environment where each of us participates equally, talking and discussing together. “It is argued that this pedagogy strives to reshape and strengthen the relationship between professor and student, build community, privilege the individual voice, respect personal experience in its diversity, and challenge traditional theory and teaching views” [Webb, Walker 2002]. An effort should be made to create a sincere atmosphere in the classroom, not only to teach, but to bring the subject to the classroom, to open a sharing space for students by asking questions, to think together, talk and discuss about the comments received from the students, to define and enrich them when necessary.

What the lecturer tried to do was to destroy the power relationship in class. Sometimes I give examples from myself and my family in class. I prefer to build horizontal relationships in the classroom rather than being an authoritarian lecturer. This encourages students to share their own experiences and feelings. In addition, I find it important to open an area where all students can visit me and ask questions individually after the lesson. “Feminist pedagogical perspectives contributed to developing a theoretical framework and method for teaching aimed at reducing the rigid hierarchical relationship between teacher and students in order to empower students. It is a teaching view where personal experience is also important for knowledge” [Lundberg, Werner 2012].

A Challenging Journey Course Evaluation & Satisfaction Survey

Gender Studies Course is an elective course of 3 credits, lasting 14 weeks, 3 hours per week, open to undergraduate students from all faculties. I conducted evaluative research and wanted to measure the impact of the Gender Studies Course taught with Freire’s *participatory learning* style. At the end of each semester, I applied a questionnaire to my students using the self-administered technique, using a structured questionnaire. My sampling frame was undergraduate students coming from different field of study who took my course in the 2019–2020 fall and spring semester, the 2020–2021 fall and spring semester, and the 2021–2022 fall semester. Sample size is a total of 348 Turkish and foreign students who attended the survey. 80% of the students were between the ages of 21–23. And 75,6% of them were women. I e-mailed the survey-Google Forms to each student. I set a deadline and automatically received the result.

In this survey, in which I measured the course achievements of the students, I asked the following questions; Were the course materials sufficient for you to explain the feminist theory? Was the content of the lesson interesting? Would you recommend this course to another friend? Will you apply the lesson outcomes in your future life? Did you learn new concepts in the lesson? Did you express yourself in the lesson? Did the course meet your expectations? Did you talk to your friends about the subjects in the lesson? Did you talk to your parents about the subjects in the lesson? Do you think watching the movie helped you understand the theory?

According to the questionnaire consisting of 30 multiple choice and 3 ranking questions, there is no bias as students' names are not asked. In this private university student profile, the fact that I did not have any difficulties in practice due to the educated family structure and socio-cultural mentality, the students' being open to change and the ability to express their ideas easily made it easier for me to apply feminist pedagogy.

Student Profile

It is not easy to fit a multidisciplinary ideology into fourteen weeks and explain feminism and gender equality by attracting the attention of a heterogeneous group. While preparing the course content, I wanted the students to see the inequalities, I created the content based on *Gender Equality SDG Goal 5*. While preparing the rights-based and egalitarian content and conducting the studies, my goal was to contribute to social transformation.

There is a heterogeneous group in the course in terms of academic discipline and academic level. There are students at every grade level from the faculty of engineering, the faculty of economics, faculty of administrative and social sciences, faculty of medicine and the faculty of law. As such, it is a multi-layered floor. Those who come from social sciences such as sociology, psychology, pre-school education and law are more familiar with the course terminology, on the other hand, those coming from the engineering faculty or the faculty of medicine hear the subjects for the first time.

Each week, the topics are transferred with interdisciplinary exchanges. A student who is passive one week can be active while dealing with the other week's topic; For example, a law student may attach importance to CEDAW (Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination Against Women) because it is an international contract, and may want to learn more.

Carrying Knowledge Across Continents

The culture in which foreign students grow up and the luggage they carry is different from that of Turkish students. Differences in religion, language and race bring along the difference in mentality. Experiencing examples from other countries is valuable in terms of diversity. I have students from Africa (Morocco, Tunisia, Egypt, Republic of South Africa), Arab Peninsula (Palestine), Uzbekistan, Ukraine, Syria. Most of them come from patriarchal societies.

The student compares their country with Turkey, envying that there are such laws in Turkey, while they look with horror at the news of violence against women that happens every day. Sometimes they are amazed to see that Turkey is forward and sometimes backward. They are questioning what they would like to change in their own country, perhaps they will carry the knowledge they gained in this course across continents.

Much of the Gender Studies course material asks students to re-think their ideas and assumptions about their experiences with their culture, society, family, or even their body. In this process, it can be both affirming and alienating for the student to open a curtain that has not been opened before, to find a phenomenon that has never dreamed of, in a way has never thought of. The student may not want to change his/her mind because there are stereotypes of gender roles, traditional norms, expectations. In my teaching experience some students 'get it' very quickly some of those students like the view, some do not. Learning feminism can be a difficult challenge.

My Teaching Style & Course Contents

I recommend classical feminist theory books (Anne Philips, Carole Pateman, Josephine Donovan, Silvia Federici, Richard Sennett, Carol Adams, Hanna Arent, Beauvoir) for pre-class reading. Discussing the course literature that everyone reads and thinks about in class, although it is very difficult to fit into short courses, strengthens the capacity of students to present their own perspectives and make analysis. In addition, writing some of your thoughts through assignments is as supportive as reading and discussing. I read passages from Virginia Woolf and Duygu Asena (a pioneering Turkish feminist writer) in class, and let students to discuss. The underlying purpose of these discussion sessions is to develop students' *critical thinking*, as Freire suggests. In the contents of women in literature, J.K. Rowling was included, the author

of the *Harry Potter* book series. I explain why she does not use her real name even in the 21st century. When students are approached with a topic, they are familiar with, they become attached to the subject and respond more enthusiastically.

I have my students watch and critically engage with films such as *Suffragette* (2015, S. Gavron), *Iron Jawed Angels* (2004, K. Garnier) and *Hidden Figures* (2016, T. Melfi). The best way is to stop the movies at important scenes, discuss their connection with the lesson, and let the students comment. In the case of movies, for example, this allows students to see the theory behind the scene. Thus, you can convey the result you want to achieve in a single frame rather than telling for hours.

The course content focuses on concepts such as; the public sphere, private sphere, power, authority, patriarchal system, the relationship between gender and sex, LGBTI definitions, masculine and feminine identity formation, gender roles, stereotypes, and sexist language. For example, sexist toys (Legos, Barbies etc.) and fairy tales became a section that attracted a lot of attention and was discussed at length. Seeing how children are coded in a biased gendered manner aroused curiosity and interest. Students realized how beneficial it would be if the gender lesson started to be taught from pre-school onward.

During this course, where I mainly use power point slides, I make use of various videos to ensure the full concentration of the students. Basically, I use BBC's documentaries, EIGE (European Institute for Gender Equality)'s gender stereotypes short videos and statistical data from UN Women website.

The universal comparisons that are made frequently throughout the course both become the focus of attention of foreign students and give students a vision. While examining the *Global Gender Gap Report*, foreign students are surprised to see that Turkey is in the 133rd place out of 149 countries (2021data). They see examples of different countries and compare them with their own countries, this adds diversity to the class dynamic.

UN Women, International Women's Conferences, CEDAW and The Council of Europe Convention on Preventing and Combating Violence Against Women and Domestic Violence (the Istanbul Convention), UN Sustainable Development Goals NO 5 Gender Equality are the subjects of our women's rights and law part of our course. The content of this multidisciplinary course is a broad scope that ends in international relations while describing a sociological phenomenon that we entered from the economy and exited from political science. Beyond explaining feminism, this course also emphasizes that violence against women is the result of gender inequality. While teaching the students by underlining these in bold letters, it is necessary to make

them understand that they are all parts of a whole. Gender studies are intertwined and almost blended with sociocultural, political and economic conditions.

*“Now I will look through
gender lens”*

I read in the exam paper how one of the male students, who said “men cannot be feminists” at the beginning of the semester, changed his mind. My married student said that she started to pay attention to the toys she bought for her baby in order to break the gender stereotypes. The Egyptian student wondered and looked at the number of women in her country’s Parliament and talked about it in the classroom. The student thanking me for the new concepts he learned at the end of each lesson and many others. Students show us that they can prepare for social change through feminism and gender education.

I used a *word cloud* application for students in the first lesson. Students were asked to write down the association they make when they hear the words “female”, “feminine”, “male”, “masculine” in one word. I repeated this work at the last lesson of the semester. Later, the words in the cloud changed. These students led to the awakening of their critical consciousness by exploring themes of great importance to their daily lives. They saw where, from whom and for what reason the oppression of women in society originated. As students reach their critical consciousness, they can break the oppression and transform society in an egalitarian way, as in Freire’s liberal pedagogic style.

In the survey conducted, students stated that they discussed these course topics with their families. They question the relationship between their parents, for example, they become aware of domestic labor, they try to change it in their family. This is a good sign that the social transformation that begins in the classroom develops in turn in the individual, then in the family and finally in society.

The student feedback was as follows: “You opened different windows in my brain”, “This course taught me concepts that I did not know”, “It was a lesson beyond my thoughts”, “I could express myself for the first time”, “Now I will look through gender lens”, “I will apply these in my life”. When I looked at the feedback written by my students at the end of the year, I saw some words being repeated; “groundbreaking”, “opened my eyes”, “increased my awareness”, “transformed me”. The positive feedbacks I received from my students and the administration show that I was successful in applying the “Gender Studies” course with feminist epistemology and methodology.

It is crucial to make women's experiences visible and historical in feminist pedagogy. I am convinced that my students are now able to wear *gender lens* while watching commercials, news, movies and TV series, and they are ready to challenge the dominant patriarchal definitions and restrictions.

In my feminist pedagogy experience at a private university in the center of Istanbul, the profile of students with high socio-economic status provided a positive result in my work. But this is not generalizable. This needs another research for instance; the impact of Gender Studies Course using feminist pedagogy methods in a public university outside Istanbul. It is also necessary to make a comparison between the foreign students and Turkish students. If an equal number of male and female students answered the questionnaire, the result might have been different. These could also be a reason for further research.

Conclusion

Learning Gender Studies is a challenge to students. Feminist teaching practices seek to promote a classroom environment that supports transformation. In this paper, I defined the concept of feminist pedagogy through Freire's libertarian style of pedagogy where everyone speaks, expresses their opinions and seeks their rights. Secondly, I explained the gender studies course history in Turkey and explained how I applied the feminist methods and used feminist content in my Gender Studies course at a private university located in Istanbul. I measured the impact and contribution of the course by conducting a survey to 348 Turkish and foreign students and analyzed the results.

I think that my exploration of these methods has far reaching implications in Turkish education system. Based on Freire's theory, I concluded that the course produced with feminist methods was successful and could be applied in gender studies courses that will be given in a similar university location and student profile, by looking at the survey results and student feedback. I found out that if the course is taught using this method; it will transform the student and help to bring a social change. My journey exploring Freire's theory in Gender Studies classes gave me the opportunity to create a liberatory experience.

References

- Asena, D. (2008), *Kadının Adı Yok* [The woman has no name], Doğan Kitap, İstanbul, Turkey.
Chick, N. and Hassel, H. (2009), "Don't Hate Me Because I'm Virtual: Feminist Pedagogy in the Online Classroom", *Feminist Teacher*, vol. 19, no. 3, pp. 195–215.

- Freire, P. (2000), *Pedagogy of the Oppressed*, The Continuum International Publishing Group Inc, New York, USA.
- Lundberg, A. and Werner, A. (2012), *The Pedagogy of Gender Studies, Between experience-based learning and scholarly dialogue*, Swedish Secretariat for Gender Research, Sweden.
- Stopford, Richard (2020), "Teaching feminism: Problems of critical claims and student certainty", *Philosophy and Social Criticism*, vol. XX(X), pp. 1–22.
- Webb, A. and Walker (2002) *Self-regulated learning and situated knowledge: where feminism meets pedagogy?*, Department of Archaeology and Ancient History, Uppsala University Press, Uppsala, Sweden.

Литература

- Asena 2008 – *Asena, D.* Kadının Adı Yok [The woman has no name], Doğan Kitap, İstanbul, 2008.
- Chick, Hassel 2009 – *Chick N., Hassel H.* Don't Hate Me Because I'm Virtual: Feminist Pedagogy in the Online Classroom // *Feminist Teacher*. 2009. Vol. 19. No. 3. P. 195–215.
- Freire 2000 – *Freire P.* Pedagogy of the Oppressed. New York: The Continuum International Publishing Group Inc, 2000.
- Lundberg, Werner 2012 – *Lundberg A., Werner A.* The Pedagogy of Gender Studies, Between experience-based learning and scholarly dialogue, Swedish Secretariat for Gender Research, 2012.
- Stopford 2020 – *Stopford R.* Teaching feminism: Problems of critical claims and student certainty // *Philosophy and Social Criticism*. 2020. Vol. XX(X). P. 1–22.
- Webb, Walker 2002 – *Webb A., Walker.* Self-regulated learning and situated knowledge: where feminism meets pedagogy? Uppsala: Department of Archaeology and Ancient History, 2002.

Information about the author

Başak Ovacık, Doctor of Philosophy (Political Science and International Relations), Bahçeşehir University, Çırağan Cad., Osmanpaşa Mektebi Sok., No: 4–6, Beşiktaş, İstanbul, Turkey, 34353, basak@ovacikmail.com

Информация об авторе

Овацик Басак, доктор философии (политическая наука и международные отношения), Университет Бахчезехир, Çırağan Cad., Osmanpaşa Mektebi Sok., No: 4–6, Beşiktaş, İstanbul, Turkey, 34353, basak@ovacikmail.com

Проблема насилия в отношении женщин в российском медиапространстве

Ольга В. Китайцева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, olga_kitaitseva@mail.ru*

Аннотация. Проблема насилия в отношении женщин сегодня активно обсуждается во всех странах мира. Согласно риторике международного сообщества, домашнее насилие рассматривается как одно из самых распространенных и грубых нарушений прав и свобод человека. Внимание к этой проблеме связано с тем, что во всем мире осознается ценность каждой человеческой жизни и ее качества. Без предупредительных мер и надлежащего реагирования проблема насилия в отношении женщин приобретает пугающие размеры. Важным механизмом, который способен оказать значимый эффект, направленный на привлечение внимания к этой проблеме, становятся средства массовой коммуникации. Их влияние на формирование социального пространства сегодня очень велико, потому что они используются не только для передачи информации, но и служат средством формирования картины мира. Поэтому важно проанализировать, как российские СМИ освещают проблему семейного насилия и формируют публичный российский дискурс по этой проблеме.

Ключевые слова: домашнее насилие в отношении женщин, общественное мнение по проблеме насилия, публичный дискурс по проблеме насилия в отношении женщин

Для цитирования: Китайцева О.В. Проблема насилия в отношении женщин в российском медиапространстве // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 435–447. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-435-447

The issue of violence against women in the Russian media space

Ol'ga V. Kitaitseva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
olga_kitaitseva@mail.ru*

Abstract. Today, the issue of violence against women is being actively discussed throughout the world. International community emphasized, that domestic violence is regarded as one of the most widespread and gross violations of human rights and freedoms. Attention to the issue is very high due to the fact that every human life recognized as the highest value. Without preventive measures and proper response the issue of violence against women is becoming very frightful. The mass media have become an important mechanism that can have a meaningful effect in drawing attention to that issue. Their influence on the formation of social space today is very great, because they are used not only to convey information, but also serve as a means of forming a picture of the world. Therefore, it is important to analyze how the Russian media cover the issue of the family violence and form a public Russian discourse on the situation.

Keywords: domestic violence against women, public opinion on violence, public discourse on violence against women

For citation: Kitaitseva, O.V. (2022), "The issue of violence against women in the Russian media space", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, part 3, pp. 435–447, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-435-447

Введение

Проблема домашнего насилия многие годы не стояла в информационной повестке актуальных проблем социальной жизни, однако распространенность проблемы подтверждается данными, аккумулированными ВОЗ для рабочей группы Организации Объединенных Наций. Согласно приведенным оценкам, «хотя бы раз в своей жизни 27% женщин в возрасте 15 лет и старше, когда-либо состоявшие в браке/имевшие партнера, подвергались физическому или сексуальному насилию»¹ с его стороны. В число-

¹Насилие в отношении женщин, оценки за 2018 г.: оценки глобальной, региональной и национальной распространенности насилия в отношении женщин со стороны интимного партнера и оценки глобальной и региональной распространенности сексуального насилия в отношении

вом выражении это колоссальное количество – от 645 до 751 млн женщин по всему миру.

По оценкам российских исследовательских центров, около 24% жителей России «знают о применении физической силы (побои, удары) в семьях среди своего окружения, включая свою собственную», при этом каждый двадцатый (5%) практикует или является объектом насилия в своей собственной семье, и каждый четырнадцатый респондент (7%) был свидетелем домашнего рукоприкладства в родительской семье². Таким образом, масштабы распространённости этой проблемы достаточно высоки. Вместе с тем существуют реальные различия в распространённости насилия, которые наблюдаются как между странами, так и внутри регионов отдельно взятой страны.

Наблюдаемые различия в распространённости практик насилия дают повод не рассматривать насилие по отношению к женщинам как неперенный атрибут внутрисемейных отношений, а относиться к этой проблеме как конструируемому социальному поведению, что позволяет предупреждать насилие и влиять на распространённость подобных практик через формирование общественного мнения, различных мер поддержки жертв насилия, а также при помощи мер социальной политики и соответствующих программ на всех уровнях в соответствии с особенностями каждой группы населения и сложившейся ситуации. Важно всесторонне и комплексно заниматься семейной политикой, о чем неоднократно говорили социологи, занимающиеся изучением проблем государственной семейной политики в современной России [Козлова, Овчарова, Рассадин, 2020]. Действенным инструментом для пропаганды и укоренения здоровых практик взаимодействия в семье

женщин со стороны лиц, не являющихся партнерами. Резюме [Violence against women prevalence estimates, 2018: global, regional and national prevalence estimates for intimate partner violence against women and global and regional prevalence estimates for nonpartner sexual violence against women. Executive summary]. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240026681> (дата обращения 27 февраля 2022).

²Всероссийский репрезентативный опрос проведен 22–28 августа 2019 г. Левада-Центром по выборке городского и сельского населения объемом 1608 человек в возрасте от 18 лет и старше в 137 населенных пунктах, 50 субъектах РФ. Исследование проводится на дому у респондента методом личного интервью. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов.

может стать широкое отражение в медиа проблемы насилия по отношению к женщине, чтобы привлечь внимание к проблеме и сформировать общественный консенсус о недопустимости и аморальности подобных действий.

*Формирование
в медиапространстве
публичного дискурса
по проблеме насилия
в отношении женщин*

Влияние средств массовой коммуникации на формирование социального пространства в современном обществе очень велико, потому что они используются не только для передачи информации, но и служат средством формирования картины мира за пределами чувственного опыта индивида. Результат социального взаимодействия аудитории и средств массовой коммуникации образует социальный феномен, который современные авторы называют медиапространством. Это «особая реальность, являющаяся частью социального пространства и организующая социальные практики и представления агентов, включенных в систему производства и потребления массовой информации» [Юдина 2008, с. 151]. Особенно велика роль медиапространства в случае, когда общественная мысль пытается сформулировать новое отношение или видение какого-то социального феномена. В переходный период социальные группы или индивиды лишены надежных, понятных для них ориентиров, поэтому рефлексии и интерпретации нового феномена или новый смысл старого феномена можно формировать через медиапространство, которое в свою очередь является частью социального пространства.

Публичное обсуждение конкретной темы в медиапространстве в цифровую эпоху возможно не только посредством традиционных СМИ, к которым мы можем отнести телевидение, интернет или печатные средства массовой информации, но и сетевых средств передачи информации, таких как социальные сети, блоги, интерактивные площадки и т. д. Существенное отличие традиционных средств передачи информации в том, что они, по сути, являются монологом небольшого количества акторов, действующих в медиапространстве и обладающих сильными инструментами влияния. Потребители таких СМИ не имеют возможности участвовать в формировании публичного дискурса, потому что они не могут высказать собственное мнение и доносить его до целевых ауди-

торий, так как не обладают ресурсами, позволяющими выразить свою точку зрения. В то же время нетрадиционные сетевые СМИ обеспечивают всем акторам формируемого дискурса возможность высказывать свое мнение.

Рассуждая о силе воздействия традиционных и нетрадиционных СМИ на формирование публичного дискурса, надо иметь в виду, что автор, сотрудничающий с традиционными СМИ, по сути, является рупором определенной точки зрения, которая транслируется на большую социальную группу, не имеющую возможности высказать свою точку зрения, но вместе с тем оказывается под влиянием мнения автора либо редакции издания, которое, в свою очередь, может формировать публичный дискурс. Соответственно, изменяя публичный дискурс, наполняя его новыми смыслами, можно менять само общество.

Таким образом, формированием публичного дискурса можно назвать конкурентное взаимодействие за доминирование публикуемой точки зрения на какое-то социальное явление, которые происходит в публичной сфере. Победа в этой конкурентной борьбе позволяет главенствовать и в информационном поле, и в сознании людей. По сути, это позволяет использовать дискурс для достижения цели и побуждать людей к нужным поступкам.

Анализ динамики публичного дискурса, формируемого СМИ, показывает, как меняется общественное мнение, как далеко продвинулось общество в решении данной проблемы и насколько ее готовы признавать. При этом доминирующее мнение ученых, разрабатывающих эту тему, состоит в том, что проблемы гендерных конфликтов и противоречий, гендерного неравенства в публичном дискурсе дезавуируются, вытесняются на его периферию [Великая, Овчарова 2019].

Конкретно, что касается освещенности проблемы домашнего насилия, особое внимание стоит обращать на слова, которые описывают жертву и агрессора, представленные фото, тональность представления фактов и т. д. В качестве примера можно привести такие фразы: «попала под горячую руку», «напоролась на кулаки» и т. д., что несет конкретную смысловую нагрузку.

Важно не только понять, как конкретный автор статьи относится к проблеме, но и понимать, как общество в целом продвинулось в решении данной проблемы, насколько распространено явление «обвинения жертвы» и как оценивают авторы степень общественной обеспокоенности существованием проблемы домашнего насилия.

В российском публичном дискурсе сегодня тема домашнего насилия представлена в разных СМИ, в том числе и очень уважаемых и крупных средствах массовой информации. Например, «Россий-

ская газета», «Парламентская газета», «Комсомольская правда» и «Коммерсантъ». В выборку включены две статьи «Российской газеты» с ноября по декабрь 2021 г., две статьи «Парламентской газеты» с апреля по декабрь 2021 г. и две статьи газеты «Коммерсантъ» с марта по декабрь 2021 г. Анализ статей позволяет выделить различные направления воздействия на публичный дискурс.

Рассмотрим сначала статьи «Российской газеты». Стоит отметить, что в «Российской газете» периодически рассматривают как конкретные случаи домашнего насилия, так и ход принятия законопроекта, регулирующего действия, классифицируемые как домашнее насилие. В статьях можно найти оценочные суждения по поводу того, что правозащитники любят нагнетать по этому поводу страсти, что выглядит не вполне объективным отражением проблемы. Вместе с тем поддерживаются некоторые шаги, связанные с более широким освещением этой проблемы. Так, в статье «В столичном метро появилась реклама против домашнего насилия»³ домашнее насилие рассматривается как распространенная проблема, которая требует внимания. В тексте дается позитивная оценка появлению социальной рекламы в метро, а проблема описана как распространенная. Также в статьях приводятся данные из доклада ВОЗ о распространенности домашнего насилия в мире, приводится неутешительная статистика, можно найти контакты кризисных центров и ссылки на их сайты, что скорее говорит о том, что авторы статей пропагандируют обращение в центры и позитивно относятся к их работе. Нарратив «Российской газеты» весьма гетерогенный, однако в целом направлен на то, чтобы обратить внимание на проблему, но не нагнетать ситуацию.

Если анализировать «Парламентскую газету» за период с апреля по декабрь 2021 г., в основном в статьях рассматривается ситуация вокруг законопроекта о домашнем насилии. Приводятся оценки депутатов, например Валентины Матвиенко и Оксаны Пушкиной, о целесообразности принятия внесенного в ГД законопроекта о домашнем насилии. В статьях достаточно объективно освещается ситуация по поводу работы с проектом закона о домашнем насилии, вместе с тем тон освещения проблемы достаточно нейтральный, представлен фактологический материал, авторы воздерживаются от оценочных суждений. Например, Валентина Матвиенко дает следующее пояснение:

³ В столичном метро появилась реклама против домашнего насилия // Интернет-портал «Российской газеты» [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/11/09/v-stolichnom-metro-poiavilas-reklama-protiv-domashnego-nasilia.html> (дата обращения 27 февраля 2022).

На наш взгляд, мы в Совете Федерации подготовили оптимальный вариант закона, который решает задачи, волнующие общество. Тем не менее сегодня есть два непримиримых пока полюса – одни считают, что наш закон слишком мягкий, другие уверены, что в нашем законодательстве уже достаточно норм, чтобы привлечь к ответственности за домашнее насилие, и это попытка вмешательства в семью⁴.

В интервью с Оксаной Пушкиной, председателем Комитета Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей, опять же приводится цитата с официальной ссылкой на статью УК РФ:

Конституционный суд признал незаконной ст. 116.1 УК РФ, поскольку она не позволяла привлечь к уголовной ответственности лицо, совершившее побои более двух раз и ранее уже привлечённое к уголовной ответственности⁵.

Таким образом, читателю фактически объясняют, что оспариваемая статья ставит лиц, имеющих судимость, в привилегированное положение по отношению к лицам, подвергнутым административному наказанию. Ведь повторное совершение преступления говорит, что человек не исправился, значит, он более опасен, чем человек, который совершил правонарушение впервые. Однако если с момента первого преступления прошло больше года, очередные побои расцениваются как первичные и снова попадают только под административную, а не уголовную статью.

В статьях газеты «Коммерсантъ» ситуация другая. Здесь риторика более ангажированная, авторы стараются вынести свое личное восприятие проблемы в публичный дискурс, и статьи носят характер полемики и призывают к дискуссии на полях газеты. Например, статья, озаглавленная «Насилию нет, а Минюст есть»⁶, описывает ситуацию, в которой НКО «Насилию.нет» обвинили

⁴ Матвиенко объяснила, почему закон о домашнем насилии не был внесен в Госдуму. Сайт «Парламентской газеты» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/social/matvienko-zakon-o-semeyno-bytovom-nasilii-dolzhen-byt-obyazatelno.html> (дата обращения 27 февраля 2022).

⁵ Пушкина: ужесточение норм за многократные побои защитит жертв домашнего насилия [Электронный ресурс] // Сайт «Парламентской газеты». URL: <https://www.pnp.ru/social/pushkina-uzhestochenie-norm-za-mnogokratnye-poboi-zashhitit-zhertv-domashnego-nasiliya.html> (дата обращения 27 февраля 2022).

⁶ Насилию нет, а Минюст есть. Сетевое издание «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4712212> (дата обращения 27 февраля 2022).

в нарушении закона об иноагентах, это, в свою очередь, вызвало общественный резонанс, что и обсуждается в статье. «Коммерсантъ» встает на сторону одного из участников конфликта, в результате обсуждение проблемы насилия сводится к обсуждению закона об иноагентах, и снижается градус продвижения самой проблемы семейного насилия и насилия в отношении женщин в публичном дискурсе. Фактически НКО использует СМИ для публичного обращения к властям.

Еще одна статья газеты «Коммерсантъ» «Гражданская необходимая оборона» описывает уголовные дела женщин, осужденных за убийства, когда женщины защищались от насилия в своей семье (79% были жертвами домашнего насилия). Обращается внимание на то, что гендерно нейтральные меры, в частности нормы о самообороне, больше не отражают реальности, поскольку в них не исследуется вопрос «продолжающегося преднамеренного насилия» со стороны партнера.

В большинстве юрисдикций абьюз в прошлом не признается в качестве смягчающего фактора. Из-за этого не удается идентифицировать виновника домашнего насилия как главного агрессора⁷.

В статье опять же присутствует ангажированный взгляд на проблему домашнего насилия, который достаточно убедительно привлекает к ней внимание.

Рассмотрев три разных издания можно сделать вывод, что традиционные СМИ формируют в публичном дискурсе разные нарративы по поводу домашнего насилия. В «Российской газете», с одной стороны, указывают на то, что проблема слегка преувеличена, с другой стороны, освещают социальные акции в поддержку освещения этой проблемы. В «Парламентской газете» достаточно нейтрально описывают ход обсуждения законопроекта, ссылаясь на фактологический материал, а вот газета «Коммерсантъ», пожалуй, в отличие от других рассмотренных СМИ, предоставляет трибуну для освещения самой проблемы и деятельности НКО, которые оказывают психологическую и социальную помощь жертвам насилия. Но во всех трех случаях в формировании публичного дискурса участвует небольшая социальная группа, представляющая авторов и редакционную политику издания.

⁷Гражданская необходимая оборона. Сетевое издание «Коммерсантъ» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5129556> (дата обращения 27 февраля 2022).

Если обратиться к новым СМИ и их вкладу в формирование публичного дискурса, то надо отметить, что руководители и активные деятели НКО активно используют коммуникационные возможности новых медиа не только для продвижения своего видения проблемы насилия в семье, но и предоставляют трибуну для обсуждения и наполнения публичного дискурса новыми смыслами, исходящими от всей целевой аудитории, включенной в эту проблему [Ирсетская, Китайцева 2021].

В результате работы новых СМИ в публичном дискурсе все сильнее закрепляется мнение, что проблема насилия в семье не является нормой. Это позволяет большему количеству женщин осознать свои личные проблемы, перестать молчать о фактах насилия и освоить реальные практики прекращения насилия в семье.

В своей публичной активности представители НКО несут в публичный дискурс информацию о том, что кроме правоохранительных органов, жертва может обращаться в другие госструктуры; к адвокатам; в кризисные центры, к психологам. Некоторые НКО помимо юридической и психологической помощи предоставляют жертвам убежища, занимаются просветительской деятельностью, а также сотрудничают со сторонними структурами для решения проблем домашнего насилия в отношении женщин.

Отдельно все же надо остановиться на том факте, что, несмотря на хорошее продвижение освещения проблемы домашнего насилия в публичном дискурсе и улучшения качества помощи женщинам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, пандемия резко обострила ситуацию на фронте борьбы с этим опасным социальным явлением [Фадеева, Великая, Белова 2021]. В связи с карантином многие, кто жил с домашним тираном, оказались взаперти без возможности оперативно уйти. По данным, полученным от некоммерческих организаций и журналистов, количество случаев домашнего насилия в России выросло больше чем в два раза. В апреле 2020 г. поступило более 13 тыс. сообщений о домашнем насилии. В марте их было чуть более шести тыс. Исследователи отметили, что число случаев домашнего насилия, приведших к смертельному исходу, достигло пяти тысяч⁸. В конце марта в интервью EuroNews Оксана Пушкина, депутат Госдумы, заместитель председателя комитета по вопросам семьи, сказала, что

⁸ Домашнее насилие в условиях COVID-19 в России: Доклад НКО по защите прав женщин (март–май 2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: [Doklad-o-domashnem-nasilii-v-usloviyah-COVID-19-v-Rossii-2020-god.pdf](https://www.nkco.ru/doklad-o-domashnem-nasilii-v-usloviyah-COVID-19-v-Rossii-2020-god.pdf) (дата обращения 27 февраля 2022).

...карантин в четырех стенах послужил для насильника 100%-ным триггером для вымещения злости на жертве, в том числе учитывая особенности складывающейся непростой экономической ситуации и паники вокруг мировой пандемии⁹.

Однако количество обращений жертв насилия в МВД снизилось за время пандемии на 13%, потому что жертвы находились почти все время на одной территории с агрессором без возможности свободно выйти из дома и дойти до отделения полиции или страха пойти в отделение, зная, что, вернувшись, агрессор, возможно, совершит еще большее насилие.

Вместе с тем задел в формировании общественного дискурса, который был сделан еще до пандемии благодаря разным формам его наполнения, принес позитивный эффект. Сформировавшееся в общественном дискурсе более серьезное и ответственное восприятие проблемы домашнего насилия дало толчок большому количеству инициатив по защите жертв насилия и профилактике насилия в семье во время пандемии.

Инициативы приходили от разных социальных институтов. Так, например, НКО обеспечивали непрерывную работу в кризисных центрах даже в период локдауна. В интервью журналу РБК глава «ИНГО. Кризисный центр для женщин» Елена Болюбах рассказала о работе своего центра в 2020 г. и отметила эффективность его деятельности в области просвещения и профилактической работы с женщинами «за последние годы, из-за чего женщины стали чаще распознавать маркеры насилия и, соответственно, чаще обращаться за помощью»¹⁰.

Инициативы также приходили со стороны общественных и политических организаций. Так, в 2020 г. партия «Яблоко» выступила с инициативой вкладывать больше сил и ресурсов в решение проблемы насилия в семье. Инициативы касались того, чтобы органы власти выступили с публичной поддержкой жертв семейно-бытового насилия, а защищать жертв домашнего насилия стало прямой обязанностью МВД. По сути, МВД должно выгля-

⁹ Число случаев домашнего насилия в России за время карантина выросло в 2,5 раза [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.euronews.com/2020/05/05/russia-domestic-violence> (дата обращения 27 февраля 2022).

¹⁰ Глава «Кризисного центра» – о связи насилия, бодипозитива и локдауна [Электронный ресурс] // Интернет-журнал РБК. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/13/03/2021/60452d9d9a7947c763af88b3 (дата обращения 27 февраля 2022).

деть не как орган, поддерживающий агрессора, а как орган защиты, куда жертвы насилия могут обращаться без страха.

Внесла свой вклад в решение проблемы домашнего насилия и Комиссия по профилактике правонарушений Правительства РФ. Организация выпустила рекомендации МВД и другим государственным структурам, по которым они обязаны информировать женщин, попавших в тяжелую жизненную ситуацию, о деятельности кризисных центров помощи женщинам, страдающим от насилия в семье. Региональным МВД рекомендовано проводить профилактические информативные мероприятия в Интернете, изучить и решить вопросы по созданию шелтеров для жертв домашнего насилия, информировать о работе кризисных центров и НКО и оказывать им финансовую и организационную поддержку со стороны государства. Минтруда рекомендуется обобщить опыт социального обслуживания жертв семейно-бытового насилия; по сути, сделать определенную сводку по тому, как можно помочь жертве домашнего насилия и какие меры в рамках этого принимать. Также рекомендуется в случае наличия оснований, даже при отсутствии заявления от жертвы, возбуждать уголовные дела в соответствии со ст. 116 УК РФ¹¹.

Перечисленные меры могут запустить не только комплексную юридическую и социальную помощь жертвам насилия, но и способствовать общему информированию всех причастных инстанций о проблеме домашнего насилия в отношении женщин.

Заключение

Таким образом, формирование ответственного подхода по проблеме насилия в отношении женщин в публичном дискурсе российского медиапространства вносит свой вклад в искоренение старых стереотипов внутрисемейных отношений и формирование новых смыслов в деятельности общественных организаций и государственных институтов.

Кроме того, рекомендации организациям федеральных и региональных органов местного самоуправления об оперативном реагировании на случаи домашнего насилия и обеспечения комплексных мер для решения этих проблем, а также предпринятые инициативы

¹¹ Решение Правительственной комиссии по профилактике правонарушений о реализации субъектами профилактики правонарушений полномочий по предупреждению преступлений в сфере семейно-бытовых отношений 31 марта 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/> (дата обращения 27 февраля 2022).

по поводу организации информирования населения как средства профилактики домашнего насилия и инструмента для помощи людям, которые уже находятся в абьюзивных отношениях, должны способствовать формированию негативного восприятия этой проблемы в общественном сознании и уменьшению количества смертельных случаев в результате проявления случаев домашнего насилия.

Литература

- Великая, Овчарова 2019 – *Великая Н.М., Овчарова О.Г.* Феминизм в информационном пространстве современной России: парадоксы гендерного дискурса // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика: Материалы Междунар. науч. конф. / Ивановский гос. ун-т, 2019. С. 25–32.
- Ирсетская, Китайцева 2021 – *Ирсетская Е.А., Китайцева О.В.* Роль российских лидеров некоммерческого сектора в формировании информационной повестки по проблемам домашнего насилия // Интеллигенция в новой реальности: Сб. статей XXII Междунар. теоретико-методологич. конф. М., 2021. С. 241–253.
- Козлова, Овчарова, Рассадин 2020 – *Козлова Н.Н., Овчарова О.Г., Рассадин С.В.* Социально-философский анализ государственной семейной политики в современной России: основные подходы // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». 2020. № 2 (52). С. 117–124.
- Фадеева, Великая, Белова 2021 – *Фадеева Е.В., Великая Н.М., Белова Н.И.* Социальное самочувствие россиян в период распространения коронавирусной инфекции // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 2. С. 58–71.
- Юдина 2008 – *Юдина Е.Н.* Медиапространство как новая социологическая категория // Преподаватель XXI век. 2008. № 2. С. 151–154.

References

- Fadeeva, E.V., Velikaya, N.M. and Belova, N.I. (2021), “Social well-being of Russians during the spread of coronavirus”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 58–71.
- Irsetskaya, E.A. and Kitaitseva, O.V. (2021), “The role of Russian leaders of the non-profit sector in the formation of an information agenda on domestic violence”, *Intelligentsiya v novoi real’nosti: Sbornik statei XXII Magdunarodnoi teoretiko-metodologicheskoi konferentsii*, [Intelligentsia in a new reality. A collection of articles of the XXII International Theoretical and Methodological Conference], Moscow, Russia, pp. 241–253.

- Kozlova, N.N., Ovcharova, O.G. and Rassadin, S.V. (2020), "Socio-philosophical analysis of the state family policy in modern Russia. The main approaches", *Bulletin of TõSU. Philosophy Series*, no. 2 (52), pp. 117–124.
- Velikaya, N.M. and Ovcharova, O.G. (2019), "Feminism in information space of modern Russia. Paradoxes of gender discourse", *Gendernye otnosheniya v sovremennom mire: upravlenie, ekonomika, sotsial'naya politika. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, [Gender relations in modern world. Management, economy, social policy. Proceedings of International Scientific Conference], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia, pp. 25–32.
- Yudina, E.N. (2008), "Media space as a new sociological category", *Prepodavatel XXI vek*, no. 2, pp. 151–154.

Информация об авторе

Ольга В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; olga_kitaitseva@mail.ru

Information about the author

Ol'ga V. Kitaitseva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; olga_kitaitseva@mail.ru

УДК 316.36

DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-448-456

Гендерная оценка института полигамии (на примере Дагестана)

Эльвира М. Загирова

*Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,
Махачкала, Россия, elvira.2005@inbox.ru*

Аннотация. В семейно-брачной сфере дагестанских народов распространение получило многоженство, хотя оно не было массовым явлением в недавнем прошлом истории народов Дагестана. Опрошенные дагестанские женщины в категоричной форме не приемлют для себя статус «второй жены», более того, демонстрируют отрицательное отношение в целом к появлению института полигамии в настоящее время. На брачные установки опрошенных дагестанских женщин не влияют вероисповедание и отношение к религии (верующая/неверующая), хотя мусульманство допускает возможность иметь четырех жен последователю ислама. Авторская гипотеза о позитивном отношении и оценке полигамии носителями ислама результатами исследования не подтвердилась, что свидетельствует о нежелании в полной мере принять предписания мусульманства в семейно-брачной сфере. При этом в общественном сознании опрошенных женщин имеет место «оправдание» многоженства с доводом существования диспропорции мужского и женского населения.

Ключевые слова: дагестанская семья, семейно-брачная сфера, семейные отношения, институт многоженства, полигамия, «вторая жена», мусульманство, брачное поведение

Для цитирования: Загирова Э.М. Гендерная оценка института полигамии (на примере Дагестана) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 448–456. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-448-456

Gender assessment of the institute of polygamy (on the example of Dagestan)

El'vira M. Zagirova

*Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russia, elvira.2005@inbox.ru*

Abstract. In the family and marriage sphere of the Dagestan peoples, polygamy was widespread, although it was not a mass phenomenon in the recent

© Загирова Э.М., 2022

past of the history of the peoples of Dagestan. According to the results of the study, it was found that the interviewed Dagestani women categorically do not accept the status of a “second wife” for themselves, moreover, they demonstrate a negative attitude in general to the emergence of the institution of polygamy at the present time. Empirical material shows that the marriage attitudes of the interviewed Dagestani women are not influenced by religion and attitude to religion (believer / non-believer), although Islam allows the possibility of having four wives for a follower of Islam. The author’s hypothesis about the positive attitude and assessment of polygamy by the followers of Islam was not confirmed by the results of the study, what indicates an unwillingness to fully accept the precepts of Islam in the family and marriage sphere. In addition, the survey data show that the interviewed Dagestan population has a negative attitude to the decision of their own children to have a “second wife” and to be a “second wife” with different argumentation.

Keywords. Dagestan family, family and marriage sphere, family relations, the institution of polygamy, polygamy, “second wife”, Islam, marriage behavior

For citation: Zagirova, E.M. (2022), “Gender assessment of the institute of polygamy (on the example of Dagestan)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, part 3, pp. 448–456, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-448-456

Введение

Семейные проблемы, происходящие в институте семьи преобразования, являются предметом пристального внимания российских фамилистов. Особое место в исследованиях семьи и семейных отношений занимает изучение традиционной семьи, в которой вес и значение имеют традиции и обычаи, сложившиеся в течение долгого времени, более того, обладающие спецификой у каждого этнического образования. Среди дагестанских фамилистов можно отметить Б.М. Алимову, внесшей заметный вклад в семейведение и посвятившей дагестанской семье множество исследований [Алимова 2011; Алимова 2015]. Кроме того, межнациональная семья и происходящие в ней трансформации исследованы М.М. Шахбановой [Шахбанова 2008; Верещагина, Шахбанова 2016], М.Б. Гимбатовой уделяется внимание изучению семейного этикета [Гимбатова 2014]. Преобразования постсоветского периода затронули и российскую семью в целом, соответственно, дагестанскую семью в частности: поэтому, хотя дагестанская семья сохранила свою консервативность, но и внутри нее наблюдаются заметные трансформации, выражающиеся в форме потери многих этнокультурных

традиций при параллельном уменьшении значимости морали и нравственности [Алимова 2011, с. 48]. И одной из ярких констатаций изменений в дагестанской семье является реставрация института многоженства. Если строго подходить к истории полигамии в нашей республике, то дагестанские исследователи считают, что многоженство не имело повсеместного распространения в дореволюционном Дагестане, ибо существовал так называемый покупной брак. И в основном многоженство было распространено среди дагестанских правителей и зажиточного слоя. На появление в семейно-брачной сфере такого пережитка, как многоженство, определенное влияние оказал исламский фактор, ренессанс вероучения и деятельность мусульманского духовенства, которое решило упорядочить сексуальные взаимоотношения с мотивацией недопущения греховного сожительства. Иными словами, мусульманским компонентом в семейной жизни дагестанских народов обусловлено возрождение полигамии, и данный процесс в семейном пространстве Дагестана вызывает дискуссии при его оценке и обозначении отношения, впрочем, как и провоцирует ухудшение семейного климата и взаимоотношений между супругами: «первый и самый простой аргумент против многоженства заключается в том, что многоженство – это аморальная форма брака, которую большинство психологически отторгает» [Алиев 2013, с. 25].

Не менее важным в рамках изучения института многоженства является изменение установок в отношении межрелигиозных браков: переход носителя иного вероисповедания в лоно ислама является важным условием для заключения брачного союза [Шаханова 2009а].

Таким образом, несомненно, что в семейно-брачной сфере современной дагестанской семьи огромный интерес вызывает, во-первых, само явление «многоженство», во-вторых, отношение дагестанского населения к полигамии, в-третьих, брачное поведение мужчин и женщин, их аргументации в пользу многоженства (мужчины и женщины, которые допускают для себя модель семьи – иметь «вторую жену» и быть «второй женой»), собственные брачные установки, а также отношение опрошенного населения к решению сына брать «вторую жену» и дочери вступить в брачные отношения с мужчиной, находящимся в брачном союзе.

Эмпирическую базу составляет социологическое исследование, проведенное в 2021 г. в рамках изучения отношения дагестанского населения к институту полигамии. Опрос проведен в городах (Дербент, Махачкала, Хасавюрт) и районах (Ботлихский, Дербентский, Казбековский, Кизлярский, Кизилюртовский, Левашинский) Республики Дагестан. Методом исследования стал стандартизи-

рованный массовый опрос. $N = 507$. По гендерной принадлежности – 243 мужчины и 264 женщины. Затронутая в исследовании проблематика обусловила формирование анкеты, внутри которой были сформулированы отдельные вопросы для мужской и женской подгрупп респондентов. Авторская гипотеза заключается в том, что полигамия является архаичным явлением, которое в семейно-брачной сфере дагестанских народов в предыдущий исторический период не имело широкого распространения, однако с возрождением ислама получило свое распространение. В настоящее время многоженство выполняет деструктивную роль, негативно сказывается на семейных отношениях и разрушает традиционные семейные установки дагестанских народов.

Обсуждение результатов исследования

Изучение института многоженства в современном дагестанском обществе, установление отношения (положительное или отрицательное) к данному явлению требует выявления модели брачного поведения дагестанской женщины и дагестанского мужчины. Какой выглядит модель брачного поведения дагестанского мужчины и дагестанской женщины является ключевым вопросом в данном исследовании, потому что демонстрирует характерные семейные ценности и установки. Так, данные авторского исследования показывают, что 73,6% опрошенных женщин в категоричной форме не приемлют лично для себя статус «вторая жена». С возрастом увеличивается доля придерживающихся данной точки зрения с 27,7% в разрезе 0–19 лет до 51,5% старше 50 лет. По семейному положению на статус «второй жены» не согласны 50,0% разведенных и 31,8% не состоящих в браке женщин. При этом можно констатировать увеличение с повышением образовательного уровня опрошенного женского населения процентных показателей респонденток, которые не готовы на такой шаг: 32,0% со средним, 42,9% средним специальным и 50,7% высшим образованием. По мнению автора, отношение к религии (верующий – неверующий) должно играть важную роль при определении позиции к полигамии, как в целом, так и в личном решении на создание такой модели семьи, потому что мусульманское вероучение с четкой конкретизацией (отсутствие детей, состояние здоровья супруги и др.) допускает многоженство (позволяет иметь четырех жен). Однако эмпирические данные показывают, что среди обозначающих свое отношение к религии как верующие, по сравнению с подгруппами

колеблющихся и неверующих, больше доля не допускающих лично для себя такой семейный статус («вторая жена»), хотя картина, по мнению автора, должна быть иной: легитимность многоженства в исламе предполагает существование в общественном сознании именно верующего населения позитивного восприятия полигамии. Но результаты исследования показывают иной сценарий поведения и установок в общественном сознании женского населения, т. е. невосприятие лично для себя нахождения в статусе «второй жены» – 45,1%, 26,3% и 38,5% соответственно. При этом 15,4% опрошенных женщин затруднились выразить свою позицию, что свидетельствует о некоторой неопределенности в их брачном поведении. Следует иметь в виду, что есть когорта женщин, которая в категоричной форме не приемлет для себя нахождение в статусе «вторая жена», более того, негативно настроены к распространению в современном дагестанском обществе многоженства, причем, как показывает практика, женщины соглашаются на положение «вторая жена» чаще с состоятельным мужчиной, что вызывает много нареканий как к самой женщине, так и к мужчине. Анализ по социально-демографическим признакам показывает, что, по сравнению с другими прослойками, доля затруднившихся ответить больше в возрастном разрезе «20–50 лет» и подмассиве с невысоким образовательным статусом: 10,7% со средним и 13,4% средним специальным образованием против 6,6% с высшим образованием, впрочем, как и в подгруппе верующих (10,3%). Дальнейший анализ социологического материала показывает, что 7,2% опрошенных женщин готовы быть «второй женой», из них 6,2% в возрасте 20–35 лет, 9,7% разведенных и 6,7% имеющих среднее образование. Таким образом, полученный на вопрос «Вы согласились бы стать “второй женой”?» материал свидетельствует, что по всему массиву большая часть опрошенных женщин не готова на статус «второй жены», и на формирование этой позиции не оказывает влияния такой важный фактор, как отношение к религии, несмотря на допустимость исламом иметь четырех жен. По логике именно эта категория должна была продемонстрировать позитивное отношение к полигамии и возможность лично для себя такого шага, исходя из обозначения своего отношения к религии и следования положениям мусульманского учения. Реалии же показывают, что в общественном сознании женщин превалирует позиция неприятия такой формы брачного союза, хотя имеет место и допустимость такого решения при определенных условиях. При этом мужчины, по сравнению с женщинами, демонстрируют совсем иные желания и возможные стили семейно-брачного поведения. Так, 22,3% опрошенных мужчин на вопрос «Вы хотели бы иметь “вторую жену”?»

ответили отрицательно, с аргументацией нежелания «разрушать свою “первую семью”». По возрасту можно заметить уменьшение разделяющих такую точку зрения с 23,4% в разрезе 0–19 лет до 8,2% старше 50 лет. Анализ материала через призму отношения к вероисповеданию показывает, что 12,8% верующих, 15,8% неверующих и 23,1% колеблющихся из подмассива мужчин не планируют иметь «вторую жену», а это является основанием для утверждения о малозначимости фактора (верующий/неверующий) в брачном поведении мужчин, впрочем, как ранее уже было показано, и женщин. Вместе с тем 14,9% опрошенных мужчин готовы иметь «вторую жену» с мотивацией, что ислам позволяет иметь четырех жен, среди них 8,9% верующих, 10,3% холостых и 10,8% в возрастном интервале 36–50 лет против 6,7% 20–35 лет и 5,2% старше 50 лет. Далее, 11,2% респондентов рассматривают решение иметь «вторую жену» как безнравственный поступок, и с возрастом увеличивается их число: с 4,3% в разрезе 0–19 лет до 8,2% старше 50 лет, т. е. взрослое поколение, имеющее опыт семейной жизни, по-иному относится к институту многоженства. Вариант ответа «мое материальное положение не позволяет мне иметь “вторую жену”» отмечен у 10,2% опрошенных мужчин, среди них 10,1% старше 50 лет и неверующие (10,5%), в других подгруппах доля разделяющих эту позицию небольшая. Вместе с тем 8,8% опрошенных мужчин готовы иметь «вторую жену», если «в первом браке не будет детей, но чтобы не расстаться со своей женой», и 9,3% готовы на этот шаг при возникновении чувства любви к другой женщине, но не захотят разрушить свою первую семью. Полученные данные показывают, что в массовом сознании респондентов мужчин имеют место противоречивые установки в отношении многоженства, вернее, в принятии собственного решения иметь «вторую жену». Вероятнее всего, такая позиция обусловлена тем, что мужчина (муж) принимает во внимание психологическое состояние женщины (жены), свое и своих детей, которые страдают, да и мужчина, видимо, понимает, что не сможет в равной степени уделять внимание «первой» и «второй» семьям, поэтому среди них сравнительно высокий процентный показатель негативно настроенных к полигамии. Аргументы «за» (средний показатель по трем позициям – 5,7%) и «против» (средний показатель по трем позициям – 8,5%) создания «второй семьи» среди респондентов-мужчин распределились примерно поровну, т. е. можно сделать вывод, что у дагестанских женщин есть причины, основания для беспокойства, ибо их семейные установки отличаются от мужских, более того, на допустимость лично для себя нахождения в статусе «второй женой» указывает статистически незначимая доля опрошенного женского населения. Поэтому,

исходя из существующего в массовом сознании опрошенного дагестанского населения отношения к полигамии, можно утверждать, что оно не рассматривается как традиционная модель семейной жизни, и практической необходимости для ее распространения не существует. Более того, полигамия может выступить ключевым источником подрыва основ семейных ценностей и отношений. Кроме того, гипотетически допустимость мужчине иметь «вторую жену» в противоположность установке женщин не принимать такое решение мужчины (мужа) может спровоцировать внутрисемейный конфликт, который может в конечном итоге разрушить семью.

Заключение

Несмотря на то что в настоящее время многоженство получило распространение в семейно-брачной сфере дагестанской семьи, в общественном сознании опрошенного населения доминирует отрицательная его оценка, более того, особенно женщины усматривают в нем угрозу как собственной семье, так и семье сына и дочери. Разумеется, женщины, самоидентифицирующие как верующие и приверженные активному культовому поведению, относительно толерантны к многоженству, но, по мнению автора, это внешняя демонстрация при внутреннем неприятии такого поступка со стороны своего супруга. При этом опрошенные мужчины, по сравнению с женщинами, демонстрируют совсем иные желания и возможные стили семейно-брачного поведения – данные опроса констатируют, что они допускают возможность иметь «вторую жену» при определенных условиях («если в первом браке не будет детей, но я не захочу расстаться со своей женой», «если я полюблю другую женщину, но не захочу разрушить свою первую семью», «наша религия (ислам) позволяет мужчине иметь четырех жен»), хотя в целом преобладают суждения, не воспринимающие институт полигамии («я не хотел бы разрушать свою семью», «это безнравственно», «мое материальное положение не позволяет мне иметь “вторую жену”»). Возможно, это связано с тем, что мужчина осознает, какие последствия, в основном психоэмоционального характера, могут иметь его решение. Априори мужчина не сможет в равной степени участвовать в жизни обеих семей, воспитании детей, хотя может быть вполне способен обеспечить материальный фундамент – ключевым в мусульманстве является именно соблюдение равенства в отношении обеих супруг.

Далее по результатам исследования установлено, что подавляющая часть опрошенных женщин обозначает недопустимость

для себя быть в статусе «второй жены», впрочем, как и респонденты, мужчины, которые с аргументацией разрушения первой семьи не готовы на такой шаг. Однако брачные установки мужчин кардинально отличаются от женских: первые приводят разные причины для обоснования возможности иметь «вторую жену», а вторые в категоричной форме подчеркивают недопустимость такого поступка лично для себя.

Литература

- Алимова 2011 – *Алимова Б.М.* Современная дагестанская семья: проблемы и перспективы // Вестник Института ИАЭ. 2011. № 1. С. 48–52.
- Алимова 2015 – *Алимова Б.М.* Разводы в Дагестане: причины, мотивы и пути стабилизации (анализ статистики) // Вестник Института ИАЭ. 2015. № 2. С. 124–142.
- Алиев 2013 – *Алиев А.К.* Многоженство – социальная болезнь // Народы Дагестана. 2013. № 5. С. 25–27.
- Верещагина, Шахбанова 2016 – *Верещагина А.В., Шахбанова М.М.* Межэтнические отношения в оценке дагестанских народов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 4. С. 159–177.
- Гимбатова 2014 – *Гимбатова М.Б.* Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала: Эпоха, 2014. 392 с.
- Шахбанова 2008 – *Шахбанова М.М.* Отношение к межнациональным бракам в этническом сознании дагестанцев // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 72–76.
- Шахбанова 2009а – *Шахбанова М.М.* Место религии в процессе формирования культуры межнационального общения // Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009: Сб. науч. трудов / Сост. М.М. Шахбанова; Отв. ред. Ю.Н. Абдулкадыров. Махачкала: АЛЕФ, 2009. С. 15–24.
- Шахбанова 2009б – *Шахбанова М.М.* Этноконфессиональные особенности Республики Дагестан // Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Ю.Н. Абдулкадыров. Махачкала: АЛЕФ, 2009. С. 35–47.

References

- Alimova, B.M. (2011), “Modern Dagestan family. Issues and prospects”, *Bulletin of the Institute IAE*, no. 1, pp. 48–52.
- Alimova, B.M. (2015), “Divorces in Dagestan. Reasons, motives and ways of stabilization (statistical analysis)”, *Bulletin of the Institute IAE*, no. 2, pp. 124–142.

- Aliev, A.K. (2013), "Polygamy is a social disease", *The people of Dagestan*, no. 5, pp. 25–27.
- Gimbatova, M.B. (2014), *Muzhchina i zhenshchina v traditsionnoi kul'ture tyurkoyazychnykh narodov Dagestana v XIX – nachale XX v.* [Man and woman in the traditional culture of the Turkic-speaking peoples of Dagestan in the 19th – early 20th century], Epokha, Mahachkala, Dagestan.
- Shakhbanova, M.M. (2008), "Attitude to interethnic marriages in the ethnic consciousness of Dagestanis", *Sociological Studies*, no. 11, pp. 72–76.
- Shakhbanova, M.M. (2009a), "The place of religion in the process of forming a culture of interethnic communication", Abdulkadyrov, Yu.N. (ed.), *Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk – 2009* [Current issues of the humanities – 2009. Collection of scientific papers], ALEF, Mahachkala, Dagestan, pp. 15–24.
- Shakhbanova, M.M. (2009b), "Ethnoconfessional features of the Republic of Dagestan", Abdulkadyrov, Yu.N. (ed.), *Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk – 2009* [Current issues of the humanities – 2009. Collection of scientific papers], ALEF, Mahachkala, Dagestan, pp. 35–47.
- Vereshchagina, A.V. and Shakhbanova, M.M. (2016), "Interethnic relations in the assessment of Dagestan peoples", *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 19, no. 4, pp. 159–177.

Информация об авторе

Эльвира М. Загирова, кандидат социологических наук, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия; 367030, Россия, Махачкала, ул. Ярагского, д. 75; elvira.2005@inbox.ru

Information about the author

Elvira M. Zagirova, Cand. of Sci. (Sociology), Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Dagestan; bld. 75, Yaragskogo Street, Makhachkala, Russia, 367030; elvira.2005@inbox.ru

УДК 316.74:28

DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-457-467

Гендерная специфика религиозного поведения (на примере дагестанского населения)

Мадина М. Шахбанова

*Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,
Махачкала, Россия, madina2405@mail.ru*

Аннотация. Проблема религиозности и вытекающего из него религиозного поведения ярко себя проявила в постсоветский период на фоне секуляризации российского общества. Несомненно, что религия в обществе в целом и в личной жизни индивида играет существенную роль, которая может быть в разные исторические периоды неоднозначной. Поэтому вектор развития религиозного возрождения будет определять позитивный/негативный сценарий и климат в обществе. Маркером диагностики религиозного поведения дагестанского населения является содержательная наполненность понятия «истинно верующий», которое определяет нормативную религиозную практику. Верификация эмпирического материала показывает существование определенных различий в установках опрошенных мужчин и женщин в обозначении «истинно верующий человек»: вторые акцентируют внимание на морально-нравственном признаке, наличии определенных моральных свойств, позволяющих идентифицировать человека как «истинно верующий».

Ключевые слова: религия, ислам, религиозность, религиозное поведение, исламские постулаты, гендер, дагестанское общество

Для цитирования: Шахбанова М.М. Гендерная специфика религиозного поведения (на примере дагестанского населения) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 457–467. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-457-467

Gender specificity of religious behavior (on the example of the Dagestan population)

Madina M. Shakhbanova

*Dagestan Federal Research Russian Academy of Sciences Center,
Makhachkala, Russia, madina2405@mail.ru*

Abstract. The issue of religiosity and resulting from it religious behavior manifested itself vividly in the post-Soviet period against the background of

© Шахбанова М.М., 2022

secularization of Russian society. There is no doubt that religion in society as a whole and in the personal life of an individual plays an essential role, which may be ambiguous in different historical periods. Therefore, the vector of development for religious revival will determine the positive/negative scenario and the climate in society. The marker for diagnosing the religious behavior of the Dagestan population is the content of the concept “true believer”, which defines normative religious practice. Verification of the empirical material shows the existence of certain differences in the attitudes of the interviewed men and women in the designation “a true believer”: the latter focus on the moral and moral attribute, the presence of certain moral properties that allow identifying a person as a “true believer”.

Keywords: religion, Islam, religiosity, religious behavior, religious behavior, Islamic postulates, gender, Dagestan society

For citation: Shakhbanova, M.M. (2022), “Gender specificity of religious behavior (on the example of the Dagestan population)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, part 3, pp. 457–467, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-457-467

Распад Советского Союза и его последствия не теряют своей актуальности по целому ряду причин: изучение любой социальной сферы (политическая, экономическая, социальная, духовная, религиозная и др.), как правило, сопровождается анализом ранее имевшей модели, которая в новых исторических реалиях закономерно подверглась масштабным преобразованиям. Разумеется, что эти реформы имели не только позитивные, но и негативные последствия, которые в зависимости от своей значимости по-разному отразились на состоянии российского социума в целом. В рамках данного исследования ключевым является установление факторов религиозного возрождения, его итогов, определение места конфессионального компонента в массовом сознании. Поэтому актуальным является установление веса, в данном контексте исламского вероучения, для носителей данного вероисповедания, выявление степени религиозности и понимание «религиозности», индикаторов его измерения, т. е. нормативной религиозной практики.

Что такое религиозность и какими методами можно ее измерить? Вопрос, который важен для исследователей при изучении религиозных процессов на постсоветском пространстве. Особенно он актуален в регионах, исповедующих мусульманство, по целому ряду причин, среди которых ключевой является установление почвы появления религиозного экстремизма и экстремальности сознания.

Отечественные исследователи дают качественный анализ феномена религиозности, обозначают разные формы ее существования (традиционная и нетрадиционная религиозность). Феномен религиозности рассмотрен в работах К.С. Дивисенко, по мнению которого «проблематичным оказывается понятие “религиозность”» [Дивисенко 2011, с. 85], С.В. Рыжовой, утверждающей, что «в постсоветский период она (религиозность. – *Авт.*) превратилась в активный элемент этнического самоопределения и политического позиционирования» [Рыжова 2019, с. 49], Д.М. Угриновича [Угринович 1985], Е.В. Пруцковой, которая рассматривает «религиозность как иерархически организованный и многомерный феномен» [Пруцкова 2013, с. 74]. В современной социологии религии имеют место новые теоретико-методологические подходы исследования религиозности, особенностей ее выражения, и таковой является теория депривации [Исаева 2019]. Таким образом, рассматривая религиозность как своеобразный социальный феномен, необходимо исходить из того, что «в основе всех систем верований и всех культов... должно существовать некоторое число основных представлений и ритуальных установок» [Мистика. Религия 1998, с. 180].

Установление содержания религиозности ставит вопрос о том, как индицируется данное явление и, по мнению одних исследователей,

...о религиозности следует судить по наличию в сознании определенных религиозных идей (например, понятие о Боге). Другие придают первостепенное значение религиозным признакам поведения людей – отправлению религиозных обрядов и праздников, членству в религиозных группах и т. д. [Яблоков 1979, с. 124].

То есть исследование религиозности требует анализа данного явления в сопряженности с моделью религиозной практики человека, которая покажет «адекватных характеристик религиозности, тесно связанных с качеством и интенсивностью социальной деятельности» [Ильясов 1987, с. 51]. К сожалению, в отечественной науке полноценное изучение положения религии, востребованность вероучений в общественном сознании, типы религиозности, нормативная религиозная практика и ряд других не менее важных вопросов практически не нашли своего рассмотрения в силу доминирования атеистического мировоззрения в нашей стране. Однако имелись единичные исследования, среди них работы Ф.Н. Ильясова и Н.П. Алексеева:

...для измерения религиозности применялся показатель «участие в религиозных обрядах», который представлял собой сумму индикаторов, отражающих отдельные элементы культового поведения. Другой показатель религиозности – «вера в сверхъестественное» – суммируется из индикаторов, отражающих веру индивида в Бога и в отдельные положения теологической доктрины [Ильясов 1987, с. 50].

В концепции Н.П. Алексева

...одним из центральных вопросов методики конкретного изучения религиозных пережитков любой социальной группы является вопрос о критерии религиозности: кого считать верующим, по каким признакам его следует отличать от колеблющегося или неверующего? [Алексеев 1967, с. 133].

Н.П. Алексеев критерием религиозности считает

...веру в существование Бога, а все остальные признаки религиозности – участие в богослужениях, отправление различных обрядов, которые нередко берутся за основу суждений о религиозной принадлежности, по его утверждению, являются второстепенными... Это не значит, что второстепенные признаки религиозности должны игнорироваться в социологическом исследовании. Учет их необходим, так как они служат дополнением и уточнением действительного отношения человека к религии [Алексеев 1967, с. 134].

В рамках изучения религии, религиозного сознания и поведения российские исследователи уделяют внимание выявлению индикаторов соответствия религиозным требованиям, на основании которых человека можно считать принадлежащим определенной конфессии. Таковым является метод «В-индекс» В.Ф. Чесноковой [Чеснокова 2005, с. 59], который Ю.Ю. Синелиной был адаптирован для изучения религиозности последователей мусульман [Синелина 2013].

В.Ф. Анурин считает, что «реальную приверженность к религии – религиозность – следует определять по характеру различных форм религиозного поведения человека» [Анурин 2013, с. 139], поэтому индикаторами измерения культового поведения выступают

...1. молятся; 2. следуют религиозным заповедям; 3. посещают религиозные службы в храме; 4. читают священные книги; 5. причащаются; 6. исповедуются; 7. соблюдают установленные посты [Анурин 2013].

Эмпирической базой исследования является авторский социологический опрос, проведенный в городах Республики Дагестан (Дербент, Каспийск, Махачкала, Хасавюрт, Кизляр) в 2020 г. Методом исследования является массовое стандартизированное анкетирование. N = 563. Мужчины – 274, женщины – 289. Гипотеза исследования заключается в том, что понимание сущности «истинно верующий человек» и декларируемое культовое поведение (каноны мусульманства) не соответствуют реальной религиозной практике человека. Кроме того, позиция о большей религиозности и активном религиозном поведении женщин, по сравнению с мужчинами, также представляется ошибочной.

По всему массиву опрошенных для 70,8% конфессиональная принадлежность является важнейшим индикатором, по гендерной принадлежности данную точку зрения разделяют 67,0% мужчин и заметно большая часть женщин (73,4%). Далее, с большим отрывом от предыдущего суждения, на второй позиции располагается вариант ответа, констатирующий не очень важное значение религиозной принадлежности (14,0%), среди них почти равные доли опрошенных мужчин (14,3%) и женщин (13,8%). При этом обращает на себя внимание, что одна девятая часть опрошенных мужчин отметила вариант ответа «для меня совсем не важна моя религиозная принадлежность» против 6,7% женщин. При конкретизации вопроса о роли вероучения в личной жизни респондента получены следующие ответы: в жизни одной второй части опрошенных по всей выборке религия выполняет «очень важную» роль, среди них выделяется подмассив женский (45,0%), среди мужчин процентный параметр ниже (40,0%). Далее, 35,5% респондентов придерживаются позиции о «важной» роли вероисповедания в своей личной жизни (здесь доля мужчин чуть больше в сравнении с женщинами – 36,5 и 34,9% соответственно). С разницей в сотые доли респонденты-мужчины (11,7%) и женщины (11,9%) подчеркивают, что религия в их жизни играет «не очень важную» роль; вариант ответа «никакую» отмечен 5,9% по всему массиву, из них 7,0% мужчин и 5,2% женщин. Таким образом, аналитика вопросов «В какой степени для Вас важна Ваша религиозная принадлежность?» и «Какую роль играет религия в Вашей личной жизни?» демонстрирует явную выраженность религиозности женского населения по сравнению с мужским, более того, и востребованность религиозного учения в личной жизни опрошенных женщин.

Установление степени потребности вероисповедания в идентификационных процессах и личной жизни индивида предполагает выявление характерного респондентам религиозного поведения. Что такое религиозное поведение? В чем оно заключается? Какую

функцию выполняет религиозное поведение в формировании религиозной идентичности? – вот эти вопросы являются первостепенными в рамках изучения религиозного учения в целом, причин религиозного ренессанса, а также нормативной культовой практики верующего.

В нашем исследовании были затронуты вопросы, позволяющие выявить существующие в общественном сознании опрошенного дагестанского населения установки и понимание поведения верующего человека. Ответы на вопрос «Как Вы думаете, что должен делать верующий человек?» показывают превалирование с большим преимуществом суждения о необходимости следовать правилам имана (вера в единого Бога, ангелов, священные книги, пророков, Судный день, предопределение судьбы), и здесь различие между мужчинами и женщинами составляет в сотые – 68,5 и 68,6% соответственно. При этом можно отметить существование различий по иным позициям: на регулярность чтения мусульманской религиозной литературы указывают 17,6 и 12,8% женщин; посещение священных мест («зиярат») важен для мужской части (16,9%), по сравнению с женщинами (9,7%). Далее, истинно верующим женщины считают человека, который живет и следует нормативным религиозным правилам (32,1%), доля мужчин составляет 28,3%. Такая же картина наблюдается и по вариантам ответов: истинно верующим 20,5% мужчин и 23,3% женщин считают нравственного человека, причем здесь значения не имеет, верующий или неверующий человек, более того, 30,2% мужчин и 39,4% женщин считают, что «истинно верующим человеком может быть только нравственный человек». Такая установка свидетельствует о значимости для опрошенных независимо от гендерной принадлежности моральных качеств, чем религиозное поведение в целом. Здесь закономерно возникает вопрос: «Почему респонденты акцентируют внимание» на нравственном компоненте при некотором игнорировании собственно исламских правил поведения?». Видимо, это обусловлено критическим отношением к духовным лицам и их деятельности, определенным недоверием к ним, которое порой вполне обоснованно.

Далее в исследовании был задан «контрольный вопрос», позволяющий глубже изучить выраженность религиозности и ее согласованность с религиозной практикой верующего (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:
«Что обязан делать верующий человек?» (%)

Варианты ответов	Мужчины	Женщины	Всего
Регулярно посещать мечеть	43,1	26,5	33,4
Соблюдать пост (Ураза)	60,6	60,4	60,5
Читать религиозные тексты	27,7	23,8	25,5
Совершать намаз	70,2	77,1	74,1
Посещать религиозные службы	17,1	10,2	12,9
Праздновать религиозные праздники	29,7	30,8	30,3
Я не соблюдаю ни одно из предписаний религии, но считаю себя убежденно верующим человеком	10,1	13,4	12,0
Выплачивать религиозный налог (закят)	30,2	38,6	35,2
Совершить паломничество (хадж)	29,3	35,2	32,9

Полученный эмпирический материал показывает, что между респондентами, мужчинами и женщинами, отсутствуют явно выраженные различия в обозначении ключевых для последователя ислама религиозных правил. Однако возникает вопрос в отношении некоторых параметров измерения религиозного поведения, вернее, обязанности верующего человека: в части посещения мечети и религиозных служб, где процентные показатели различаются. Дело в том, что женщины-мусульманки не посещают мечеть, более того, такое посещение и не одобряется по самым различным причинам. Кроме того, декларирование нормативной религиозной практики не всегда соответствует реальной религиозной практике человека, который обозначает свое отношение к религии как верующий. Чтобы выявить эту несогласованность (с одной стороны, обязанности мусульманина, с другой – реальное религиозное поведение) респондентам был задан следующий вопрос (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопросы:
 «Как часто Вы посещаете мечеть?»,
 «Как часто Вы молитесь?»,
 «Как часто Вы соблюдаете пост (Уразу)?»,
 «Как часто Вы выплачиваете религиозный
 налог (закят)?» (%)

Варианты ответов	Мужчины	Женщины	Всего
Посещение мечети			
Постоянно	17,4	2,8	8,8
Часто	30,4	9,8	18,3
Редко	28,7	30,9	30,0
Никогда	20,0	50,5	37,9
Частотность молитвы (намаз)			
Постоянно	56,5	57,2	56,9
Редко	17,0	15,3	16,0
Никогда	17,4	21,7	19,9
Регулярность соблюдения поста (Ураза)			
Постоянно	50,9	47,1	48,
Редко	34,8	36,4	35,7
Никогда	11,7	13,1	12,6
Регулярность выплаты исламского религиозного налога (закят)			
Постоянно	40,9	36,4	38,2
Редко	23,9	26,0	25,1
Никогда	22,6	28,7	26,2

Анализ социологического материала показывает, что опрошенные мужчины «часто» и с небольшой разницей «редко» посещают мечеть, следовательно, присутствуют и на религиозной службе (рузман – в пятницу у мусульман). В регулярности совершения молитвы различий между мужчинами и женщинами не наблюдается, но среди мужчин чуть больше доля «редко молящихся», а среди женщин – никогда не совершающих молитву (намаз). В соблюдении обязательного для мусульманской паствы поста (Ураза) также не наблюдается отличий, впрочем, как и по выплате религиозного

налога. Таким образом, можно утверждать, что между опрошенными мужчинами и женщинами не существует ярко выраженных различий в отправлении религиозной практики, более того, она по некоторым позициям активно соблюдается.

Далее в исследовании был задан вопрос, показывающий степень активности и пассивности опрошенного дагестанского населения. По данным исследования, 18,7% мужчин и заметно меньшая часть женщин (10,4%) постоянно принимают участие во всех исламских обрядах, более того, ведут активную религиозную пропаганду. Суждение об избирательном участии в религиозной деятельности («участвую в главных религиозных обрядах») подчеркнуто почти равной частью в обеих подгруппах: 27,4% мужчин и 27,5% женщин. При этом по всему превалирует суждение «иногда участвую в некоторых религиозных обрядах моей религии» (42,5%), среди них 40,4% мужчин и 44,0% женщин; далее практически никакой религиозной деятельности не ведут 12,2% мужчин и 15,0% женщин. Полученные данные показывают, что опрошенные мужчины и женщины в равных пропорциях обозначают свое отношение к вероисповеданию, ее важность в повседневной жизни, но при этом придерживаются религиозной практики, характерной когорте самоидентифицирующихся как «колеблющиеся». Иными словами, наблюдается несогласованность между провозглашенными религиозными правилами и реальным их соблюдением.

Частотность соблюдения нормативной религиозной практики является индикатором измерения степени религиозности населения. Авторский эмпирический материал показывает отсутствие ярко выраженных различий по гендерному признаку в осознании понятия «истинно верующий», хотя в общественном сознании женской подгруппы имеет место превалирование важности нравственного параметра. Обе подгруппы декларируют необходимость активной религиозной практики, в реальности наблюдается пассивное культовое поведение, которое выражается в игнорировании базовых мусульманских постулатов. Кроме того, опрошенное население предпочтению отдает светскому государству, в котором созданы условия для свободы совести и паства имеет возможность соблюдать религиозные нормы и правила. Несомненно, что происходит трансформация религиозного сознания дагестанских мужчин и женщин, которая, с одной стороны, проявляется не только в приобщении к основам вероучения, но и в изменении внешнего облика последователя мусульманства. Этому способствует появление исламских учебных заведений, параллельное обучение в светских и религиозных учебных заведениях, стремление родителей дать своим детям базовое религиозное образование.

Литература

- Алексеев 1967 – *Алексеев Н.П.* Методика и результаты изучения религиозности сельского населения (на материалах Орловской области) // Вопросы научно-го атеизма. М.: Мысль, 1967. Вып. 3. С. 131–150.
- Анурин 2013 – *Анурин В.Ф.* Религия как фактор социальной интеграции // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 135–146.
- Дивисенко 2011 – *Дивисенко К.С.* Религиозные знания, убеждения, практики в структуре жизненного мира // Социологический журнал. 2011. № 4. С. 84–100.
- Ильясов 1987 – *Ильясов Ф.Н.* Религиозное сознание и поведение // Социологические исследования. 1987. № 3. С. 50–55.
- Исаева 2019 – *Исаева В.Б.* Теория депривации как инструмент изучения нетрадиционной религиозности // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 3–150. DOI: 10.31857/S013216250006656-4.
- Мистика. Религия 1998 – Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиозного поведения. Антология / Пер. с англ., нем., фр.: Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. М.: Канон+, 1998. 432 с.
- Пруцкова 2013 – *Пруцкова Е.В.* Религиозность и ее следствия в ценностно-нормативной сфере // Социологический журнал. 2013. № 2. С. 72–88.
- Рыжова 2019 – *Рыжова С.В.* Религиозность, этноконфессиональная идентичность и проблемы межэтнического согласия // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 49–58. DOI: 10.31857/S013216250004006-9.
- Синелина 2013 – *Синелина Ю.Ю.* О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах его изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман) // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 104–115.
- Угринович 1985 – *Угринович Д.М.* Введение в религиоведение. М.: Мысль, 1985. 127 с.
- Чеснокова 2005 – *Чеснокова В.Ф.* Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический Проект, 2005. 304 с.
- Яблоков 1979 – *Яблоков И.Н.* Социология религии. М.: Мысль, 1979. 182 с.

References

- Alekseev, N.P. (1967) “Methods and results of studying the religiosity of the rural population (based on the materials of the Orel region)”, *Questions of scientific atheism*, iss. 3, Mysl', Moscow, Russia, pp. 131–150.
- Anurin, V.F. (2013), “Religion as a factor of social integration”, *Sociological Studies*, no. 1, pp. 135–146.
- Chesnokova, V.F. (2005), “*Tesnym putem: protsess votserkoleniya naseleniya Rossii v kontse XX veka* [In a tight path. Process of church orientation of people of Russia in the end of 20th century]”, *Akademicheskii proekt*, Moscow, Russia.

- Divisenko, K.S. (2011), "Religious knowledge, beliefs, practices in structure of life world", *Sociological Journal*, no. 4, pp. 84–100.
- Ильясов, Е.Н. (1987), "Religious consciousness and behavior", *Sociological Studies*, no 3, pp. 50–55.
- Isaeva, V.B. (2019), "Theory of deprivation as instrument of research of nontraditional religiosity", *Sociological Studies*, no. 9, pp. 31–50. DOI: 10.31857/S013216250006656-4.
- Krasnikov, A.N. (ed.) (1998), *Mistika. Religiya. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniya. Antologiya* [Mystics. Religion. Science. Classics of world religion science. Anthology], Kanon+, Moscow, Russia.
- Prutskova, E.V. (2013), "Religiosity and its consequences in the sphere of norms and values", *Sociological Journal*, no. 2, pp. 72–88.
- Ryzhova, S.V. (2013), "Religiosity, Ethno-Confessional Identity and Issues of Interethnic Accord", *Sociological Studies*, no. 2, pp. 49–58, DOI: 10.31857/S013216250004006-9.
- Sinelina, Yu.Yu. (2013), "About the dynamics of the religiosity of Russians and some methodological issues of its study (religious consciousness and behavior of Orthodox and Muslims)", *Sociological Studies*, no. 10, pp. 104–115.
- Ugrinovich, D.M. (1985), *Vvedenie v religiovedenie* [Introduction to religion studies], Mysl', Moscow, Russia.
- Yablokov, I.N. (1979), *Sociologiya religii* [Sociology of religion], Mysl', Moscow, Russia.

Информация об авторе

Мадина М. Шахбанова, доктор социологических наук, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия; 367030, Россия, Махачкала, ул. Ярагского, д. 75; madina2405@mail.ru

Information about the author

Madina M. Shakhbanova, Dr. of Sci. (Sociology), Russian Academy of Sciences Dagestan Federal Research Center, Makhachkala, Russia; bld. 75, Yaragskogo Street, Makhachkala, Russia, 367030; madina2405@mail.ru

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 16.05.2022.
Формат $60 \times 90^{1/16}$.
Уч.-изд. л. 9,4. Усл. печ. л. 10,1.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1545

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru